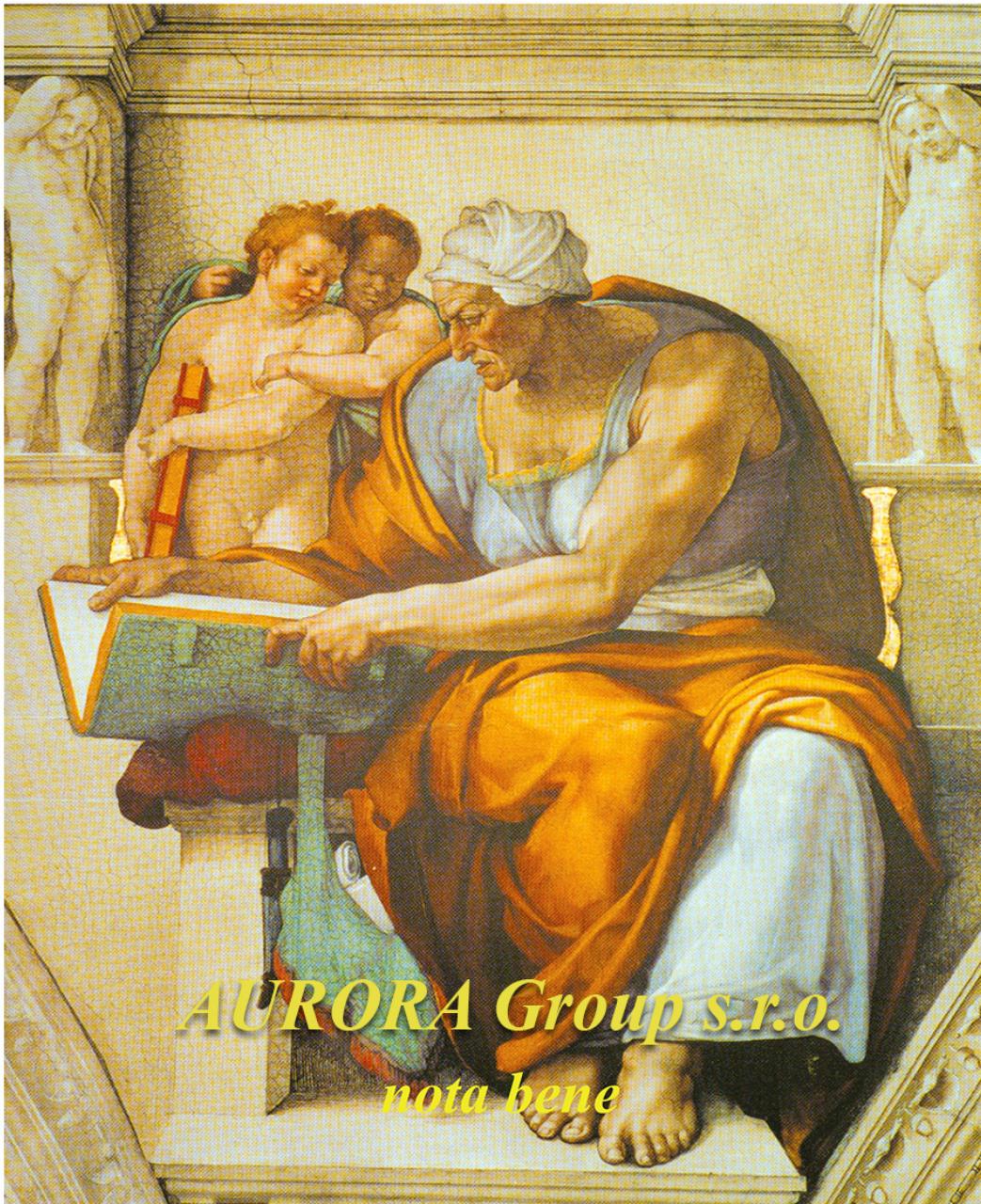

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

научные исследования

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 02-05-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Карпов Сергей Павлович, академик РАН, доктор исторических наук,
medieval@hist.msu.ru

ISSN: 2454-0609

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 02-05-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Karpov Sergei Pavlovich, akademik RAN, doktor istoricheskikh nauk,
medieval@hist.msu.ru

ISSN: 2454-0609

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ И РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Арсентьев Николай Михайлович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Директор Историко-социологического института Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева

Безбородов Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, исполняющий обязанности директора Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Борисов Николай Сергеевич, доктор исторических наук.

Бородкин Леонид Иосифович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, Исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, зав. кафедрой исторической информатики.

Ватлин Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Карпов Сергей Павлович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Президент исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, зав. кафедрой истории средних веков

Мироненко Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, заведующий кафедрой истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, Директор Института российской истории РАН

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского

Шелохаев Валентин Валентинович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Руководитель центра «История России в XIX – начале XX в.» Института российской истории РАН, директор Института общественной мысли, президент ассоциации «Российская политическая энциклопедия»

Мясников Владимир Степанович, доктор исторических наук, академик РАН, советник РАН, Член дирекции Института востоковедения РАН, член Бюро Отделения историко-филологических наук РАН

Наумкин Виталий Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Заведующий кафедрой регионоведения факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент Российского центра стратегических и практических исследований.

Репина Лорина Петровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН Заместитель директора Института всеобщей истории РАН руководитель Центра

РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, руководитель центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, заведующая кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российской государственного гуманитарного университета, президент Межрегиональной общественной организации «Общество интеллектуальной истории»

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, ординарный профессор, Директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Сапрыкин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, Заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Уваров Павел Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой социальной истории факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Уколова Виктория Ивановна, доктор исторических наук, профессор, Заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений – Университета МИД России, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета

Гайдуков Петр Григорьевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заместитель директора Института археологии РАН

Канторович Анатолий Робертович, доктор исторических наук, доцент, Заведующий кафедрой археологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Крадин Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Макаров Николай Андреевич, доктор исторических наук, академик РАН, Директор Института археологии РАН, член-корреспондент Германского археологического института и Американского археологического института

Бондаренко Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Главный научный сотрудник – заместитель директора Института Африки РАН, куратор Центра изучения стран Тропической Африки, Центра истории и культурной антропологии и Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, директор Международного центра антропологии НИУ ВШЭ, профессор Центра социальной антропологии РГГУ

Мартынова Марина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, Директор Института этнологии и антропологии РАН, руководитель Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН, заслуженный деятель науки РФ

Функ Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, Заведующий кафедрой этнологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, Директор Института российской истории РАН

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

nota bene

books • journals • publishing technologies

ABOUT

JOURNALS

AUTHORS

AGREEMENTS

REVIEWING

ADVERTISEMENT

63

periodic publications

2

journals in the Erich Plus

NSD

All articles receive an international DOI

AUTHOR'S ZONE

[Upload your article
for publishing consideration](#)

[Become
reviewer](#)

JOURNALS

From A to Z

in VAK

in Erich Plus

All

NEW ARTICLES

[Gorbatenko S.A., Komov V.G., Sviridov V.I. - Food provision strategy of Russia is in need of improvement](#)

(Published in «SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences» №2, 2016)

An integral part of national security of a country is its food security, which primarily relies on the potential of the agricultural production. It is no accident that in the economically developed countries production and processing of food products is viewed as one of the key components of political stability, and serves as an index of state independence, and thus being accordingly regulated based on an existing strategy [15, 10].

In the opinions of T. I. Gulyaeva, O. V. Sidorenko, V. V. Smirnova and other scientists, the principal elements of food strategy should be the following:

- Physical access to food products – presence of required amount and assortment of food products throughout the country in correspondence with the established norms of consumption;
- Affordability of food – level of income that would allow purchasing sufficient amount of food

PUBLISHER'S NEWS

We signed the [San Francisco Declaration on Research Assessment \(DORA\)](#).
[more »](#)

The first issue of «PHILHARMONICA. International Music Journal» №1, 2014 is published!

All articles are written in both Russian and English. The journal is available online in our [library](#).
[more »](#)

products to meet at least the minimum consumption level;

- Food safety for consumers, prevention of manufacturing and sales of substandard food products that could be harmful to the health of the population.

In Russia, none of the aforementioned components is fully implemented. Moreover, the actual consumption of absolutely all types of food products does not correspond with the scientifically proven norms (Table 1). [more »](#)

[Danilenko D.V. - The role of liberal values in secularization](#)

(Published in "SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences" №2, 2016)

02/07/2016

Almost all modern sociologists believe that religion's importance is fading within developed countries, that the observation of religious practices, values and beliefs is about to erode within the modern Western world. We could even advance that this affirmation is one of the axioms of the modern social sciences, and is rarely contested. The few voices that do contest such affirmation are mostly from the United States[1], which is perfectly understandable, since the secularization process is slower in the US than it is in Europe. Moreover, such affirmations are more common today than ever before, which could be explained by the fact that the secularization processes in some countries seemed to be slowed down in response to different aspects of globalization: religion

represents one of the main instruments that keep the originality of one's own culture and traditions, whereas the importance of growth of religious population in Western countries is caused by the high levels of immigration. Nonetheless, we have to be cautious with statistical data that shows a surge of religious practices in some Western countries, since it is more of a question of cultural identity, rather than a question of faith – the surge of religious practices in the contemporary world is part of the personal and national identity process within a globalized world without well-defined landmarks, or a question of time necessary for the religious immigrant population to integrate into the Western societies, which is generally resolved with the change of generations in the immigrant populations.

If the existence of secularization is almost uncontested – at least with the developed countries – its interpretations are a different story. There are numerous interpretations of secularization, advanced by sociologists, theologians, philosophers, and political scientists. Almost all of them have contributed to the understanding of the phenomenon, since several different factors have contributed to the erosion of political importance of religion (and the Church), as well as to the secularization on individual level (erosion of observation of religious practices, values, and beliefs) or what we can refer to as secularization of minds. [more »](#)

[Danilenko D.V. - Why Russians are so different?](#)

(Published in "SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences" №4, 2015)

Many facts and indexes allow us to affirm that Russia and Russians are not so different from the Western countries and their citizens. Russian society is complex, multinational, and urbanized. The level of education is quite high here, and literary as well as artistic legacy of Russia is considered as being a part of Western culture. Welfare state and social justice values, especially labor rights developed under the Communist rule, have strong legacy in Russia, which also seems to confirm the idea that the levels of certain human development indexes are comparable to that of the Western countries. The level of equality between men and women is

not lower than in the Western countries. Nonetheless, some socioeconomic and political peculiarities of Russia as well as of the cultural identity and worldview of Russians are so important, that even a tourist can observe significant differences in comparison with the Western countries. Indeed, the democratic organization of political power has never existed here; human rights abuses are common here even today; level of social capital is the lowest in the world, even on the level of most intense interpersonal relations; and economy is still struggling to convert to capitalism, among other things.

Many authors, both Russian and Western, have attempted to identify those peculiarities of Russia and its inhabitants, as well as to reveal its roots by comparing them with the Western countries and their citizens. Some of them determined that those peculiarities are of cultural origin and could be explained by religious or climatogeographic factors (Lebedev, Maksimovitch 2015), while others emphasized the institutional factor (role of the state) (Rozenova 2015). We believe that the institutional factors do not play as big of a role as the cultural factors in profoundly feudalistic societies, which Russia was until the end of the XIX century, whereas it would be wrong to reject the influence of the state (institutional thesis) on social capital, economy, and identity of its citizens, since it is axiomatic that the totalitarian states (such as Russia under the Communist rule) are so invasive into the personal and social life of the individual, that such factor could not be rejected. Thus, a historical research of the socioeconomic peculiarities, as well as of the political influence, is necessary in order to understand why Russia and its inhabitants seem to be so different from the Western countries and their citizens. [more »](#)

ICM

Metadata is now available for ICM -

[Interdisciplinary center for mathematical and computational modelling, Warsaw University](#)
[more »](#)

"Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences" №2, 2013

The second issue of "Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences" is available online!

[more »](#)

[Maslanov D.V. - President and Russians: foreign view of the attitude of the population of post-Soviet Russia towards its presidents](#)

(Published in «SENTENTIA, European Journal of Humanities and Social Sciences» №4, 2015)

The research of the political development of the countries with the transitional type of democracy or democratic transitions, hold a special place in the world political science. With the start of the third wave of democratization, many authors attempted to understand the new criteria and the results of the change of political regimes in the countries that have shed the shackles of authoritarianism, including the post-Soviet Russia. The "transitology" is based on the blueprint of "democratic transition" (authoritarianism-transition-democracy), in which the democracy a priori becomes the better form of governing, and studying the transitional regimes most often manifests in the search for "perversions" or "abnormalities" of the optimal, i.e. liberal, Westerly version of democracy. In Russian science the transition researchers have formed a number of concepts regarding the Russian political reality; for example, "nomenclature democracy", "destructive democracy", "regional authoritarian regime" or "Russian hybrid", and others [1, 7, 8, 11, 21]. These concepts vary from one another by the assortment of structures and characteristics attributed to the regime, but all of them converge on the fact that in Russia there is a system of power that cannot be called a version of a successful democratization.

The important question for "transitology" is the question about the influence of one or another institution upon the formation or strengthening of democracy, including discussion about the advantages and flaws of the presidential, parliamentary, and mix model. In Russia, the form of governing is the presidential-parliamentary republic, a local version of which is often referred to by science as "superpresidentialism" – a system, in which the president possesses extraordinary authority, which impede a successful "democratic transition" [5, 3-20]. At the same time, it is impossible for the population of the country not to have a certain attitude towards the forming institutions of power, president, and socio-political reality. The nuances of the public opinion of the developing Russian democracy did not escape the attention of the foreign sociological researches. As a result, based on the example of little-studied surveys of public opinion conducted by foreign authors, an attempt is made in this article to show their view upon the population's perception of the office and persona of the president, and what effect did the "strong persona" had on the development of the country's political system. This article examines the research conducted in cooperation with the Russian Institute of Sociology RAS (T. Colton, V. Zimmerman, M. McFaul, H. Hale; The Russian Election Studies series – RES), surveys by the Pew Research Center, and others that analyze the mood of the Russian population towards the political system and state institutions. The timeframe of the post-Soviet Russia defined in this work falls on the period between the collapse of the Soviet Union in 1991, and the end of the second presidential term of Vladimir Putin in 2008. [more »](#)

Saamishvili N.N. - The opera of Kaija Saariaho "L'amour de loin": questions of libretto and composing technique

(published in «PHILHARMONICA, International Music Journal» №2, 2015)

The opera "L'amour de loin" (Love from Afar, year 2000) of the Finnish composer Kaija Saariaho (born 1952) is recognized as a masterpiece of the modern musical theatre. The work received multiple awards, including a Grammy in 2011 for Best Opera Recording, and its countless production allows us to refer to it as a "triumph of Finnish opera" [2].

Alongside Magnus Lindberg, Jukka Tiensuu, and Tapio Tuomela, Saariaho represents contemporary Finnish school of composers. But its music has long spread beyond the Finnish borders. Saariaho's compositions sound at almost all major festivals; their premieres are held across the globe, performed by some of the greatest musicians and bands.

Saariaho's work is fairly broad and diverse in the genre sense. It contains 3 operas, oratorio, ballet, over 15 orchestra compositions, around 40 vocal compilations, among which are choral compositions, soloists with orchestra, choir with orchestra, soloists and ensembles, chamber compositions for various instrumental ensembles, including electronic elements, as well as several electronic and sound installations. [more »](#)

Pages: [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) ... [57](#)

Nota Bene

- [About](#)
- [Bank details](#)
- [Partners](#)
- [Contact Information](#)
- [Private policy](#)

For authors

- [Agreements](#)
- [Copyright & Licensing Policy](#)
- [Author's area](#)

Other

- [How to write an article?](#)
- [Journals in the list of the Higher Attestation Commission](#)
- [Mobile app](#)

Our sites

- [Aurora group s.r.o.](#)

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

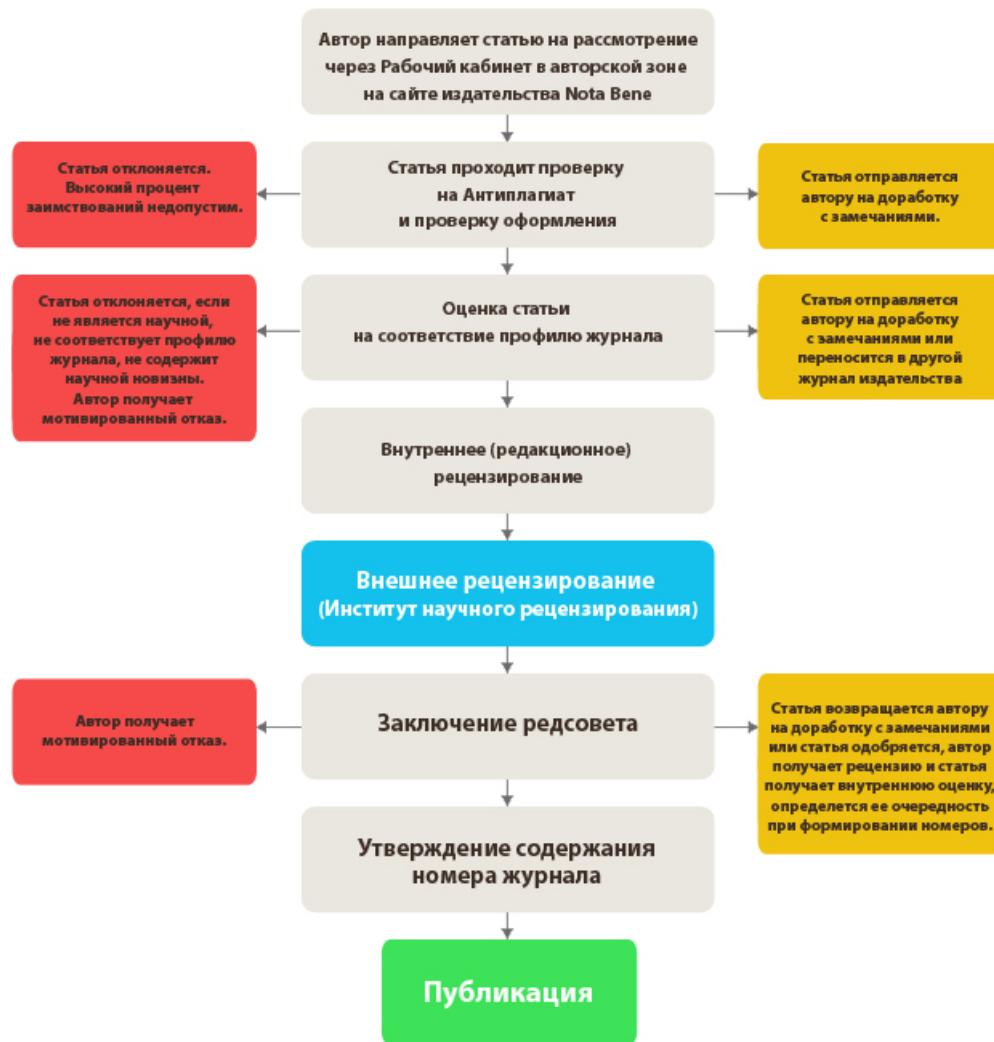
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Артёмов Н.С. Склепы в истории Успенского собора Московского Кремля: обнаружение, происхождение, датировка.	1
Часовитина О.В. О поединке князя Мстислава и Редеди: сравнительно-историческое исследование культуры воинских поединков в Древней Руси конца X - первой половины XI вв.	17
Акбердеева Д.И., Загороднюк Н.И. Сеть железнодорожных поселений Тобольской губернии в конце XIX - начале XX в.	30
Зайцев И.А. Санскритские титулы двух правителей Пагана в памятниках эпиграфики на санскрите и пали	42
Бобров В.В., Мажар Ф. Демографическая реконструкция общества халафской культуры на территории Восточного Евфрата	54
Пригодич Н.Д., Васильев А.В. Сравнительный анализ потерь авиации Ленинградского фронта в период блокады	65
Шильникова И.В. Финансовые аспекты строительства Транссибирской магистрали: структура бюджетных расходов	75
Васильев А.В., Пригодич Н.Д. Римская республиканская государственность в творчестве С. И. Ковалева	99
Тихонов А.А. Музикально-творческая жизнь в Тарском Прииртышье второй половины XX в.: этапы, сообщества, личности	107
Капсалыкова К.Р. Нина Николаевна Белова и исследования античного города в Уральском университете	117
Карпов Г.А. Система здравоохранения колониальной Кении	127
Иликаев А.С. Мотивы творения мира из яйца в космологических мифах прибалтийско-финских народов, марийцев и удмуртов: сравнительно- сопоставительный анализ	140
Старикова Е.В. Польское восстание 1863–1864 гг. и повстанцы глазами русских военных и чиновников.	154
Бурдин Е.С. Политика и взгляды П. Ф. Унтербергера в отношении корейских мигрантов на Дальнем Востоке Российской империи	169
Англоязычные метаданные	184

Contents

Artemov N. Crypts in the History of the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin: Discovery, Origin, Dating.	1
Chasovitina O.V. About the single combat of Prince Mstislav and Rededya: a comparative historical analysis of the culture of single combats in Ancient Rus at the end of X - the first half of XI centuries	17
Akberdeeva D.I., Zagorodnyuk N.I. The Network of Railway Settlements of the Tobolsk Province in the Late XIX - Early XX Century	30
Zaitsev I.A. Sanskrit titles of two Pagan kings in Pali and Sanskrit inscriptions	42
Bobrov V.V., Majar F. Demographic reconstruction of the Halaf culture society on the territory of the Eastern Euphrates	54
Prigodich N.D., Vasil'ev A.V. Comparative analysis of aviation losses of the Leningrad Front during the blockade	65
Shilnikova I. Financial aspects of the construction of the Trans-Siberian Railway: the structure of budget expenditures	75
Vasil'ev A.V., Prigodich N.D. Roman Republican Statehood in the works of S. I. Kovalev	99
Tikhonov A.A. Musical and creative life in the Tarsky Priirtyshie in the second half of the 20th century: periods, communities, personalities	107
Kapsalykova K.R. Nina Nikolaevna Belova and ancient city studies at the Ural University	117
Karpov G. The health care system of colonial Kenya	127
Ilikaev A. Myths about the world creation from an egg of Baltic-Finnish peoples in comparison with cosmogonomic myths of Mary and Udmurts	140
Starikova E.V. The Polish Uprising of 1863-1864 and the Rebels through the Eyes of Russian Military and Officials.	154
Burdin E.S. P. F. Unterberger's Policy and Views on Korean Migrants in the Far East of the Russian Empire	169
Metadata in english	184

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Артёмов Н.С. — Склепы в истории Успенского собора Московского Кремля: обнаружение, происхождение, датировка // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.39858
EDN: BSKUYV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39858

Склепы в истории Успенского собора Московского Кремля: обнаружение, происхождение, датировка

Артёмов Николай Сергеевич

аспирант, кафедра археологии, МГУ имени МВ. Ломоносова

125475, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Клинская, 14к1, кв. 231

✉ frutsport@yandex.ru

[Статья из рубрики "Археология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.2.39858

EDN:

BSKUYV

Дата направления статьи в редакцию:

27-02-2023

Дата публикации:

27-03-2023

Аннотация: Статья посвящена склепам, зафиксированным при земляных работах в Успенском соборе Московского Кремля и рядом с ним. В разные годы в культурном слое на этой территории были зафиксированы кирпичный, белокаменный и подпольный склепы. Данные погребальные сооружения нетипичны как для храмов-усыпальниц XIV-XV в. Северо-Восточной Руси, так и для средневекового грунтового кладбища, располагавшегося на этом месте до постройки собора. Предметом исследования является происхождение этих склепов и история их обнаружения. Цель исследования – рассмотрев историю и подробности обнаружения, обобщить все известные сведения об объектах исследования и на основании этой информации предложить гипотезы о происхождении и датировку указанных погребальных сооружений. Результатами исследования стали обобщение информации о склепах, интерпретация их происхождения и датировка. Полученные результаты можно применить в области изучения истории формирования древнейшего культового центра Москвы. Научная новизна статьи заключается в обобщении отрывочных сведений о склепах, найденных в подпольном пространстве Успенского собора и рядом с ним. Впервые рассмотрен вопрос

о происхождении этих склепов, на основании чего предложена их типология и датировка. Обнаруженные возле собора кирпичный и белокаменный склепы, по-видимому, являлись одноразовыми сооружениями. В таком случае, их происхождение связано с вторичным перезахоронением потревоженных останков средневекового кладбища, располагавшегося на этом месте до постройки Успенского собора. Время сооружения белокаменного склепа можно отнести к 1470-м гг., кирпичного - к середине XIX в. Склеп, обнаруженный непосредственно под полами собора, следует датировать концом 1470-х гг.. Данное сооружение, по-видимому, отмечает место захоронения единственного погребённого в храме князя - Юрия Даниловича. Наружные склепы будут рассмотрены в статье в порядке их обнаружения. Внутрихрамовый склеп будет рассмотрен последним.

Ключевые слова:

Московский Кремль, Успенский собор, склеп, кирпичная гробница, надгробница, свод, погребальное сооружение, захоронение, перезахоронение, кладбище

Введение:

Актуальность исследования заключается в необходимости обобщить и интерпретировать отрывочные данные о погребальных сооружениях, обнаруженных при земляных работах возле Успенского собора Московского Кремля и непосредственно внутри него.

В период с сер. XIX в. по третью четверть XX в. в пространстве под Успенским собором, Патриаршими палатами и церковью Двенадцати апостолов, а также между этими зданиями, московские археологи неоднократно сталкивались со средневековыми захоронениями. Их исследования продемонстрировали наличие на указанной территории многослойного грунтового кладбища XII – нач. XIV вв., неизвестного по синхронным ему письменным источникам [\[1, с. 9\]](#).

Изучению данного некрополя были посвящены статьи Д.А. Беленькой «Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 г.» [Беленькая Д.А., 1971] и Н.С. Шеляпиной (Владимирской): «Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963-1965 гг.» [\[26\]](#), «Надгробия XIII-XIV вв. из раскопок в Московском Кремле» [\[27\]](#), «К истории изучения Успенского собора Московского Кремля» [\[28\]](#), «Археологические исследования в Успенском соборе» [\[29\]](#), «Археологическое изучение северной части Соборной площади Московского Кремля» [\[7\]](#). Краткую характеристику некрополя дала Т.Д. Панова в своих работах «Погребальные комплексы на территории Московского Кремля» [\[15, с. 219-222\]](#) и «Некрополи Московского Кремля» [\[16, с. 5-6\]](#). Однако, полной характеристики и анализа эти данные не получили до сих пор. Так, на участке к северу от собора учёные дважды сталкивались со склепами, содержащими человеческие останки. Однако, в первом случае в историческую литературу попало лишь краткое упоминание о находке [\[22, с. 91\]](#), а во втором результаты исследований и вовсе не были опубликованы их автором и лишь спустя много лет склеп был кратко упомянут в статье Т.Д. Пановой «Погребальные комплексы на территории Московского Кремля» [\[15, с. 220\]](#). Кроме того, в журнале «Светильник» сохранилось упоминание о склепе, обнаруженном внутри собора, под его полами [\[23, с. 44\]](#).

В 1873 г. вышел двухтомник историка И.М. Снегирёва «Подробное историческое и

археологическое описание города» [\[22\]](#). В этой монументальной работе и содержится первое упоминание о находке погребений близ Успенского собора: «У северных дверей открыт кирпичный склеп и в нём кости человеческие» [\[22, с. 91\]](#).

Второй случай обнаружения погребений возле собора произошёл в 1913 г. В связи с подготовкой празднования трёхсотлетия дома Романовых в Кремле развернулись масштабные реставрационные работы, затронувшие и Успенский собор. В ходе земляных работ под наблюдением археолога С.С. Закатова возле собора были выявлены несколько захоронений, в том числе «часть древнего склепа, выложенного из белого известняка» [\[30, с. 252\]](#).

С.С. Закатов оставил довольно подробный отчёт о наблюдениях, но эти данные так и не были им опубликованы. Лишь журнал «Светильник» удостоил работы 1913 г. близ Успенского собора небольшой заметкой «Раскопки в Кремле», где было кратко упомянуто, что «В грудах земли, вырытой здесь же, попадаются хорошо сохранившиеся человеческие черепа, кости...» [\[20, с. 40\]](#). Эта же заметка годом позже была опубликована в «Известиях Императорской археологической комиссии» [\[21, с. 113-114\]](#).

Как выясняется из работы Т.Д. Пановой «Историческая и социальная топография Московского Кремля», данные о работах С.С. Закатова впервые были обнаружены в 1960-е гг. Тогда археолог Р.Л. Розенфельдт нашел в архиве ИА РАН СССР, среди не разобранных материалов, его отчёт [\[19, с. 36\]](#).

Позднее исследовательница некрополя Н.С. Шеляпина (Владимирская) очень кратко отметила наблюдения С.С. Закатова в своих статьях «Надгробия XIII-XIV вв. из раскопок в Московском Кремле» [\[27, с. 288\]](#) и «К истории изучения Успенского собора Московского Кремля» [\[28, с. 203\]](#), а отчёт использовала в качестве приложения к своей кандидатской диссертации, которая так и не была опубликована [\[30\]](#).

Первое упоминание об обнаруженном С.С. Закатовым склепе было сделано Т.Д. Пановой в статье 1989 г. «Погребальные комплексы на территории Московского Кремля» [\[15, с. 220\]](#). Однако, никаких комментариев и анализа находки в статье приведено не было.

Примечательно, что в обоих случаях исследователи упоминали склепы в связи с земляными работами сер. XIX в. возле собора. И.М. Снегирёв привёл информацию о кирпичном склепе сразу после описания работ по устройству обвалившегося «свода» собора (здесь и далее – в данном случае И.М. Снегирёв именовал «сводом» перекрытия подпольной, цокольной части собора) [\[22, с. 91\]](#). С.С. Закатов указал, что склеп из известняка, по-видимому, был повреждён при прокладке трубы отопления в собор [\[30, с. 252\]](#). Подробности об этих работах приведены в статье В.С. Маркова «Успенский собор в Москве: устройство его отопления» [\[11\]](#).

Важно отметить, что относительно понятия «склеп» в отечественной исторической и археологической литературе существует давняя и до сих пор не разрешенная терминологическая дискуссия. Классические склепы, являющие подземными камерами, имеющими иногда надземную часть или даже полностью надземные, предназначающиеся для многоразового использования и посещений, для погребального обряда средневековой Руси и России Нового времени не характерны. Так называемые «склепы» в русской погребальной практике имели, как правило, одноразовый характер. Они, в

основном, известны двух типов: подпольные (в редких случаях – напольные) ранние внутрихрамовые кирпичные гробницы из плинфы и более поздние кирпичные же (как исключение – белокаменные) внутримогильные склепы-своды. Склепами также называли и простые кирпичные внутримогильные сооружения, своего рода оградки, не имеющие даже свода. Зачастую их устраивали для формального соблюдения закона (так, например, в Москве в 1722 г. был установлен запрет на погребение в городе без устройства «склепа»).

Со в.п. XV в. известны также кирпичные надгробники, устанавливаемые над подпольными погребениями в интерьерах статусных усыпальниц (как правило, храмов). Они представляли из себя как просто кирпичный параллелепипед, так и более сложные формы сводчатых псевдо-саркофагов [5, с. 83]. Непосредственно внутри надгробниц не содержались останки погребённых, так что они имеют к склепам лишь косвенное отношение.

Таким образом, в рассматриваемых случаях, для которых исследователи XIX – нач. XX в. писали слово «склеп», не уточняя при этом конструкции, говорить о конкретном типе данных погребальных сооружений можно только по косвенным признакам.

Типологию погребальных сооружений, таких как склепы, кирпичные гробницы и надгробники, в своих работах рассматривали Т.Д. Панова и Л.А. Беляев. В работе Т.Д. Пановой «Царство смерти: погребальный обряд средневековой Руси XI-XVI вв.» средневековым кирпичным гробницам и интерьерным намогильным памятникам посвящены отдельные разделы [18, с. 95-99 и с. 129-130, соответственно]. Интерьерные кирпичные надгробники на примере некрополя Архангельского собора также рассмотрены Т.Д. Пановой в статье «Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля» [13]. Л.А. Беляевым исследованы надгробники из родовой усыпальницы князей Пожарских, сопоставленные им с аналогичными из других родовых некрополей знати XVI-XVII вв. [5, с. 70-103]. Согласно его выводам, все они во многом следуют модели Архангельского собора. Большое количество поздних кирпичных склепов выявлено в некрополе Смоленского собора Новодевичьего монастыря, исследование которого открывает статья Беляева Л.А., Григорян С.Б. и Шуляева С.Г. «Некрополь Смоленского собора Новодевичьего монастыря XVI-XVII вв. Исследования 2017-2018: методы и результаты» [6]. В своей работе «Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии» [4] Л.А. Беляев приводит характеристику поздних внутримогильных склепов-сводов. Стоит отметить, что эти поздние склепы могли в отдельных случаях не иметь непосредственно свода, представляя из себя просто кирпичную оградку, выполненную внутри могильной ямы [2, с. 18, илл. 7].

Интересно, что в статусных усыпальницах могла быть использована комбинация кирпичной надгробники и внутримогильного кирпичного склепа, в том числе повторяющих друг друга по форме [5, с. 99, рис. 81]. Также более поздние надгробники сооружались над более ранними [13, с. 111].

Привлечены для исследования и работы Т.Д. Пановой, содержащие подробную информацию об Успенском соборе как месте захоронения глав русской церкви и внутрисоборных погребальных памятниках: «Некрополи Московского Кремля» [16] и «Кремлёвские усыпальницы: история, судьба, тайна» [17].

В качестве аналогии привлечена ценная заметка А.Г. Мельника «Оссуарий Ростовского Успенского собора» [12], в которой рассматривается белокаменное погребальное сооружение, обнаруженное в Успенском соборе Ростова Великого.

Последнее упоминание о средневековом кладбище под Успенским собором, исследованиях С.С. Закатова и обнаруженных склепах содержится в моей статье «Некрополи Московского Кремля: история и этапы полевых археологических исследований» [11]. Однако, формат этой публикации не позволил уделить внимание подробностям исследований и отдельным находкам, в частности, погребальным сооружениям, выявленным в глубинной зоне кладбища и в самом соборе. Настоящая статья призвана подробно осветить историю и контекст нахождения склепов, охарактеризовать эти сооружения и предложить их датировку.

Исследование склепов необходимо предварить краткой исторической справкой, так как состояние и перестройки собора на разных этапах его существования имеют к исследуемым погребальным сооружениям самое прямое отношение.

Во второй половине XII – первой четверти XIV в. на территории северной части Соборной площади находился культовый центр Москвы с древнейшим грунтовым кладбищем и, вероятно, деревянной церковью.

Существует версия о том, что в 1280-1290 гг. на её месте была воздвигнута первая каменная постройка Москвы – Дмитровская церковь [28], однако данное предположение является дискуссионным [9, с. 194].

Первый каменный Успенский собор был сооружен из белого камня при московском князе Иване Калите в 1326 г. Изначально храм задумывался как место упокоения светских и духовных владык, но после постройки в 1333 г. Архангельского собора князей стали хоронить в нём, а Успенский остался некрополем митрополитов и, позднее, патриархов. Единственным князем, погребённым в Успенском соборе, стал Юрий Данилович. Кроме него, в этом первом соборе были погребены также митрополиты Пётр, Феогност, Киприан, Фотий и Иона.

К концу третьей четверти XV в. Успенский собор обветшал. В 1472 г. состоялась торжественная закладка нового Успенского собора митрополитом Филиппом и великим князем Иваном III. Постройку доверили псковским зодчим Кривцову и Мышкину. Однако 20 мая 1474 г. почти завершенное белокаменное здание неожиданно обрушилось. Одной из причин катастрофы летописи называют «трус» – произошедшее в тот день землетрясение.

Нынешний Успенский собор был выстроен буквально на обломках рухнувшего здания, приглашённым в 1475 г. из Венеции итальянским мастером, Аристотелем Фиораванти. Предварительно венецианец демонтировал повреждённый «трусом» белокаменный собор, а на его месте возвёл новый, кирпичный, в том числе частично использовав фундаменты собора Кривцова и Мышина. В этот собор были перенесены мощи всех погребённых ранее в первом белокаменном храме митрополитов и князя Юрия Даниловича.

Впоследствии в соборе неоднократно перекладывали полы, в середине XIX в. также неоднократно прокладывали в собор трубы отопления, а в начале XX в. провели его реставрацию и очистили заросший за столетия грунтом цоколь храма. Все эти изменения были сопряжены с земляными работами, в ходе которых и были выявлены

рассмотренные в статье погребальные сооружения.

Кирпичный склеп

В 1858 г. были начаты работы по устройству отопления Успенского собора, под руководством инженер-капитана Быкова (инициалы его неизвестны). Протоиерей В.С. Марков, в подробностях описавший работы, указывал, что в ходе работ обнаружился земляной провал в алтарной части собора, «под отделением жертвенника» [\[11, с. 419\]](#). В связи с этими событиями появляется первое упоминание, ещё гипотетическое, о склепах под Успенским собором. От 22 ноября 1858 г. московский генерал-губернатор, граф Закревский А.А. писал митрополиту Филарету: «архитектурный совет, при освидетельствовании места... оказавшегося под отделением жертвенника Московского Успенского собора земляного провала, нашёл, что оный произошёл, вероятно, от разрушившихся от времени бывших в сем месте склепов» [\[11, с. 421\]](#). Было решено «устроить под провалом надлежащий свод» [\[11, с. 421\]](#). И в ходе дальнейших работ, действительно, был обнаружен склеп.

Сведения об этом дошли до нас благодаря И.М. Снегирёву. Характеризуя «план, фасад и стиль» Успенского собора, исследователь писал: «Под самым помостом не видно выходов и подвалов, кроме северного предалтария, где существовал до 1858 года выход в рост человеческий без свода и подпор; этот свод обвалился, вместо него сделали другой. У северных дверей открыт кирпичный склеп и в нём кости человеческие» [\[22, с. 91\]](#).

Сопоставив данные из письма графа А.А. Закревского и информацию И.М. Снегирёва, можно сделать вывод, что в приведённых отрывках оба автора имеют ввиду одни и те же работы, по ликвидации провала и замене «свода» под алтарной частью собора. А.А. Закревский упоминает отделение жертвенника, а И.М. Снегирёв – северное предалтарие, имея ввиду одну и ту же часть собора – северную апсиду алтарной части, в которой обычно и располагается жертвенник в храмах крестово-купольной системы.

Склеп, во-видимому, был обнаружен в ходе дальнейших земляных работ инженер-капитана Быкова, которому помимо устройства отопления, поручили и укрепление «свода» [\[11, с. 421\]](#). Отсутствие каких-либо других данных о склепе затрудняет определение его происхождения и датировку. Известно только то, что он, собственно, кирпичный и «открыт у северных дверей» в 1858 г. в ходе земляных работ Быкова, причём у И.М. Снегирёва не уточнено, с какой стороны дверей – непосредственно под собором или возле него, снаружи. Видимо, И.М. Снегирёв, приводя информацию о склепе в характеристике экsterьеров собора, полагал очевидным для читателя наружное положение погребального сооружения, поэтому не привёл уточняющих фраз (о локализации склепа будет подробнее сказано далее). Как уже было указано, в склепе зафиксированы «кости человеческие». Сооружений по типу склепов, выполненных из кирпича, в отечественной археологии известно немного: это средневековые кирпичные гробницы, устраиваемые под полами храмов и более поздние внутримогильные склепы, выполненные по типу свода, параллелепипеда или же просто оградки, используемые как для погребений под полами статусных усыпальниц, так на приходских кладбищах в городской черте. Кроме того, известны также ранние напольные кирпичные гробницы и более поздние кирпичные надгробницы, однако они устраивались выше уровня пола, у И.М. Снегирёва же речь идёт, очевидно, о склепе, выявленном ниже.

Архитектурной комиссией, вызванной на место для выяснения причин обвала, было

высказано предположение, что «свод» храма обвалился из-за того, что разрушились «от времени» бывшие под ним склепы. Кирпичные склепы, устраиваемые из плинфы под полами храмов, известны на территории Руси с XI в. в Киеве, Чернигове, Зарубе [18, с. 96]. В XII-XIII вв. они встречаются в Киеве, Чернигове, Переяславле-Хмельницком, Полоцке, Смоленске, изредка в Новгороде. Самые поздние погребения подобных типов известны всё в том же Чернигове и датируются XIII-XIV в. [18, с. 97]. Для территории северо-восточной Руси подобные погребальные сооружения не характерны, найдена только одна кирпичная гробница в Старой Рязани [18, с. 97].

Мог ли данный склеп быть сооружен в Успенском соборе, при его строительстве и являться подпольной кирпичной гробницей? Для конца XV века подобный тип сооружений не характерен, как не характерен он и для Северо-Восточной Руси. В тоже время, находка «склепа» под полами собора однажды имела место. Однако, этот случай является уникальным и будет рассмотрен в статье отдельно. Здесь же важно отметить, что Успенский собор является местом упокоения московских митрополитов и русских патриархов, список погребённых в нём лиц известен, как известны и места их захоронения под полами и в интерьере собора. Они расположены преимущественно вдоль стен храма, лишь одно погребение совершено на солее у южных дверей и два, наиболее ранних – в раках, в жертвеннике [15, с. 228; 16, с. 8-9]. Ещё одно захоронение, совершённое в храме, принадлежало московскому князю Юрию Даниловичу – он был погребён в Дмитровском приделе, в алтарной части [17, с. 12]. Большая часть погребений отмечена в интерьере собора надгробными памятниками.

Расположение всех этих могил было известно И.М. Снегирёву. В случаях, когда этот автор описывал найденные непосредственно под полами других храмов кости, принадлежащие статусным храмовым захоронениям, он предлагал идентификацию личности погребённых [10, с. 165; 17, с. 100]. В случае со изучаемым склепом подобного не наблюдается. Это и неудивительно – ведь если предположить, что упомянутый И.М. Снегирёвым склеп являлся внутрихрамовой подпольной кирпичной гробницей, то невозможно даже представить, кто мог бы быть в ней захоронен. История погребений в Успенском соборе документировалась в летописях на протяжении нескольких веков и «лишних» или «случайных» погребений в нём попросту не могло оказаться.

Кроме того, следует отметить, что хотя Успенский собор имеет мощный цоколь и высокий уровень пола, поднятого над уровнем земли на высоту около 2 м, эта архитектурная особенность, унаследованная от здания 1472-1475 гг. [9], не привела к образованию подцерковного пространства, используемого для захоронений (как, например, Смоленском соборе Новодевичьего монастыря, где открыто 35 одних только склепов [16, с. 7]). Погребения в Успенском соборе совершались непосредственно под полами, в земле или кирпичном бое, подстилающем, согласно исследованиям 1960-х гг. уровень первых полов собора [25, с. 3, фото 1].

Если же предположить, что указанный склеп мог быть сооружён в первом Успенском соборе 1326 г., его непременно разрушили бы масштабным строительством 1470-х гг. В эти годы последовательно демонтировались и создавались два здания собора и от первого храма (как, впрочем, и от второго) остались только местами части заглублённых фундаментов и опор, слои строительных остатков и подготовок под пол и мощение площади [25, с. 3-5; 26, с. 38-46]. Также в склепе были обнаружены кости, в то время как известно о переносе всех останков погребённых митрополитов при перестройке собора в

1470-х гг. [\[8, с. 270; 9, с. 188-189; 17, с. 211\]](#).

Кроме того, обнаружение склепа с каким-то неизвестным захоронением непосредственно внутри главной святыни государства - Успенского собора, несомненно, вызвало бы определённую реакцию. Причём как у нашедших склеп и архитектурной Комиссии, ведавшей работами, так и у митрополита московского Филарета, принявшего ревностное участие в попытках не допустить никаких работ в соборе. Не говоря уже про И.М. Снегирева, как правило, интерпретировавшего описываемые им статусные погребения. Так, например, в 1913 г. обнаружение склепа под полами собора вызвало моментальную публикацию этого события. Однако ни подобной реакции, ни подробностей о находке 1858 г. не последовало.

Как выяснилось в ходе позднейших исследований XX в., обнаруженный Быковым и описанный И.М. Снегирёвым склеп, видимо, имел отношение не к храмовым захоронениям, а к останкам из могил древнего грунтового кладбища, на месте которого позднее встал Успенский собор [\[1\]](#). Многочисленные шурфы, заложенные внутри Успенского собора исследователями 1960-х гг., выявили белокаменные остатки храмов-предшественников Успенского собора 1475-1479 гг., грунтовые погребения XII - начала XIV в. и могильные плиты. Ни в статьях, ни в отчётах Н.С. Шеляпиной и Д.А. Беленькой нет упоминаний о находках кирпичных гробниц под полами собора [\[3, 25-30\]](#). Не описывает внутрихрамовые сооружения подобного типа в Успенском соборе и Т.Д. Панова, посвятившая подробные работы некрополям Московского Кремля. В ряду погребальных памятников Успенского собора сохранились раки и сени, саркофаги, белокаменные плиты и напольные кирпичные надгробницы, но не подземные кирпичные гробницы [\[16, с. 7-9, 20-50; 17, с. 10-33\]](#).

Обвал свода же произошёл, по-видимому, не по причине разрушения предполагаемых склепов, высказанной архитектурным советом. Инженер-капитан Быков, непосредственно занимавшийся работами по устройству отопления и обнаруживший провал, отмечал: «я полагаю, что пространство под полом было наполнено органическими веществами, которые, истлев, произвели образовавшуюся пустоту... при выемке земли для теплопроводных труб, пройдя глубину трёх аршин, мне пришлось вынимать целые слои обгорелой ржи» [\[11\]](#).

Кроме того, в донесении в Комиссию для построения в Москве храма во имя Христа Спасителя от 15 октября 1858 г., защищая свой проект по отоплению Успенского собора, Быков упоминал: «история Успенского собора показывает, что в прежние времена позволяли себе делать проломы в стенах во многих случаях, между прочим, проломали даже дымовую трубу, предполагая устроить отопление одного из алтарей, но которое не состоялось, вероятно, потому, что не умели взяться за дело» [\[11, с. 402\]](#). «Выход в рост человеческий» в цоколе северного предалтария, упомянутый И.М. Снегирёвым, с наибольшей вероятностью, и был одним из указанных Быковым проломов. Когда он мог быть устроен?

Протоиерей В.С. Марков, благодаря которому и дошла до нас история об устройстве отопления Успенского собора, пишет, что «мысль об устранении этого неудобства... в Успенском соборе (отсутствия системы отопления – авт.) явилась только в половине девятнадцатого столетия и принадлежала благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу» [\[11, с. 392-393\]](#). Был составлен проект, главным архитектором комиссии К.А. Тоном, после чего старший помощник К.А. Тона академик А.С. Каминский «донес комиссии, что для верного дознания, есть ли под Успенским собором фундамент

и какой глубины, необходимо у одной из наружных стен собора вырыть яму» [\[11, с. 394\]](#). 12 сентября 1849 г. комиссия разрешила провести означенную работу. Однако, при жизни Николая I проекту не суждено было завершиться: идея отопления собора и начавшиеся работы встретили сопротивление ревнителя православной старины московского митрополита Филарета. Его стремление оставить собор неприкосновенным возымело действие и 22 августа 1851 г. император повелел «оставить, как есть, навсегда». [\[11, с. 395\]](#).

«Как есть» навсегда не осталось и вскоре после смерти Николая I сопротивление Филарета было сломлено. В собор провели тепло, а у северных дверей собора обнаружили склеп с костями.

Таким образом, склеп был открыт в 1858 г. инженер-капитаном Быковым при производстве работ по устройству отопления Успенского собора и ремонту «свода». Быков знал, что устроить отопление в соборе пытались и до него. Протоиерей Марков, однако, упоминает, что это идея появилась не ранее середины XIX века, тогда же и была предпринята первая попытка её реализовать, для чего были начаты земляные и иные работы в 1849 г., о которых упоминал Быков в своём донесении. Исходя из этого, можно предположить, что данный склеп мог являться перезахоронением потревоженных земляными работами 1849-1851 гг. останков.

Так называемые кирпичные склепы особенно характерны для устройства погребений в Москве XVIII-XIX вв. Кирпичная оболочка стала обязательной благодаря указу 1722 г. о запрете погребений в городской черте и допущении таковых только при устройстве склепа. В отечественной историографии эти внутримогильные кирпичные сооружения получили название склеп, хотя по типу это скорее кирпичный свод. Он всегда одноразовый, в отличии от классического склепа – подземной камеры, предназначеннай для многоразового использования и посещений [\[4, с. 14\]](#). Внутри этого типа «склепов» умершие помещались в дополнительных погребальных сооружениях, деревянных гробах или каменных саркофагах [\[18, с. 98\]](#). Эти поздние склепы могли в отдельных случаях не иметь свода, являясь своеобразной кирпичной оградой погребенных останков. Подобные кирпичные сооружения встречаются при раскопках московских кладбищ [\[2, с. 18, илл. 7\]](#). Наиболее вероятно, что упомянутый И.М. Снегирёвым склеп относится именно к этому типу внутримогильных сооружений.

Подобные погребальные сооружения встречались исследователям и при других храмах Кремля. Так, кирпичные склепы, содержащие нарушенные захоронения, обнаружены при раскопках кремлёвского кладбища при церкви Константина и Елены, функционировавшего до XVIII в. включительно [\[14, с. 11\]](#).

В таком случае, перезахороненные в кирпичном склепе останки имеют отношение к средневековому некрополю XII – нач. XIV веков, на месте которого позднее встал Успенский собор. Именно эта находка стала первой в череде последующих открытий при раскопках древнейшего московского грунтового кладбища.

Белокаменный склеп

В 1913 г., к трёхсотлетию дома Романовых, в Кремле развернулись масштабные реставрационные работы, затронувшие в том числе и Успенский собор, цоколь которого со временем зарос грунтом, о чём писал ещё И.М. Снегирёв [\[22, с. 91\]](#). При производстве работ по его очистке и выравниванию уровня Соборной площади к северу от собора

были зафиксированы древние захоронения. Наблюдения за работами осуществляли археолог С.С. Закатов и архитектор И.П. Машков [\[28, с. 203\]](#).

Первоначально при земляных работах, на глубине 89 см, была обнаружена одна из труб отопления, устроенных в середине XIX в. Глубже, на отметке 2,58 м учёные зафиксировали следы строительных работ 1470-х гг. в виде слоя белокаменных отходов. Ниже, на глубине 3,78 м выявился слой строительных остатков от постройки собора в 1326 г. Древние захоронения также были выявлены на глубине более трёх метров [\[30, с. 248\]](#).

Найденные С.С. Закатовым останки относились к древнейшему грунтовому кладбищу Москвы [\[28, с. 203; 1\]](#). Однако, помимо обычных трупоположений в гробах, внимание исследователя привлек склеп. Он размещался в 2,58 м от северной его стены и в 4 м от северного портала храма: «...на глубине 3 аршина 9 вершков (2,54 м – авт.) обнаружена часть древнего склепа, выложенного из белого известняка и нарушенного, очевидно, в 1855 году проложенной рядом трубой отопления. В склепе находился ящик с несколькими в беспорядке сложенными скелетами». [\[30, 252; 15, с. 220\]](#). Учитывая местонахождение склепа, возникает соблазн соотнести его с обнаруженным в 1858 г. Однако разный материал сооружений однозначно указывает на то, что при работах инженер-капитана Быкова был обнаружен не один, а как минимум два склепа, из которых только кирпичный был упомянут И.М. Снегирёвым (видимо потому, что был связан с работами по ремонту непосредственно здания собора, которое и описывал историк). Этот кирпичный склеп или не сохранился, или попросту не был обнаружен шурфами С.С. Закатова – вскрытия 1913 г. вдоль северного фасада собора не были сплошными [\[30, с. 195\]](#).

Стоит отметить, что с датировкой работ по устройству отопления С.С. Закатов, по-видимому, ошибся. Первоначальные работы могли проходить не ранее 1849 г. и не позднее 1851 г. [\[11, с. 394-395\]](#). Далее «в марте 1856 года последовало высочайшее повеление сделать Московский Успенский собор тёплым» [\[11, с. 395\]](#), а работы Быкова были начаты не ранее осени 1858 г., так как отношением от 1 сентября 1858 г. граф А.А. Закревский уведомлял митрополита Филарета, что «Государь Император 30 августа высочайше соизволил утвердить предположение Комиссии о предоставлении капитану Быкову устройства сего отопления... эти работы должны быть начаты в том же 1858 г.» [\[11, с. 396\]](#).

Интересно, что известняковый склеп был обнаружен на одном уровне с белокаменными строительными остатками от собора начала 1470-х гг. Учитывая это, а также явный характер вторичности захоронения останков («ящик с в беспорядке сложенными скелетами»), можно с достаточной уверенностью предположить, что этот склеп был сооружён для перезахоронения костяков, потревоженных при строительстве белокаменного собора в начале 1470-х гг., или же, что наиболее вероятно, при его демонтаже Аристотелем Фиораванти в 1475 г.

Белокаменные погребальные сооружения нетипичны для погребального обряда как средневековой Руси, так и для позднейшего времени. И ранние, внутрихрамовые, гробницы XI-XIV вв., и более поздние так называемые склепы XVI-XIX вв. выкладывались из других материалов – плинфы или кирпича [\[18, с. 96; 4, с. 14\]](#). Лишь изредка, как исключение, на городских и монастырских некрополях XVI-XIX вв. встречаются белокаменные внутримогильные склепы-своды [\[4, с. 14\]](#). Так, например, в

некрополе XVI-XVII вв. в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря открыт всего 1 белокаменный склеп, в то время как кирпичных – 34 [6, с. 7]. Таким образом, исследуемый склеп – в своём роде уникальное сооружение. Однако, ему можно найти интересную аналогию в другом Успенском соборе, находящемся в Ростове Великом.

В 1954-1956 гг. Н.Н. Ворониным при археологическом исследовании ростовского Успенского собора в его северо-западном углу было обнаружено своеобразное сооружение, квадратное в плане, сложенное из блоков белого камня [12, с. 185]. Данное сооружение содержало внутри многочисленные человеческие останки – черепа и кости, явно перезахороненные. По мнению исследователя А.Г. Мельника, данное сооружение было создано при возведении собора, в 1508-1512 гг.. для перезахоронения древних погребений, потревоженных при строительстве [12, с. 186].

Исследователь отмечает, что специальные сооружения для совершения вторичных захоронений не традиционны для Древней Руси, зато различные варианты подобных сооружений – «оссуариев», были широко распространены в Западной Европе XV-XVIII вв. [12, с. 186-187]. А.Г. Мельник объясняет появление в ростовском соборе подобия европейского оссуария участием в строительстве храма итальянского архитектора [12, с. 187].

Аристотель Фиораванти так же был итальянцем. Вероятно, именно при его участии и был создан белокаменный склеп для перезахоронения останков, потревоженных при демонтаже повреждённого «трусом» Успенского белокаменного собора. Более не нужный при строительстве известняк (новый собор создавался из кирпича) было логично употребить для постройки импровизированного оссуария. Помещение же этого сооружения у стены храма снаружи, а не внутри, как в Ростове, может быть связано с тем, что в ростовском соборе были перезахоронены кости князей и архиереев, погребённые в старом соборе в предыдущие пять столетий [12, с. 186]. Эти статусные останки, несомненно, требовали упокоения внутри нового храма. Строители же московского Успенского собора, очевидно, столкнулись с могилами древнего грунтового кладбища, о погребённых на котором, их происхождении и статусе они ничего не знали (кладбище к моменту перестройки собора не функционировало уже более 150 лет [16, с. 5]) и не сочли эти кости достойными покоиться непосредственно внутри нового храма.

Подпольный склеп

Как уже упоминалось выше, в 1913 г., в Кремле проводились масштабные реставрационные работы, затронувшие в том числе и Успенский собор. Они заключались, конечно, не только в очистке цоколя – работы велись и внутри самого собора. Именно в связи с этими работами и попало в историческую литературу краткое упоминание об обнаруженном под полами собора «склепе».

В первом, мартовском номере журнала «Светильник» за 1913 г., в разделе «Хроника» вышла заметка «Склеп под Успенским собором» следующего содержания: «В марте месяце состоялось экстренное заседание Комитета по реставрации Б. Успенского собора. Заседание это было вызвано тем, что во время работ у придела Дмитрия Солунского был обнаружен двойной пол и под вторым полом – склеп. Что это за склеп – пока не выяснено. Работы были временно прекращены, но теперь комитет постановил продолжать их и всесторонне исследовать найденный склеп» [23, с. 44].

О всесторонних исследованиях, правда, ничего не известно – более журнал к этой теме

не возвращался. Не упоминает в своём отчёте внутрихрамовый склеп и С.С. Закатов. Однако и имеющихся сведений достаточно для того, чтобы атрибутировать данную уникальную находку.

Как известно, несколько уровней полов в храмах не является чем-то необычным – полы в них неоднократно переставлялись и это подтверждено археологически. Так, во время исследования 1967-1969 гг. в Успенском соборе был зафиксирован под полом из чугунных плит конца XIX в. белокаменный пол XVII в. на известковой подготовке, а под ним вымостка из кирпича-половняка – подготовка несохранившегося пола из ромбических каменных плит [\[25, с. 3\]](#).

Склеп был обнаружен под вторым полом, то есть под белокаменным, положенным в XVII в. (как было сказано выше, третий пол не сохранился и лишь участки подготовки под него попали в отдельные шурфы 1960-х гг.). После конца XVII столетия в соборе уже не хоронили, последнее погребение патриарха Адриана совершено в 1700 г. [\[16, с. 9\]](#). Таким образом, выявленное погребальное сооружение являлось могилой кого-то из известного круга лиц, захороненных в Успенском соборе с последней четверти XV до конца XVII в. Место его нахождения – придел Дмитрия Солунского, или Дмитровский придел, явно указывает на то, что в 1913 г. была обнаружена утраченная могила московского князя Юрия Даниловича.

Юрий Данилович был единственным князем, погребённым в Успенском соборе Московского Кремля, ещё в здании 1326 г. В белокаменном соборе Кривцова и Мышикина его тело было перезахоронено в нише-аркосолии или «комаре», устроенной в стене Дмитровского придела. В храме же 1479 г. его останки поместили в том же приделе, в алтарной части, но уже в могильной яме, под полом, в «землю, с мостом (полом – авт.) ровно», а место могилы отметили в интерьере надгробным памятником: «и надгробнице учиши над ним» [\[8, с. 270\]](#). Позднее «надгробница» была, по-видимому, уничтожена, а память о месте захоронения князя утрачена: в описях Успенского собора XVII в. его могила уже не упоминается [\[17, с. 13\]](#). Учитывая, что в XVII в. в соборе переставляли пол, «надгробница» могла быть разобрана именно при этих работах.

Сложно сказать, на что именно натолкнулись реставраторы в 1913 г. – остатки надгробницы между остатками полов конца XV в. и белокаменными полами конца XVII в. (так, С.С. Закатов указывал на расстояние между полами собора до 54 см [\[30, с. 251\]](#)) или же на кирпичную гробницу, устроенную под первыми, несохранившимися полами, или же просто на некую нишу в земле или, скорее, кирпичном бое, подстилающем, согласно исследованиям 1960-х гг. уровень первых полов собора [\[25, с. 3, фото 1\]](#). Как говорилось во введении, склепами и сейчас называют разные конструкции, а в начале XX в. терминологической путаницы было ещё больше. Во всяком случае, летопись, описывая перезахоронение князя, не упоминает никаких сооружений, кроме подпольного пространства – «земли с мостом ровно» и, собственно, некой «надгробницы», по-видимому, кирпичной (для княжеской надгробницы материал не указан, однако для перенесённых в это же время мощей митрополита Феогноста указано, что место его погребения «на врех мосту, окладоша кирпичем») [\[8, с. 270\]](#). О находке останков самого погребенного в «склепе» также ничего не упомянуто, однако почти не вызывает сомнения, что указанное сооружение или его остатки, найденные под многослойными полами Дмитровского придела, являлось местом захоронения единственного погребённого в Успенском соборе светского лица – князя Юрия Даниловича.

Заключение

В статье рассмотрены погребальные сооружения, обнаруженные исследователями возле Успенского собора и непосредственно внутри него, и охарактеризованные ими как склепы.

Первый склеп был зафиксирован при работах по устройству отопления Успенского собора в 1858 г. и упомянут И.М. Снегирёвым в труде «Подробное историческое и археологическое описание города», вышедшем в 1873 г. Склеп был открыт возле северных дверей собора, материал сооружения – кирпич, внутри были человеческие кости. Больше никаких сведений о склепе И.М. Снегирёв не оставил.

Второй склеп был зафиксирован при работах по реставрации Успенского собора в 1913 г. С.С. Закатовым и кратко охарактеризован в его отчёте, однако сведения о нём так и не были опубликованы автором исследований. Лишь спустя почти 80 лет упоминание о склепе попало в одну из статей Т.Д. Пановой. Данный склеп был выявлен недалеко от северного портала храма, сложен из белого известняка, внутри него находился ящик с беспорядочно сложенными скелетами. Уровень выявления склепа совпадал с уровнем белокаменных строительных остатков от строительства и демонтажа собора нач. 1470-х гг. Склеп был повреждён при вышеописанном строительстве труб отопления собора. Рисунки и фотографии его не сохранились.

Учитывая вышеизложенные факты, можно было бы предположить, что речь идёт об одном и том же склепе, однако исследователями ясно указан разный материал сооружений. Кирпичный склеп, видимо, или не сохранился после работ 1858 г., или попросту не был обнаружен шурфами С.С. Закатова – археологические вскрытия 1913 г. вдоль северного фасада собора не были сплошными.

Третий склеп был выявлен при тех же работах по реставрации Успенского собора в 1913 г., но в подпольном пространстве самого здания, в приделе Дмитрия Солунского (Дмитровском приделе). О нём известно только то, что он был найден под двойным полом собора. Краткие сведения о склепе опубликовал журнал «Светильник» в марте 1913 г.

В таком случае, наиболее вероятными представляется следующая интерпретация и датировка сооружений:

- первый склеп мог быть кирпичным сводом или, скорее, оградкой, наскоро выполненной для перезахоронения останков, потревоженных при более ранних работах по устройству отопления собора в 1849-1851 гг. Такие склепы особенно характерны для устройства погребений в Москве XVIII-XIX вв., кирпичная оболочка стала обязательной благодаря указу 1722 г. о запрете погребений в городской черте и допущении такового только при устройстве «склепа». Аналогичные кирпичные склепы, содержащие нарушенные захоронения, зафиксированы при раскопках кремлёвского кладбища при церкви Константина и Елены, функционировавшего до XVIII в. включительно.

- второй обнаруженный склеп, по-видимому, являлся своеобразным оссуарием, выполненным из остатков рухнувшего белокаменного Успенского собора, для перезахоронения останков, потревоженных при демонтаже руин и последующем строительстве нового храма в 1475 г. Белокаменные склепы не характерны для Руси, как не характерны для русского погребального обряда и оссуарии-костницы, типичные преимущественно для Западной Европы. Однако в данном случае западноевропейское влияние мог оказывать архитектор Успенского собора итальянец Аристотель Фиорованти.

Так или иначе, зафиксированные склепы, очевидно, являлись одноразовыми вместилищами для вторичного захоронения потревоженных останков, принадлежащих древнему грунтовому некрополю XII – нач. XIV вв., на месте которого позднее встал Успенский собор.

Третий склеп, обнаруженный внутри собора, вероятно, имеет отношение к месту перезахоронения в 1479 г. единственного погребённого в Успенском соборе князя, Юрия Даниловича. Реставраторы, работавшие в соборе в 1913 г., могли назвать склепом остатки кирпичной «надгробницы», устроенной в интерьере Дмитровского придела и сохранившейся частично между соборными полами конца XV и конца XVII вв. Подпольные кирпичные гробницы в Успенском соборе неизвестны.

Библиография

1. Артёмов Н.С. Некрополи Московского Кремля: история и этапы полевых археологических исследований // Исторический журнал: научные исследования. 2023. №1. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.37350 EDN: KOXHTR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37350 (дата обращения: 15.01.2023 г.).
2. Артёмов Н.С., Денисов А.В. Церковь и некрополь Космы и Дамиана в Нижних Садовниках: хронология и топография // Вестник Брянского государственного университета. 2022. №3 (53). С. 7-22. DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-07-22
3. Беленькая Д.А. Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 167: Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 4: Древности Московского Кремля. М.: Наука, 1971. С. 158-163.
4. Беляев Л.А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. М.: ИА РАН, 2011.
5. Беляев Л.А. Родовая усыпальница князей Пожарских: 150 лет изучения. М.: ИА РАН, 2013.
6. Беляев Л.А., Григорян С.Б., Шуляев С.Г. Некрополь Смоленского собора Новодевичьего монастыря XVI-XVII вв. Исследования 2017-2018: методы и результаты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 5-20.
7. Владимирская Н.С. Археологическое изучение северной части Соборной площади Московского Кремля // Успенский собор Московского Кремля: материалы и исследования / отв. ред. Э.С. Смирнова. М.: Наука, 1985. С. 13-18.
8. Воскресенская летопись / подготовлена к изданию Цепковым А.И. М.: РИНФО, 1998.
9. Выголов В.П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М.: Наука, 1985.
10. Древности российского государства. Отдѣленіе I. Св. иконы, кресты, утварь храмовая и облаченіе сана духовнаго / Ком. изд. С. Строганов, М. Загоскин, И. Снегирёв, А. Вельтман. М.: Типография Александра Семена, 1849.
11. Марков В. Успенский собор в Москве. Устройство его отопления. Оттиски из «Русского Архива» (1908 г. кн. 3 и 4). М.: Синодальная типография, 1908.
12. Мельник А.Г. Оссуарий Ростовского Успенского собора // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1994. Вып. 6. С. 185-189.
13. Панова Т.Д. «Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля» // Советская археология. 1987. №4. С. 110-122.
14. Панова Т.Д. Отчёт об археологических наблюдениях в Московском Кремле в 1988 г.

- М.: 1988. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №14518.
15. Панова Т.Д. Погребальные комплексы на территории Московского Кремля // Советская археология. 1989. №1. С. 219-234.
16. Панова Т.Д. Некрополи Московского Кремля. М.: Федеральное государственное учреждение "Государственный историко-культурный музей-заповедник "Московский Кремль", 2002.
17. Панова Т.Д. Кремлёвские усыпальницы. История, судьба, тайна. М.: Индрик, 2003.
18. Панова Т.Д. Царство смерти: погребальный обряд средневековой Руси XI-XVI вв. М.: Радуница, 2004.
19. Панова Т.Д. Историческая и социальная топография московского кремля в середине XII-первой трети XVI века. М.: ТАУС, 2013.
20. Раскопки въ Кремль // Свѣтильникъ / ред. С.И. Ващков. №4-5. 1913. С. 39-40.
21. Раскопки въ Кремль // Ізвѣстія Імператорской археологической комиссії. Прибавленіе къ выпускѣ 52-му. Хроника и библиография / Пред. ком. А.А. Бобринский. СПб.: Типографія Главнаго Управленія Уделовъ, 1914. С. 113-114. URL: <https://www.prlib.ru/item/1057295> (дата обращения: 15.01.2023 г.).
22. Снегирёв И.М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Том второй. М.: Издание А. Мартынова, 1873.
23. Склепъ подъ Большимъ Успенскимъ соборомъ // Свѣтильникъ / ред. С.И. Ващков. №1. 1913. С. 44.
24. Шеляпина Н.С. Отчёт об археологическом наблюдении за земляными работами в Московском Кремле в 1963-1965 гг. М.: 1968. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №3578.
25. Шеляпина Н.С. Отчёт об археологическом наблюдении в Московском Кремле в 1967-1969 гг. М.: 1969. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №3964.
26. Шеляпина Н.С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963-1965 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 167: Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 4: Древности Московского Кремля. М.: Наука, 1971. С. 117-157.
27. Шеляпина Н.С. Надгробия XIII-XIV вв. из раскопок в Московском Кремле // Советская археология. 1971. №3. С. 284-289.
28. Шеляпина Н.С. К истории изучения Успенского собора Московского Кремля // Советская археология. 1972. №1. С. 200-214.
29. Шеляпина Н.С. Археологические исследования в Успенском соборе // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Выпуск 1. М.: Искусство, 1973. С. 54-63.
30. Шеляпина Н.С. Археологическое изучение Московского Кремля: Древняя топография и стратиграфия: диссертация, представленная на соискание учёной степени кандидата исторических наук: 07.00.06. М.: 1974. РГБ. ОД Дк 74-7/655.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Склепы в истории Успенского собора Московского Кремля: обнаружение, происхождение, датировка.»

Объектом исследования рецензируемой статье являются склепы Успенского собора

Московского Кремля, предметом - является история их обнаружения и изучения.

Методология исследования базируется на принципах историзма и объективности.

Актуальность исследования как отмечает автор рецензируемой статьи заключается « в необходимости обобщить и интерпретировать отрывочные данные о погребальных сооружениях, обнаруженных при земляных работах возле Успенского собора Московского Кремля и непосредственно внутри него».

Научная новизна работы связана с обобщением данных , связанных с погребальными сооружениями (охарактеризованных исследователями как склепы) возле Успенского собора. Автор описывает довольно подробно историю открытия склепов, их изучения и датировки.

Стиль работы академический. Структура состоит из введения , где представлена история обнаружения и изучение погребальных сооружений у Успенского собора, в том числе и неопубликованных. Он также поднимает проблему понятия «склеп», которая до настоящего времени в отечественной и исторической и археологической литературе до настоящего времени в терминологическом плане остается дискуссионной. Основная часть состоит из трех разделов, в которых дана характеристика трех обнаруженных склепов: Кирпичный склеп, Белокаменный склеп и Подпольный склеп. История каждого из этих склепов автор предваряет краткой справкой в связи с тем, что для изучения исследуемых в статье погребальных сооружений необходимо учитывать «состояние и перестройку Успенского собора на разных этапах его существования». Это дает возможность более точно и всесторонне изучить поднятую автором проблему обнаружения и особенно датировки погребальных сооружений. Так как в ходе перестройки Успенского собора и проведения земляных работ оказывалось прямое или косвенное влияние на погребальные сооружения.

В заключение работы представлены сделанные автором в ходе изучения погребальных сооружений выводы. Содержание статьи логично выстроена и направлено на достижение поставленной цели и задач исследования.

Библиография исследования насчитывает 30 работ по исследуемой теме, и она также свидетельствует о том, что автор рецензируемой работы хорошо разбирается в изучаемой проблеме.

Апелляция к оппонентам. Специального раздела с апелляцией к оппонентам в работе нет. Вместе с тем поставленная в работе цель и полученные в результате исследования результаты и могут удовлетворить оппонентов. В библиографии работы также содержится ответ оппонентам. Представляется, что поднятый автором рецензируемой статьи вопрос о дискуссионности термина склеп в отечественных исторических и археологических работах даст импульс дальнейшей разработки терминологии.

Выводы объективны и вытекают из проделанной работы. Из трех, обнаруженных погребальных сооружений, по мнению автора два, «очевидно, являлись одноразовыми вместилищами для вторичного захоронения потревоженных останков, принадлежащих древнему грунтовому некрополю XII – нач. XIV вв., на месте которого позднее встал Успенский собор». А третий склеп «обнаруженный внутри собора, вероятно, имеет отношение к месту перезахоронения в 1479 г. единственного погребённого в Успенском соборе князя, Юрия Даниловича. Реставраторы, работавшие в соборе в 1913 г., могли назвать склепом остатки кирпичной «надгробницы», устроенной в интерьере Дмитровского придела и сохранившейся частично между соборными полами конца XV и конца XVII вв. Подпольные кирпичные гробницы в Успенском соборе неизвестны».

Статья оригинальная имеет признаки новизны и несомненно будет интересная специалистам, работающим по данной теме.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Часовитина О.В. — О поединке князя Мстислава и Редеди: сравнительно-историческое исследование культуры воинских поединков в Древней Руси конца X - первой половины XI вв // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.40013 EDN: KUHXMA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40013

О поединке князя Мстислава и Редеди: сравнительно-историческое исследование культуры воинских поединков в Древней Руси конца X - первой половины XI вв

Часовитина Ольга Владимировна

аспирант, исторический факультет, кафедра истории России до начала XIX века, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4

✉ ovchasovitina@gmail.com

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.2.40013

EDN:

КУНХМА

Дата направления статьи в редакцию:

20-03-2023

Дата публикации:

05-04-2023

Аннотация: В статье исследуется рассказ «Повести временных лет» о поединке князя Мстислава и Редеди как свидетельство бытования поединков в древнерусской воинской культуре. Известие соотнесено с другими письменными и археологическими источниками, для установления его связи с действительной политической историей. Для сравнительного изучения известие соотнесено с другими древнерусскими письменными источниками о поединках и современными ему известиями о поединках в памятниках византийской историографии. В ходе комплексного изучения текста молитвы Мстислава рассмотрены свидетельства воинского почитания Богородицы в Византии и на Руси, в том числе упоминания о молитвах к Богородице. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о влиянии на воинскую культуру Руси византийской воинской традиции и религиозной культуры. Наиболее ясно взаимосвязь прослеживается в религиозном оформлении поединка, при этом рассматриваемое летописное известие отнесено к

самым ранним свидетельствам воинского почитания Богородицы на Руси. Сходны представления о поединках как о событиях, которые заслуживают сохранения и в историописании. Определить взаимосвязь порядков организации и проведения поединков непросто, по причине скучности летописных данных. Византийское влияние, предположительно, выразилось и в переосмыслении представлений о поединках, и в почитании Богородицы как помощницы или заступницы в случае войны.

Ключевые слова:

Древняя Русь, средневековая Русь, Повесть временных лет, воинская культура, поединок, домонгольский период, Лев Диакон, Византия, касоги, Тмутаракань

Летописная история Руси X-XI вв. содержит значительное число рассказов о военных событиях. В свидетельствах военных событий сохранились и подробности, запечатлевшие культуру воинских социальных групп. Изучение воинской культуры дает возможность более полно раскрыть значение отдельных явлений в жизни общества, приблизиться к пониманию мировоззрения и мотивации людей отдаленной эпохи. Особое место в истории военного дела занимают воинские поединки. Исследование своеобразия и характерных черт в описаниях воинских поединков в древнерусском летописании позволяет более детально представить их значение для общества и особенности воинской культуры Древней Руси.

Цель исследования – выявить характерные черты древнерусской культуры воинских поединков, сопоставить их с особенностями византийской культуры воинских поединков и византийской воинской культуры в целом. Сообщения о древнерусских воинских поединках в Повести временных лет малочисленны, поэтому целесообразно сопоставить их с подобными свидетельствами византийских источников. Отношения с Византией были одним из важнейших направлений внешней политики древней Руси. Культурному обмену способствовали военные и мирные политические контакты, торговые отношения и распространение христианства на Руси. Опыт изучения византийских свидетельств о поединках на материале хроник уже имеется [\[29\]](#) и требует продолжения наблюдений.

Метод исследования, применяемый в работе для достижения поставленной задачи, – сравнительно-историческое исследование данных древнерусских исторических источников с использованием для сопоставления данных византийских источников.

Объект исследования – древнерусская традиция воинских поединков. Предмет исследования – особенности древнерусской традиции воинских поединков, отраженные в летописном известии Повести временных лет о поединке князя Мстислава и Редеди в погодной статье 6530 (1022/1023) г. [\[5, с. 64\]](#).

Хронологические рамки исследования – конец X – первая половина XI вв., поскольку упоминания поединков в Повести временных лет малочисленны и относятся к указанному периоду. При необходимости, для обоснования существования продолжительной традиции и исторической памяти, в исследовании привлекаются источники, касающиеся более отдаленных по времени событий.

Географические рамки исследования – земли Древней Руси (для группы древнерусских источников) и Византия (для группы византийских источников).

В историографии научная интерпретация известия о поединке князя Мстислава и Редеди

восходит к XVIII в. Вопрос об отражении традиции поединков в летописях занимал В. Н. Татищева, который отметил существование древней традиции поединков, известной по древнеримской истории, и даже по упоминаниям её в Ветхом Завете [20, с. 9-81, 413]. Из современных исследователей о воинских поединках в Древнем Риме пишут, в частности, С. П. Оукли и Т. Видеманн [30, 31]. Бытование этой практики в античности не вызывает сомнения. Однако попытка Татищева обобщить сведения о древнерусских поединках оказалась не вполне корректной из-за привлечения данных поздних источников [25].

В современной историографии применяются различные подходы к изучению указанного известия. В. В. Долгов в статье, посвященной роли поединков в древнерусской воинской культуре, относит его к «описаниям боевых поединков». Исследователь отмечает поэтизацию боевого поединка в обществе как затрудняющий изучение фактор [10, с. 59-60]. Н. В. Трофимова относит известие к «воинским повествованиям, разрабатывающими мотив о поединках», в число которых включает также поединок юноши кожемяки с печенегом в «Повести временных лет» и более поздние поединки - Евпатия Коловрата с Хостоврулом в «Повести о разорении Рязани Батыем», Пересвета с татарским воином в «Сказании о Мамаевом побоище». При этом исследовательница обращает внимание на универсальную фольклорную топику рассказов о поединках. По её наблюдениям, в этой группе повествований «основной мотив сопровождается сопутствующими также фольклорными мотивами: поисками богатыря со стороны русских войск; необычной силы младшего в семье сына; хвастовства врага, которое оборачивается поражением» [21, с. 41]. Фольклорные и поэтические черты повествования, обусловленные связью книжности с традицией устного предания, могут быть связаны с практикой сохранения исторической памяти в древнерусской военно-аристократической среде, имевшей смешанное происхождение.

Разысканиям о князе касогов Редеде посвятили статьи Н. С. Трубецкой и Г. Ф. Турчанинов [23, 24]. В современной историографии эта тема затрагивается в статье А. А. Максидова [16].

Рассмотренная историография по теме исследования не полностью раскрывает проблему, при этом отдельные наблюдения заслуживают внимания. В достаточной мере освещен вопрос о выделении летописных известий о воинских поединках в общую типологическую группу, намечен подхod к сопоставлению с традициями воинских поединков в других культурах. Также предприняты попытки уточнения этносоциальной принадлежности Редеди и выявления связанных с исторической памятью о нем сведений.

Источники, используемые в исследовании - Повесть временных лет, «Слово о полку Игореве». Повесть временных лет является устойчивым текстом, присутствующим в составе большинства сохранившихся летописных сводов, и рассказывает о событиях с древнейших времен до 1110-х гг [5]. «Слово о полку Игореве» относится к памятникам древнерусской книжности конца XII в., и посвящено историческому сюжету, отраженному и в летописях [7]. В качестве материала для сравнительного изучения используются источники по истории Византии IX-X вв. К ним относятся памятники историописания, касающиеся военных событий - «История» Льва Диакона X в., датируемая X в. «Хронография» Продолжателя Феофана, «Хронография» Михаила Пселла XI в. [2, 6, 31]. В качестве источника по истории военного дела в Византии используется византийское военно-научное руководство - «Тактика Льва» [1].

В Повести временных лет под 6530 (1022/1023) г. содержится рассказ о победе князя Мстислава Владимировича над Редедей в поединке и об основании Мстиславом церкви Богородицы в Тмутаракани:

«И яста ся бороти кр□пко, и надолз□ борющимися има, нача изнемагати Мъстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя. И рече Мъстиславъ: "О пречистая богородице помози ми. Аще бо одол□ю сему, съзижю церковь во имя твое". И се рек удари имъ о землю. И вынзе ножъ, и зар□за Редедю. И шед в землю его, взя все им□нъе его, и жену его и д□т его, и дань възложи на касогы. И пришедь Тъмутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дне Тъмуторокани» [\[5, с. 64\]](#).

Повесть временных лет – памятник летописания, имеющий многослойную структуру, обусловленную сложной историей формирования и позднейшего бытования текста. Окончательное сложение текста Повести временных лет было датировано А. А. Шахматовым 1110-ми гг. [\[27, с. XXXVI\]](#),[\[9\]](#).

Рассматриваемая статья относится исследователями к более раннему по отношению к Повести летописному своду, так называемому «своду Никона». Изучая статью 6530 (1022/1023) г. и другие известия о касогах и о князе Мстиславе, А. А. Шахматов предположил, что они представляют собой дополнения по отношению к еще более раннему летописному тексту. Летописцем или «главным редактором» этих дополнений, по предположению А. А. Шахматова, был преподобный Никон, один из сподвижников преподобных Антония Печерского и Феодосия Печерского, основавший обитель поблизости от Тмутаракани, и возвратившийся в Печерский монастырь в 1070-х гг. По гипотезе А. А. Шахматова, в 1072-1073 гг. Никоном был переработан предшествующий свод и составлено продолжение к нему. О знакомстве автора известия с расположенной вдали от Киева Тмутараканью говорит сообщение, что упомянутая церковь св. Богородицы «стоить и до сего дне Тъмуторокани» [\[28, с. 284-297\]](#). С. М. Михеев, опираясь на данные лингвистического и стилистического анализа, предполагает, что составление Свода Никона при участии Никона в качестве летописца либо информанта происходило в 1078 (6586)-1087 (6595) гг. [\[17, с. 120-129\]](#). В схеме истории начального летописания А. А. Гиппиуса создание указанного свода отнесено к 1070-м гг. [\[9, с. 61\]](#). Д. А. Боровков, также признавая наличие вставок в изложении событий времен соперничества за власть между Мстиславом и Ярославом, полагает вопрос о причастности к летописанию Никона дискуссионным [\[8, с. 70-77\]](#). Учитывая аргументы А. А. Шахматова и С. М. Михеева, можно предположить, что рассматриваемая статья была создана в 1070-е гг., при этом, судя по упоминанию действовавшей церкви св. Богородицы, летописец имел возможность опереться на историческую память какой-то части жителей Тмутаракани.

Противоборство Мстислава и Редеди упоминается и в «Слове о полку Игореве», составленном после 1185 г. [\[7, с. 9\]](#). Существование в центральной части Таматархи – Тмутаракани в XI-XII в. церкви, соотнесенной с упоминаемой в рассматриваемом известии церковью св. Богородицы, подтверждено археологическими раскопками [\[15, с. 377-387\]](#),[\[26, с. 57\]](#). При раскопках обнаружено территориально связанное с церковью кладбище, что говорит о значении храма для местных жителей [\[26, с. 302\]](#). Таким образом, отдельные факты летописного известия находят соответствие в других письменных и археологических источниках.

Повторим еще раз, поединок Мстислава и Редеди – не первый воинский поединок в ПВЛ, «заменяющий», но на самом деле, вероятно, предваряющий битву. Как сообщает ПВЛ

под 6500 (992/993) г. (в Начальном своде этой истории нет), тридцатью годами ранее произошёл поединок безымянного юноши (в более поздних летописях именовавшегося «Переяслав» либо «Ян Усмошвец», а в позднейшей фольклорной традиции известного как Никита Кожемяка) с печенежским воином [4, с. 15, 165, 180], [22, с. 19, 22]. В память о его победе князь Владимир заложил город Переяславль у брода через р. Трубеж, левый приток Днепра [5, с. 54-55]. По воле князя Владимира юноша поединщик занял более высокое социальное положение.

В названных летописных известиях воины противника «велики» телосложением, и в обоих случаях говорится об их гибели в ходе поединка. Поединки отнесены к началу военного противостояния, и условия проведения оговариваются сторонами, причем исходу поединков придается политическое значение.

Интересно, что оба упомянутых поединка произошли в контексте военно-политических контактов Руси с политическими образованиями, находившимися в зоне культурно-политического влияния Византийской империи (но при этом культурно и политически не относящимися к ней). Случайно ли это?

В византийских источниках нередко упоминаются поединки ромеев между собой и их поединки с иностранцами, в частности – воинами из войска русского князя Святослава.

Лев Диакон, описывая войну князя Святослава с ромеями, современником которой он был, приводит описания нескольких поединков. Например, – схватка патриция Петра с вызывавшим поединщиков русским воином:

«Выехал на коне вождь скифов, муж огромного роста, надежно защищенный панцирем, и, потрясая длинным копьем, стал вызывать желающего выступить против него; тогда Петр, преисполненный сверх ожиданий храбрости и отваги, мощно развернулся и с такой силой направил обеими руками копье в грудь скифа, что острие пронзило тело насеквоздь и вышло из спины» [2, с. 57-58].

В данном отрывке особо отмечается брошенный вызов, что сближает его с приведенными выше летописными поединками, хотя отличается описание хода поединка, который произошел верхом на конях и исход которого решил сильный и умелый удар копьем. Сходно и описание бегства военного отряда.

Лев Диакон также рассказывает о единоборствах без вызова. Так описан поединок Варды Склира и русского воина при Аркадиополе:

«Знатный скиф, превосходивший прочих воинов большим ростом и блеском доспехов, двигаясь по пространству между двумя войсками, стал возбуждать в своих соратниках мужество. К нему подскакал Варда Склир и так ударил его по голове, что меч проник до пояса; шлем не мог защитить скифа, панцирь не выдержал силы руки и разящего действия меча. Тот свалился на землю» [2, с. 59].

В изложении Льва Диакона, Варда Склир в момент перегруппировки отрядов выделил фигуру защищенного доспехом военного предводителя, ободрявшего русский строй, и поспешил поразить его, проявив искусство наездника и мастерство владения оружием. Образ действий отличается от рассматриваемого летописного рассказа. С описанием поединка Мстислава и Редеди этот эпизод сближает то обстоятельство, что соперник полководца-аристократа Варды Склира возглавляет военный отряд (подобно Редеде), а также последующее описание бегства воинов противника.

Сходно описано и поражение русского военного вождя Икмора под Доростолом от руки императорского телохранителя Анемаса:

«Был между скифами Икмор, храбрый муж гигантского роста, [первый] после Сфендослава предводитель войска, которого [скифы] почитали по достоинству вторым среди них. (...) сын архига критян Анемас воспламенился доблестью духа, вытащил висевший у него на боку меч, проскакал на коне в разные стороны и, пришпорив его, бросился на Икмора, настиг его и ударил [мечом] в шею – голова скифа, отрубленная вместе с правой рукой, скатилась на землю» [\[2, с. 78\]](#).

Здесь Лев Диакон особо подчеркивает знатность и военные доблести русского воина, которые пробудили у одного из императорских телохранителей, по происхождению знатного критянина, желание совершить подвиг, попытавшись его зарубить. Мотив противоборства двух знатных воинов сближает это известие с рассказом о Мстиславе и Редеде, хотя описание хода поединка отличается. Сходство есть и в топосе описания бегства воинов противника.

Описания поединков у Льва Диакона не содержат их осмысления как действий, непосредственно решавших исход войны, хотя Лев и подчёркивает их значение для исхода сражения.

С. Кариакидис в статье «Accounts of single combat in Byzantine historiography» исследовал упоминания средневековых византийских историков о поединках между проявляющими отвагу участниками сражений. Историк выявил характерные черты повествований о боевых поединках в византийской историографии и рассмотрел, каким образом разные авторы использовали такие сюжеты для пропаганды собственных взглядов на политические события и для восхваления военных заслуг своих героев. Также в статье затронут вопрос о влиянии поэм Гомера, книг Ветхого Завета, византийской эпической традиции и идеалов Запада на идею и описания поединков в Византии. Историк пришел к выводу, что увеличение числа упоминаний воинских поединков в византийской историографии по времени совпадает с периодом подъёма военной аристократии в IX-X вв. Описания поединков не могут считаться до такой степени достоверными источниками, чтобы по ним можно было восстановить ход боя, тем не менее они позволяли историкам отметить боевые заслуги героев исторических повествований и отражали развитие военной идеологии, которая подчеркивала героический индивидуализм. В описаниях поединков обнажалось противоречие между аристократическим этосом вершителей подвигов и установками военных трактатов, предписывающими полководцам высокого ранга руководить боем с безопасного расстояния.

Проведенное С. Кариакидисом исследование, затрагивая тему поединков воинов-греков с русскими воинами в изложении Льва Диакона, коротко характеризует черты русских воинов в глазах Льва Диакона: это физическая мощь, выдающийся рост, вызывающая уважение отвага. Такое внимание связано с положительной оценкой воинских качеств в византийском обществе, что обуславливало уважение к противнику, обладающему выдающимися боевыми способностями. По мнению С. Кариакидиса, все описания поединков у Льва Диакона отражают ценности и интересы провинциальной византийской элиты, а равно и изменения в стилистике изложения военных событий в соответствии с запросами военных групп населения и социальной элиты – стремление к героизации отдельных лиц и локальных событий. Также исследователь предполагает, что выразительная героизация protagonистов могла быть связана с литературным влиянием Гомера, которого Лев Диакон многократно цитирует [\[29, с. 116-117\]](#).

Михаил Пселл описывает поединок, условленный в правление императора Василия II между уже упоминавшимся выше Вардой Склиром, сделавшимся вождем мятежников в надежде добиться императорского престола, и полководцем Вардой Фокой, руководившим войсками, направленными императорским двором на подавление мятежа. Это противоборство проводилось верхом на конях в присутствии военных отрядов обеих сторон. При этом историк упоминает о решающем значении исхода поединка для противостояния:

«В конце концов оба полководца решили сразиться друг с другом и согласились встретиться в единоборстве. (...) Мятежник Склир в своем яростном натиске не стал заботиться о должной осторожности и, приблизившись к Фоке, первым изо всех сил ударяет его по голове, и стремительный бег коня придает его удару еще большую мощь. А Фока, хоть на мгновенье и выпустил от неожиданности поводья, быстро пришел в себя и ответил противнику таким же ударом по голове, остудив его пыл и обратив в бегство» [\[3, с. 8\]](#).

С. Кариакидис отмечает, что Иоанн Скилица описывает это событие несколько иначе, сообщая, что противоборство полководцев имело место в ходе сражения и не было заранее точно оговорено. Как полагает С. Кариакидис, Михаил Пселл в рассказе о поведении Варды Склира стал выразителем представлений о кодексе чести и ценностях военной аристократии [\[29, с. 118-119\]](#).

В этом сюжете предполагаемый негласный вызов двух полководцев, возглавлявших противоборствующие воинства, сходен с сюжетом летописного рассказа о Мстиславе и Редеде. Сходно и сообщение об изменении политической обстановки в результате поединка. Отличие в том, что поединок конный, обычный для византийской знати. Кроме того, в отличие от русских летописных сюжетов, поединок не заканчивается смертью одного из противников, – видимо поэтому Михаил Пселл добавил уточнение о признании его итога окончательным.

В приведенных выше свидетельствах византийских хронистов Льва Диакона и Михаила Пселя присутствуют отдельные черты сходства с древнерусскими описаниями воинских поединков: указания на силу и боевые качества поединщиков, рассказы о бегстве воинов противника, упоминания поединков как значимых событий в биографии представителей военной знати. Лев Диакон в одном из приведенных им описаний поединков ромеев с русскими воинами пишет о вызове, с которым русский воин обращался к ромейскому войску. О вызовах на поединок сообщается и в летописных статьях 6500 (992/993) г. и 6530 (1022/1023) г. Повести временных лет. Поединок осмыслен как политически значимое событие в византийском свидетельстве Михаила Пселя. В древнерусских летописных известиях поединкам придается внешнеполитическое значение.

Проведенное сопоставление источников позволяет предположить, что известие о поединке Мстислава и Редеди в культурном контексте своего времени связано с отдельными чертами собственно древнерусской воинской культуры, на которую указывают также известие Повести временных лет под 6500 (992/993) г. и упоминания поединков византийцев с русскими воинами в иностранном источнике – «Истории» Льва Диакона, а также не противоречит предположению о влиянии византийской практики военных поединков на бытование поединков на Руси. Указание в тексте рассматриваемого известия на большую силу противника-иноземца может быть связано и с христианским переосмыслением сюжета о Давиде и Голиафе [\[29, с. 131-132\]](#).

Внимание привлекает также то, что летопись в случае с Мстиславом, по-видимому, фиксирует признаки воинского почитания Богородицы на Руси. Речь идет о произнесении Мстиславом в ходе поединка обета построить храм именно во имя Пречистой Девы:

«О пречистая богородице помози ми. Аще бо одолю сему, съзижю церковь во имя твое» [\[5, с. 64\]](#).

Аналогии этому молитвенному обращению к Богородице также отыскиваются в византийских источниках. О молитвенных обращениях военачальников во время военных действий свидетельствуют сообщения византийских хронистов Продолжателя Феофана и Льва Диакона, а также наставления военного теоретика императора Льва VI.

Традиция почитания Богородицы как защитницы ромеев от воинственных соседей-нехристиан в Византии возникла гораздо ранее рассматриваемого периода и связана с комплексом святынь во Влахернах [\[19, 32\]](#). Среди множества чудес, которые упоминаются в византийских источниках в связи со святынями Влахернской церкви, известно и чудо защиты Константинополя от нашествия русов при императоре Михаиле III и патриархе Фотии в 860 г., о котором сообщается и в Повести временных лет под 6374 (866/867) г.:

«Цесарь же едва въ градъ вниде, и с патреярхомъ съ Фотьемъ къ сущей церкви святой Богородицѣ Влахернѣ всю нощь молитву створиша, та же божественную святыи Богородицизу с пѣснimi изнесъше в мори скуть омочившее» [\[5, с. 13\]](#).

В «Хронографии» Продолжателя Феофана в описании событий правления Василия I приводится молитва стратига Андрея, «скифа» по происхождению, к Богоматери перед ее образом:

«Взял он тогда это поносное письмо и с великим плачем возложил к образу Богородицы с сыном на руках и сказал: "Смотри, Мать Слова и Бога, и ты, предвечный от Отца и во времени от Матери, как кичится и злобствует на избранный народ твой сей варвар, спесивец и новый Сенахирим, будь же помощницей и поборницей рабов твоих, и да узнают все народы силу твоей власти". Такое с содроганием сердца и великим плачем говорил он в мольбе к Богу, а потом во главе войска выступил против Тарса» [\[6, с. 180-181\]](#).

По наблюдению С. Э. Зверева, «вполне возможно, что приведенное здесь моление совершалось перед выступлением войска в поход. В этом случае можно сказать, что молитва в данный период может рассматриваться как жанр военной речи» [\[11, с. 56\]](#).

В «Тактике Льва», военном трактате X в., автором которого исследователи считают императора Льва VI, среди необходимых действий в военном деле называется руководство войском в духовной сфере с помощью молитв и священнодействий, с тем чтобы обратить его к Богу, Богородице и священнослужителям:

«Дело иератики – твердо проникнувшись Божественным началом и действуя во благо Ему, неустанно исполнять войско высшим законом Христианской веры и с помощью святого слова, священнодействий, молитв и других увещеваний обращать его к Богу, к Пречистой Матери Его Богородице, к святым его служителям» [\[1, с. 346-347\]](#).

Г. Ю. Каптен подчеркивает, что «иератика» как искусство обращения помыслов всего войска к Богу упоминается Львом наравне с другими разделами военного дела, -

например, с логистикой и врачеванием ран [\[12, с. 140\]](#).

Упоминавшийся выше Лев Диакон пишет о молитве императора Иоанна Цимисхия и о поклонении Богоматери Влахернской перед выступлением в поход против Святослава:

«[Выступив] оттуда, он пришел в знаменитый святой храм божественной Премудрости и стал молиться о ниспослании ангела, который бы двигался впереди войска и руководил походом; затем при пении гимнов он направился в славный храм Богоматери, расположенный во Влахернах. Вознеся должным образом мольбы к Богу, он поднялся в находившийся там дворец, чтобы посмотреть на огненосные триеры» [\[2, с. 68\]](#),[\[19, с. 202\]](#).

О почитании на Руси Богородицы как защитницы от военных нападений свидетельствуют богослужебные и молитвенные тексты, переводившиеся с греческого на древнерусский язык [\[14, с. 216-218\]](#). Распространение почитания Богородицы Влахернской на Руси связывается и с монастырем, основанным преподобным Стефаном Печерским в Киеве во второй половине XI в. [\[14, с. 219\]](#). По мнению М. Уайт, Богородица почиталась как защитница князей и Киева [\[32\]](#). Об устойчивости древнерусской воинской традиции почитания Богородицы косвенно свидетельствует и присутствие Ее почитаемой иконы в войске Андрея Боголюбского в походе 1164 г. на булгар, чему вскоре была посвящена статья древнерусского Пролога на особый день церковного календаря, 1 августа. Как считает А. В. Лаушкин, не исключено, что при возвращении из этого похода князь устроил «триумф Богородицы» по образу аналогичных византийских триумфов [\[13, с. 12-13\]](#).

Если наше предположение о связи обета Мстислава именно с «воинским» почитанием Богородицы верно, то перед нами едва ли не самое раннее свидетельство такого рода относительно Руси.

В целом можно прийти к выводу, что в рассматриваемом известии проявилось влияние на воинскую культуру Руси византийской воинской традиции и религиозной культуры. Наиболее ясно взаимосвязь прослеживается в религиозном оформлении поединка. Сходны представления о поединках как о событиях, которые заслуживают сохранения и в историописании. Определить взаимосвязь порядков организации и проведения поединков непросто, по причине скучности летописных данных. Византийское влияние, предположительно, выразилось и в переосмыслении представлений о поединках, и в почитании Богородицы как помощницы или заступницы в случае войны.

Военная власть Мстислава над касогами установилась, по-видимому, через непродолжительное время после описанного столкновения. В статье Повести под 6531 (1023/1024) г. речь идет уже о походе Мстислава вместе с хазарами и касогами против Ярослава [\[5, с. 64\]](#), [\[18, с. 96\]](#). Можно предположить, что и мотив «чудесной» помощи в рассказе о военной победе, и возведение церкви с посвящением Богородице, способствовали, в том числе, демонстрации «сакральной» стороны княжеской власти и укреплению политического авторитета князя как среди соседних этнополитических образований, так и в местной христианской общине.

Библиография

1. Лев VI Мудрый. Тактика Льва / Изд. подгот. В.В. Кучма; отв. ред. Н.Д. Барабанов. СПб.: Алетейя, 2012. 368 с.
2. Лев Диакон. История / пер. М.М. Копыленко; отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Наука,

1988. 237 с.
3. Михаил Пселл. Хронография / пер. Я.Н. Любарского. М.: Наука, 1978. 319 с.
 4. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М., Л.: Издательство АН СССР, 1950. 640 с.
 5. Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 1996. 667 с.
 6. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / пер. Я.Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 2009. 400 с.
 7. Слово о полку Игореве / Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. М., Л.: Издательство АН СССР, 1950. 483 с.
 8. Боровков Д.А. Междукняжеские отношения на Руси конца X – первой четверти XII века и их презентация в источниках и историографии. СПб.: Алетейя, 2015. 232 с.
 9. Гиппиус А.А. До и после начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русть в IX-X веках: археологическая панорама. М., Вологда: Древности Севера, 2012. С. 37-63.
 10. Долгов В.В. Поединки в древнерусской воинской культуре // Военно-исторический журнал. 2014. №6. С. 57-60.
 11. Зверев С.Э. Военная риторика Средневековья. СПб.: Алетейя, 2011. 206 с.
 12. Каптен Г.Ю. Проблема сакрализации войны в византийском богословии и историографии. СПб.: Издательство РХГА, 2020. 263 с.
 13. Лаушкин А.В. Устраивали ли триумфы русские князья домонгольского времени? // Российская история. 2022. № 3. С. 3-14.
 14. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1978. 359 с.
 15. Макарова Т.И. Церковь св. Богородицы в Тмутаракани // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2005. Вып. XI. С. 377-405.
 16. Максидов А.А. Касожский князь Редедя: реальности летописного сюжета // Эльбрус. 2000. №1 (12). С. 61-69.
 17. Михеев С.М. «Кто писал "Повесть временных лет"?» М.: Индрик, 2011. 280 с.
 18. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.
 19. Степаненко В.П. Военный аспект культа Богоматери в Византии (IX-XII вв.) // Античная древность и Средние века. Вып. 31. 2000. С. 198-221.
 20. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Кн. 2. М.: напечатана при Императорском Московском университете, 1773. 536 с.
 21. Трофимова Н.В. Фольклорные образы и мотивы в древнерусском воинском повествовании // Литература Древней Руси и Нового времени. Сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции «Древнерусская литература и литература Нового времени», посвященной памяти профессора Николая Ивановича Прокофьева. М.: Московский педагогический государственный университет, 2017. С. 38-47.
 22. Трофимова Н.В. Поэтика древнерусского воинского повествования. М.: МПГУ, 2017. 278 с.
 23. Трубецкой Н.С. Редедя на Северном Кавказе // Этнографическое обозрение. 1911. № 1-2. С. 229-238.
 24. Турчанинов Г.Ф. Летописный Редедя и черкесское «редадэ» // Ученые записки

- Кабардинского научно-исследовательского института. 1947. Т. II. С. 246-247.
25. Храпунов Н.И. Известия о Крымском походе Владимира Мономаха в источниках Нового времени // Античная древность и Средние века. Вып. 46. 2018. С. 241-260.
26. Чхайдзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 328 с.
27. Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. Петроград: Археографическая комиссия, 1916. VIII, LXXX, 402 с.
28. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. СПб.: Наука, 2002. С. 20-358.
29. Kariakidis S. Accounts of single combat in Byzantine historiography // Acta Classica. Vol. 59. 2016. С. 114-136.
30. Oakley S.P. Single combat in the Roman Republic // Classical Quarterly. 1985. Vol. 35. С. 392-410.
31. Wiedemann T. Single combat and being Roman // Ancient Society. 1996. Vol. 27. С. 91-103.
32. White M. Military saints in Bizantium and Rus, 900-1200. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. XV, 255 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

на статью

О поединке князя Мстислава и Редеди

Название отчасти соответствует содержанию материалов статьи, однако в нём не просматривается научная проблема, на решение которой направлено исследование автора.

Рецензируемая статья представляет научный интерес. Автор не сумел разъяснить выбор темы исследования и обосновать её актуальность.

В статье некорректно сформулирована цель исследования («Задача данного исследования – определить влияние византийской воинской культуры в области культуры воинских поединков на воинскую культуру древней Руси»), не указаны объект и предмет исследования, методы, использованные автором.

Автор представил результаты анализа историографии проблемы, но не сформулировал новизну предпринятого исследования, что является существенным недостатком статьи.

При изложении материала автор продемонстрировал результаты анализа историографии проблемы в виде ссылок на актуальные труды по теме исследования и апелляции к оппонентам.

Автор не разъяснил выбор и не охарактеризовал круг источников, привлеченных им для раскрытия темы.

Автор не разъяснил и не обосновал выбор хронологических и географических рамок исследования.

На взгляд рецензента, автор грамотно использовал источники, выдержал научный стиль изложения, грамотно использовал методы научного познания, стремился соблюсти принципы логичности, систематичности и последовательности изложения материала.

В качестве вступления автор указал на причину выбора темы исследования. Автор

сообщил, что «в Повести временных лет под 6530 (1022/1023) г. содержится рассказ о победе князя Мстислава Владимировича над Редедей в поединке и об основании Мстиславом церкви Богородицы в Тмутаракани» т.д., и что данное «известие представляет интерес для изучения истории складывания древнерусской воинской культуры и может быть сопоставлено с византийскими воинскими реалиями» т.д.

В основной части статьи автор предположил, что запись о событии могла возникнуть в 1070-е гг., и вдруг перешел к изложению результатов анализа историографии вопроса, начав с трудов Татищева, пояснив, что его попытка «обобщить сведения о древнерусских поединках оказалась не вполне корректной из-за привлечения данных поздних источников». Затем автор, опираясь на актуальную научную литературу, раскрыл свою мысль о том, что «в современной историографии применяются различные подходы к изучению указанного известия», и вернулся к анализу источников, обратив внимание, что поединки Мстислава и Редеди, а также Никиты Кожемяки с печенежским воином «произошли в контексте военно-политических контактов Руси с политическими образованиями, находившимися в зоне культурно-политического влияния Византийской империи (но при этом культурно и политически не относящимися к ней)».

Далее автор процитировал источник о поединках с участием ромеев, заключив, что «описания поединков у Льва Диакона не содержат их осмыслиения как действий, непосредственно решавших исход войны, хотя Лев и подчёркивает их значение для исхода сражения». Затем автор описал результаты изучения вопроса о поединках С. Кариакидиса, который пришёл «к выводу, что увеличение числа упоминаний воинских поединков в византийской историографии по времени совпадает с периодом подъёма военной аристократии в IX-X вв.» т.д., что «все описания поединков у Льва Диакона отражают ценности и интересы провинциальной византийской элиты, а равно и изменения в стилистике изложения военных событий в соответствии с запросами военных групп населения и социальной элиты – стремление к героизации отдельных лиц и локальных событий» т.д.

Далее автор предположил, что «известие о поединке Мстислава и Редеди в культурном контексте своего времени связано с отдельными чертами собственно древнерусской воинской культуры» т.д., и что это «не противоречит предположению о влиянии византийской практики военных поединков на бытование поединков на Руси».

В завершение основной части статьи автор обстоятельно обосновал мысль о том, что «летопись в случае с Мстиславом, по-видимому, фиксирует признаки воинского почитания Богородицы на Руси» т.д.

Выводы автора носят обобщающий характер, сформулированы ясно.

Выводы отчасти позволяют оценить научные достижения автора в рамках проведенного им исследования.

В заключительных абзацах статьи автор сообщил, что «в рассматриваемом известии проявилось влияние на воинскую культуру Руси византийской воинской традиции и религиозной культуры» т.д., что «византийское влияние, предположительно, выразилось и в переосмыслении представлений о поединках, и в почитании Богородицы как помощницы или заступницы в случае войны».

Затем автор, фактически завершая основную часть статьи, сообщил, что «военная власть Мстислава над касогами установилась, по-видимому, через непродолжительное время после описанного столкновения» т.д., и предположил, что «мотив «чудесной» помощи в рассказе о военной победе, и возведение церкви с посвящением Богородице, способствовали, в том числе, демонстрации «сакральной» стороны княжеской власти и укреплению политического авторитета князя» т.д.

На взгляд рецензента, потенциальная цель исследования отчасти достигнута автором.

Публикация может вызвать интерес у аудитории журнала. Статья требует доработки в

части формулирования ключевых элементов программы исследования приведения в соответствие с ними выводов.

Замечания главного редактора от 05.04.2023: "Автор доработал рукопись в соответствии с требованиями рецензентов".

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Акбердеева Д.И., Загороднюк Н.И. — Сеть железнодорожных поселений Тобольской губернии в конце XIX - начале XX в // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.40101 EDN: NJEPKM URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=40101

Сеть железнодорожных поселений Тобольской губернии в конце XIX - начале XX в

Акбердеева Динара Ильгизаровна

младший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук

626152, Россия, Тюменская область, г. Тобольск, ул. Академика Юрия Осипова, 15

✉ akberdeeva.dinara@mail.ru

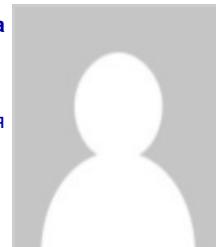
Загороднюк Надежда Ивановна

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук

626152, Россия, Тюменская область, г. Тобольск, ул. Академика Юрия Осипова, 15

✉ niz1957@yandex.ru

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.2.40101

EDN:

NJEPKM

Дата направления статьи в редакцию:

02-04-2023

Дата публикации:

09-04-2023

Аннотация: На основе анализа массовых источников – архивных документов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и сведений, опубликованных Тобольским губернским статистическим комитетом на 1903 и 1909 гг., определяется численность, типическое разнообразие, людность поселений, сформировавшихся в зоне отчуждения Пермь-Тюменской и Западно-Сибирской железных дорог на территории Тобольской губернии. Для анализа источников применена совокупность статистических методов. Комплексный междисциплинарный подход позволяет не только выявить историко-генетические особенности отдельных документов, но и дать определенную

оценку их репрезентативности и информационного потенциала для конкретно-исторического исследования. Интенсивное строительство железных дорог привело к появлению новых типов населенных пунктов: станций, самостоятельных поселков при станциях и на линии железной дороги, казарм и полуказарм, будок, бараков, сторожевых домов и проч. На 1897 г. на территории губернии функционировало не менее 128 железнодорожных поселений, что составляло около 2,5 % от общего числа всех населенных пунктов исследуемого региона. В них постоянно и временно проживало более двух тысяч человек; в среднем, на одно поселение приходилось 18 чел. Крупными населенными пунктами являлись станции Тюмень и Курган. Сделан вывод, что наиболее полными сведениями обладают первичные материалы переписи 1897 г. В связи с дальнейшим строительством Транссибирской магистрали в начале XX в. наблюдается рост населения станций и пристанционных поселков, их слияние, появление новых типов железнодорожных поселений.

Ключевые слова:

Сеть железнодорожных поселений, Тобольская губерния, железная дорога, типическая структура, величина поселений, масштабы поселенческой сети, людность поселений, дворность поселений, Перепись населения, поселение

Формирование поселенческой сети является неотъемлемой частью развития производительных сил любой территории, ее транспортной инфраструктуры. В связи с этим актуальным остается вопрос об основании поселений в период строительства и эксплуатации железных дорог. На формирование и функционирование населенных пунктов для железнодорожных служащих и членов их семей огромное влияние оказывал социально-экономический фактор.

В современной историографии выделяются несколько работ, касающихся исследуемой проблемы. В статье С. С. Белоусова анализируется влияние железных дорог на развитие поселенческой сети Астраханской губернии в конце XIX – начале XX вв. Автор отмечает, что появление железнодорожного транспорта внесло новые черты в процесс заселения губернии, формирование поселенческой сети в полосе отчуждения железной дороги стало продолжением политики приоритетного освоения путей сообщения. Строительство железных дорог сыграло положительную роль в развитии поселенческой структуры: наблюдалось расширение поселенческой сети, приток населения не только во вновь основанные железнодорожные поселки, так и в старожильческие населенные пункты, вблизи которых прошли железные линии [\[1\]](#).

А. И. Татарникова, рассматривая образование плановых и стихийных поселений в Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв., отмечает, что в «Списке населенных мест» на 1903 г. впервые зафиксированы поселения со статусом «железнодорожные станции». Опираясь на опубликованные источники, она утверждает, что на протяжении десятилетия их число возросло в 10 раз [\[30, с. 22\]](#), что требует уточнения.

Специальных работ, посвященных истории возникновения и формирования железнодорожной поселенческой сети на территории Тобольской губернии в рассматриваемый период, не имеется.

Целью статьи является определение численности, типологии, людности поселений,

сформировавшихся в зоне отчуждения Пермь-Тюменской и Западно-Сибирской железных дорог на территории Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв.

Данное исследование основано на комплексном анализе разнообразных источников. Авторами введены в научный оборот материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Тобольской губернии, хранящиеся в фонде И417 «Тобольский губернский статистический комитет» Государственного архива в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске). В первую очередь, интерес представляют похозяйственные переписные листы, в которых имеются сведения о поселениях, количестве и особенностях построек, учтенных домохозяйствах. Местонахождение железнодорожного населенного пункта определялось благодаря указанию расстояния от начальной станции участка дороги в верстах.

Для определения динамики численности поселений, их типической структуры в начале XX в. использованы сведения, опубликованные губернским статистическим комитетом в «Списках населенных мест Тобольской губернии» на 1903 и 1909 гг. [28, 29]. В данных публикациях информация о количестве населенных пунктов неполная. В отличие от результатов переписи 1897 г., где учитывались и постоянные, и временные населенные пункты с любым количеством жителей, в справочниках отсутствует информация о мелких железнодорожных поселениях (казармах, будках и проч.). Кроме того, в «Списках» население железнодорожных станций было включено в одноименные населенные пункты.

В последней четверти XIX в. новым толчком к развитию экономики региона послужило строительство и введение в эксплуатацию участков Уральской и Сибирской железных дорог. На территории Тюменского округа Тобольской губернии пролегла магистраль Тюменского участка Пермь-Тюменской (первоначально Екатеринбург-Тюменской) железной дороги протяженностью 308,88 верст, введенной в эксплуатацию в декабре 1885 г. Этот путь соединял уездные города Екатеринбург и Камышлов Пермской губернии с г. Тюменью Тобольской губернии; конечным пунктом была станция Тура, расположенная в уездном городе на правом берегу р. Туры. Участок включал 16 станций, из них 11 находились на территории Пермской, а пять (Тугулым, Кармак, Перевалово, Тюмень, Тура) – Тобольской губернии [27, с. 131]. Расстояние между станциями исчислялось в 20–25 верст.

Земли южных (Курганского, Ишимского, Тюкалинского) округов Тобольской губернии с запада на восток пересекла Западно-Сибирская железная дорога, введенная в эксплуатацию в 1896 г. Она брала начало от восточного конечного пункта Самарово-Златоустовской железной дороги. От станции Челябинск железнодорожная линия проходила через Шадринский уезд Пермской, затем Челябинский уезд Оренбургской губернии к Тобольской губернии. На 465 версте дорога входила в пределы Акмолинской области и затем вновь пролегала по территории Тобольской губернии и далее на северо-восток к г. Томску [27, с. 199]. На протяжении этого участка было построено 34 станции [27, с. 191–192], из них в Курганском уезде – пять (Зырянка, Курган, Варгаши, Лебяжья, Макушино), Ишимском – две (Петухово, Мамлютка), Тюкалинском – одна (Кормиловка) [3, 4, 5, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 19]. Сведения о строящихся станциях Калачинская и Шадринская не были включены в документы переписи, так как движение поездов в этом районе началось в 1898 г.

По данным Первой всеобщей переписи 1897 г., все наличное население Тобольской губернии составляло 1 433 043 лиц обоего пола [26, с. VIII.1], которое проживало в 5177

отдельных населенных местах, постоянных и временных [26, с. X]. В южных уездах Тобольской губернии дислоцировалось не менее 128 железнодорожных поселений различного типа: станций, казарм, будок, бараков, сторожевых домов, лесных сторожек и проч. (табл. 1). Железнодорожные поселения составляли 2,47 % от общего числа всех населенных пунктов исследуемого региона.

Таблица 1

Table 1

Количество железнодорожных населенных пунктов

различного типа в Тобольской губернии (1897 г.)

The number of railway settlements of various types in the Tobolsk province (1897)

	Тюменский участок Пермь- Тюменской железной дороги	Западно- Сибирская железная дорога	Всего поселений (абс.)	Всего поселений (%)
Станции	5	8	13	10,1
казармы (большие казармы)	2	11	13	10,1
полуказары (малые казармы)	7	27	34	26,6
будки	22	31	53	41,4
бараки	1	1	2	1,6
водокачки	1	–	1	0,7
сторожевые дома	–	9	9	7
лесные сторожки	2	–	2	1,6
деревни	1	–	1	0,7
итого	41	87	128	

Источники : подсчит. по: ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1360-1365, 1904-1913, 3265, 3286, 3287, 3631-3633.

Анализ материалов переписи позволил выделить девять типов поселений. Наиболее многочисленным типом поселения были железнодорожные будки, они составляли более 40 % от всего количества поселений. Количество полуказарм (или малых казарм) превышало данные о казармах в полтора раза. Десятая часть этих поселений – железнодорожные станции. Известно, что для стоянки поездов на железных дорогах имелись особые остановочные пункты: станции и разъезды. Обращает на себя внимание тот факт, что на обоих участках дорог отсутствовали разъезды. Этую особенность можно объяснить ограниченным движением поездов, поэтому необходимости в разъездах на тот момент не было.

Численность населения железнодорожных поселков по сравнению с общегубернскими данными была незначительна – 2317 чел. (табл. 2). Если на одно поселение в губернии приходилось 277 чел. [26, с. XI], то на железнодорожное – 18 чел.

Таблица 2

Table 2

Численность населения в железнодорожных поселениях
на территории Тобольской губернии (на 1897 г.)

The population in railway settlements on the territory of the Tobolsk province (in 1897)

	Тюменский участок Пермь-Тюменской железной дороги	Западно-Сибирская железная дорога	Всего поселений (абс.)	Всего поселений (%)
Станции	469	842	1311	56,6
казармы (большие казармы)	26	179	205	8,8
полуказармы (малые казармы)	81	347	428	18,5
будки	121*	160	281	12,2
бараки	6	4	10	0,4
водокачки	2	–	2	0,1
сторожевые дома	–	49	49	2,1
лесные сторожки	5	–	5	0,2
деревни	26	–	26	1,1
итого	736	1581	2317	

*включены временно пребывавшие члены паровозных бригад в количестве 15 чел.

Источники : подсчит. по: ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1360–1365, 1904–1913, 3265, 3286, 3287, 3631–3633.

Из 13 железнодорожных станций (табл. 3) самыми крупными были расположенные на окраине одноименных городов Тюмень и Курган с населением, соответственно, 325 и 376 чел.

Станция Тюмень была построена на территории городского выгона, но за чертой селитебной земли [2, л. 7]. По проекту Пермь-Тюменской железной дороги все железнодорожные поселения располагались с правой стороны по счету верстовых столбов от Екатеринбурга, здания строились из дерева. На территории Тобольской губернии исключение составили вокзал и паровозное депо станции Тюмени, построенные из красного кирпича с частичной облицовкой гранитом [25, с. 20].

Служащие и рабочие станции с семьями проживали в 26 жилых и служебных зданиях. В восьми жилых домах было расселено от 2 до 13 хозяйств в каждом, всего 36 хозяйств (160 чел.) [20, л. 34–52, 57–61, 67–81, 103–143]. Остальные 165 человек были размещены в служебных помещениях: пассажирском здании – 9 семей (53 чел.); товарной конторе – 2 семьи (5 чел.), паровозном здании – 3 семьи (12 чел.) [20, л. 17–23, 62–66, 82–102], Тюменском управлении Екатеринбургского жандармского полицейского управления железной дороги – 9 чинов железнодорожной жандармерии [21, л. 10–11]. В трех казармах, предназначенных для путейцев – ремонтных рабочих и их семей – на момент переписи проживало 13 семей (48 чел.) [20, л. 24–33, 160–170; 21, л. 20–28]. В семи

сторожевых будках, имевших небольшую площадь, было вселено по 1–2 хозяйства, общим числом 22 чел. [20, л. 2–3, 144–159, 171–178]. Жилые помещения для 16 человек были выделены при кузнице, оранжерее, холерном бараке и бараке дровокладов [20, л. 4–16, 53–56].

От станции Тюмень, огибая городские постройки, в сторону казенных и частных пристаней, шел четырехверстный железнодорожный путь к станции Тура. При проведении железнодорожного пути берега реки были укреплены откосами, так что вагоны подходили вплотную к пароходам для удобства погрузки и выгрузки [27, с. 136–137]. Девять семей (29 чел.) занимали помещения в одном жилом доме, трех бараках и здании водокачки [20, л. 179–198].

Третеклассная станция Курган Западно-Сибирской железной дороги была расположена в 1,5 верстах от г. Кургана [27, с. 193]. На ее территории переписчиками было зафиксировано 60 семейств (203 чел.), кроме того, в казарме – 12 хозяйств (41 чел.) [9, л. 2–125; 15, л. 68–92.]

В зоне отчуждения железных дорог появлялись как плановые, так и стихийные поселения. С открытием движения поездов в районе вокзала станции Курган образовалось стихийное поселение из 24 домов с 31 хозяйством (132 чел.), часть из которых принадлежала работникам дороги, часть – торгово-промышленникам [10, л. 30–81]. С 1893 г. при станции Петухово образовался посад Вознесенский из крестьян-переселенцев Полтавской и Черниговской губерний [27, с. 199]. Переселенческий поселок сформировался при станции Кормиловка [27, с. 227]. Рядом со станцией Зырянка в зоне отчуждения находилась казенная лесная дача, откуда поставлялись лес и дрова для железной дороги [27, с. 199]. Жители деревни Ушаковой Тюменского уезда, воспользовавшись близостью железной дороги, часть земли уступили рабочим для строительства домов. Предприимчивые домохозяева сдавали жилье семьям железнодорожников [22, л. 65–89].

Таблица 3

Table 3

Численность населения железнодорожных станций

на территории Тобольской губернии на 1897 г.

The population of railway stations on the territory of the Tobolsk province in 1897

	Название населенного пункта с указанием жилых и служебных зданий, в которых проживали семьи железнодорожников	Число хозяйств	Численность населения (чел.)
Тюменский участок Пермь-Тюменской железной дороги			
1	Тугулым (два жилых дома, водоемное и водоподъемное здания)	9	24
2	Кармак (два жилых дома, большая казарма)	12	48
3	Перевалово (четыре жилых дома, временный барак, переездная будка)	11	43
4	Тюмень (восемь жилых домов, три казармы, семь	81	325

	будок, четыре барака, пассажирское здание, товарная контора, паровозное здание, Тюменское управление Екатеринбургского жандармского полицейского управления железной дороги)		
5	Тура (один жилой дом, три барака, водокачка)	9	29
Западно-Сибирская железная дорога			
6	Зырянка (станционные постройки, казарма)	12	37
7	Курган (станционные постройки, казарма, стихийное поселение)	103	376
8	Варгаши (станционные постройки, казарма)	17	55
9	Лебяжья (станционные постройки, казарма)	21	69
10	Макушино (станционные постройки, казарма)	44	128
11	Петухово (жилой дом, две временных постройки, избушка, пассажирское здание, водоподъемное здание, казарма)	25	57
12	Мамлютка (жилой дом, два временных барака, пассажирское здание, водокачка, казарма)	20	57
13	Кормиловка (три жилых дома, пассажирское здание, казарма, три барака)	20	63
	итого	384	1311

Источники : подсчит. по: ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1360. Л. 3-31, 33; Д. 1361. Л. 24-41, 56-63; Д. 1362. Л. 3-27; Д. 1904. Л. 2-125; Д. 1905. Л. 30-81; Д. 1906. Л. 2-28; Д. 1907. Л. 4-27; Д. 1908. Л. 2-32; Д. 1909. Л. 2-91; Д. 1910. Л. 18-30, 46-48, 68-92; Д. 1364. Л. 5-23; Д. 3265. Л. 36-76, 158-159; Д. 3286. Л. 179-198; Д. 3287. Л. 10-11, 20-28; Д. 3631. Л. 26-49; Д. 3632. Л. 19-45; Д. 3633. Л. 24-44.

Станции являлись самым крупным типом железнодорожных поселений. В них проживало от 9 (Тугулым, Тура) до 103 семей (Курган). В среднем, на одной железнодорожной станции Тюменского участка Пермь-Тюменской железной дороги проживало 93,8 чел., Западно-Сибирской железной дороги – 105,25 чел., в целом по губернии – 100,8 чел.

Для обеспечения бытовых условий служащим дороги жилые помещения строились не только на станциях, но и на перегонах между ними, и представляли собой отдельно стоящие на полосе отчуждения здания – населенные пункты в виде казарм, полуказарм, будок и др.

На перегонах казармы служили для размещения артелей рабочих для ремонтных работ. В архивных документах встречаем дифференциацию этих жилых домов на казармы и полуказармы (Западно-Сибирская железная дорога) и большие и малые казармы (Пермь-Тюменская железная дорога). Участки строились с интервалом в 10 лет, это сказалось на типологии населенных пунктов. Постройки отличались размерами: у казармы внутреннее помещение должно было не менее 26 кв. сажен, полуказармы – в два раза меньше. Для качественного обслуживания путейцами железнодорожного полотна казармы располагались на определенном расстоянии друг от друга, поэтому число казарм на отдельных участках было прямо пропорционально длине железнодорожного пути: на 65 верстах Тюменского участка Пермь-Тюменской дороги имелось 9 казарм обоего типа, на 300 верстах Западно-Сибирской магистрали – 38 казарм. Этот тип населенных пунктов составлял более четверти (26,6 %) всех железнодорожных поселений.

В двух больших казармах Пермь-Тюменской железной дороги проживало по 4 хозяйства (26 чел.) [22, л. 17-25; 24, л. 45-53], в среднем, – 13 чел.; в 11 казармах Западно-Сибирской железной дороги – от 1 до 11 хозяйств (179 служащих и членов их семей) [6, л. 4-13; 8, л. 10-20; 15, л. 3-17, 31-45, 59-139], в среднем, – 16,3 чел.

В семи малых казармах Тюменского участка размещались по 3-4 хозяйства (81 чел.), как постоянно, так и временно проживавших [22, л. 4-12, 54-62, 96-104; 23, л. 4-12, 50-56; 24, л. 8-16, 60-68], в среднем, – 11,6 чел.; в 27 полуказармах Западно-Сибирской дороги – от 1 до 7 хозяйств (347 чел.) [4, л. 6-17, 42-53; 5, л. 37-45; 6, л. 17-26; 7, л. 26-34; 8, л. 3-7; 16, л. 4-160; 19, л. 9-18, 23-35, 77-85, 108-122, 145-157], в среднем, – 12,8 чел.

Сторожевые будки – самый распространенный тип поселения, они составляли почти половину всех железнодорожных поселений губернии. В 21 из 22 сторожевых будок Тюменского участка железной дороги проживало по одному хозяйству, и только в одной – два хозяйства [22, л. 2-3, 13-16, 50-53, 63-64, 94-95, 105-108; 23, л. 13-16, 46-49, 57-58; 24, л. 4-7, 17-23, 54-57, 69-70]. В среднем, на одно жилое помещение приходилось 4,8 чел. На участке Западно-Сибирской железной дороги этот показатель выше – 5,2 чел. В 31 сторожевой будке переписчиками было зафиксировано от 1 до 5 хозяйств, от 1 до 10 человек, постоянно и (в редких случаях) временно проживающих [4, л. 4-5, 18-23, 54-55; 6, л. 14-15; 7, л. 3-4, 24-25, 35-36; 8, л. 8-9, 21-29; 18, л. 2-35]. В тот период площадь этого типа строения составляла 6 кв. сажен. Перенаселенность жилищ можно объяснить, в первую очередь, тем, что только в 1896 г. этот участок был открыт для движения поездов, и необходимость устранения недочетов и поддержания удовлетворительного состояния дороги привела к привлечению дополнительной рабочей силы. Кроме того, в переписные листы были включены временно пребывавшие члены паровозных бригад в количестве 15 чел. [24, л. 71-74]. Как правило, тесноту помещений частично компенсировали надворные постройки.

Кроме вышеназванных типов поселений, на обоих участках встречались бараки – временное или постоянное жилье, а также поселение, близкое по своему назначению к сторожевым будкам. Бараки – жилые дома имелись на станциях Тюмень и Тура при кузнице, оранжерее, на лесном складе, нижней пристани Туры. На станции Кормиловка в 1897 г. были построены два земляных и один деревянный бараки. Временные бараки имелись на станциях Перевалово, Мамлютка. По одному бараку – поселению зафиксировано на обеих железнодорожных линиях.

Девять сторожевых домов – поселений находились на участке Западно-Сибирской железной дороги [17, л. 2-25], две лесных сторожки – Пермь-Тюменской железной дороги [22, л. 90-93].

В Тобольской губернии было лишь 312 поселений с населением от 1 до 5 человек (6,02 % от всего числа поселений) [26, с. XI], из них 45 (14 %) – железнодорожные поселки. В губернии чаще всего встречались населенные пункты с числом жителей от 6 до 50 человек – 1119 селений (21,6 %) [26, с. XII]. В железнодорожных поселках наблюдалась несколько другая картина – в 125 поселениях из 128 проживало от 1 до 50 человек, что составляло 97,7 % [3-24].

Обращаясь к источникам начала XX в., невозможно отметить изменения в численности населения и типологии населенных пунктов. В «Список населенных мест Тобольской

губернии» на 1903 г. были включены единичные сведения о населении железнодорожных станций: на станции Шадринской проживал 51 чел. [28, с. 239], Кормиловской – 130 чел. [28, 248]; 12 станций слились с одноименными населенными пунктами; сведения о численности населения станции Петухово отсутствуют [28, с. 92].

В «Списке» на 1909 г. представлена информация о 47 железнодорожных поселениях (из них только три относятся к Тюменскому участку Пермь-Тюменской железной дороги): 8 станциях и 15 разъездах, 8 будках и 4 переездах, 3 казармах и 2 полуказармах, 2 поселках при станциях и четырех – около них, 1 железнодорожном мосте [29, с. 176-499].

Зафиксирована новая станция Сибирской железной дороги – Уржумка (Курганский уезд) с населением 3035 чел. [29, с. 236-237]. Отмечается рост населения в городах с железнодорожными станциями – Тюмени и Кургане: если население Тюмени увеличилось на 8 %, то Кургана – на 44 % (табл. 4). Отчасти это объясняется тем, что после открытия Западно-Сибирской железной дороги значение Тюменского участка значительно снизилось.

Таблица 4

Table 4

Население городов Кургана и Тюмени в 1897-1909 гг.

The population of the cities of Kurgan and Tyumen in 1897-1909

	1897 (город и станция)	1903	1909
Курган	10 677 (10301+376)	14892	24225
Тюмень	29 869 (29544+325)	29690	32236

Источники: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. Т. 78: Тобольская губерния. – 1905. – [4], XLVI, 247 с. С.XII; Список населенных мест Тобольской губернии / Сост. Губ. стат. ком. по распоряжению г. тоб. губернатора, по сведениям, доставл. волост. правл. в 1903 г. и провер. с перепис. материалом. – Тобольск: Губ. тип., 1904. – [5], IX, 341 с. С. III, VI; Список населенных мест Тобольской губернии: [Сост. по сведениям на 15 июля 1909 г., получ. от уезд. исправников и волост. правл.]. – Тобольск: Тоб. губ. стат. ком., 1912. – [1], 634, IX с. С. 24.

Численность населения железнодорожной станции Тугулым с 1897 по 1909 гг. возросла на 2,7 %, Зырянка – на 4,2 %, Лебяжья – на 6,1 %, Макушино – на 2,1 %, Петухово – на 2 %, Кормиловка – на 1,2 % [3, л. 3-31, 33; 4, л. 24-41, 56-63; 5, л. 3-27; 7, л. 5-23; 8, л. 36-76, 158-159; 9, л. 2-125; 10, л. 30-81; 11, л. 2-28; 12, л. 4-27; 13, л. 2-32; 14, л. 2-91; 15, л. 18-30, 46-48, 68-92; 20, л. 179-198; 21, л. 10-11, 20-28; 22, л. 26-49; 23, л. 19-45; 24, л. 24-44; 29, с. 178-179, 228-229, 232-233, 270-271, 466-467, 498-499].

Несмотря на то, что уровень репрезентативности опубликованных источников значительно уступает материалам переписи 1897 г., анализ документов позволяет сделать некоторые выводы о динамике численности, типическом разнообразии, людности железнодорожных поселений на территории Тобольской губернии в конце XIX – начале

XX вв.

По документам 1897 г. было выявлено 128 железнодорожных пунктов с населением 2317 жителей. Всего было выделено девять типов поселений: станции, рабочие поселки при них, казармы, полуказармы, будки, бараки, сторожевые дома, лесные сторожки, водокачки. Многочисленность железнодорожных будок (53) объясняется особенностями производственной деятельности. Из 13 станций, расположенных в регионе, самыми крупными были станции Тюмень (325 чел.) и Курган (376 чел.). В целом, в 97,7 % железнодорожных поселков проживало от 1 до 50 человек.

В списках населенных мест на 1903 г. приведены сведения только о станциях и пристанционных поселках; в аналогичном документе на 1909 г. имеется информация о 47 железнодорожных поселениях. В ходе дальнейшего строительства Транссибирской магистрали появились новые типы поселений – разъезды, переезды, большие будки и др.

Библиография

1. Белоусов С.С. Влияние железных дорог на развитие поселенческой сети в Астраханской губернии (последняя четверть XIX-начало XX вв.) // Былые годы. 2020 № 57 (3). С. 1264–1269.
2. ГА в г. Тобольске. Ф. И152. Оп. 35. Д. 841.
3. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1360.
4. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1361.
5. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1362.
6. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1363.
7. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1364.
8. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1365.
9. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1904.
10. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1905.
11. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1906.
12. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1907.
13. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1908.
14. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1909.
15. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1910.
16. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1911.
17. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1912.
18. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1913.
19. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 3265.
20. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 3286.
21. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 3287.
22. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 3631.
23. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 3632.
24. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 3633.
25. Коптелов В. Т. Железная дорога Екатеринбург – Тюмень – Омск: очерки истории Тюменского отделения дороги. Тюмень: Вектор Бук, 2001. 168 с.
26. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. Т. 78: Тобольская губерния. – 1905. – [4], XLVI, 247 с.

27. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге: [1900] / Под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова и инж. А. Ф. Здзярского. – Санкт-Петербург: М-во пут. сообщ., 1900. – [2], IV, 600 с.
28. Список населенных мест Тобольской губернии / Сост. Губ. стат. ком. по распоряжению г. тоб. губернатора, по сведениям, доставл. волост. правл. в 1903 г. и провер. с перепис. материалом. – Тобольск: Губ. тип., 1904. – [5], IX, 341 с.
29. Список населенных мест Тобольской губернии: [Сост. по сведениям на 15 июля 1909 г., получ. от уезд. исправников и волост. правл.]. – Тобольск: Тоб. губ. стат. ком., 1912. – [1], 634, IX с.
30. Татарникова А. И. Населенные пункты Тобольской губернии: административный и самовольный способы образования и особенности развития во второй половине XIX – начале XX вв. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 1. С. 17–27.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является определение численности, типологии, людности поселений, сформировавшихся в зоне отчуждения Пермь-Тюменской и Западно-Сибирской железных дорог на территории Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв.

Источниками исследования послужили значительные по объему статистические материалы, содержащиеся в Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Тобольской губернии, хранящиеся в фонде И417 «Тобольский губернский статистический комитет» Государственного архива в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске). В первую очередь, интерес представляют похозяйственные переписные листы, в которых имеются сведения о поселениях, количестве и особенностях построек, учтенных домохозяйствах. Местонахождение железнодорожного населенного пункта определялось благодаря указанию расстояния от начальной станции участка дороги в верстах.

Для определения динамики численности поселений, их типической структуры в начале XX в. использованы сведения, опубликованные губернским статистическим комитетом в «Списках населенных мест Тобольской губернии» на 1903 и 1909 гг.

Методология исследования является обоснованной и оптимальной для анализа значительного массива данных о сети железнодорожных поселений Тобольской губернии в конце XIX - начале XX в. Использован комплекс методов, среди которых историко-географический, статистический, системно-структурный анализ, позволившие глубоко исследовать генезис, типологию, пространственно-временные характеристики железнодорожных поселений рассматриваемого региона.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью проблемы, важностью введения в научный оборот мало изученных исторических сведений о сети железнодорожных поселений Тобольской губернии в конце XIX - начале XX в., значимостью поселенческой сети как неотъемлемой части развития производительных сил территории, ее транспортной инфраструктуры, а также для понимания причин появления новых поселений в Тобольской губернии и факторов их

развития.

Научная новизна работы безусловна. Статья дает новые представления о сформировавшейся сети железнодорожных поселений Тобольской губернии в конце XIX - начале XX в.: их типологии, количество поселений-представителей разных типов, людности. Кроме того, введен в научный оборот значительный массив статистической архивной информации, до этого слабо изученной.

Стиль работы соответствует высоким требованиям научного подхода к изложению результатов исследования. Его характеризуют логичность, строгая последовательность изложения, смысловая точность, информативная насыщенность, объективность. Структура изложения не вызывает нареканий и характеризуется взаимосвязанностью частей, логичностью переходов от одного раздела к другому.

По содержанию данная статья является логически завершенным исследованием актуальной проблемы, осуществленным посредством применения комплекса научных методов. В статье содержится ссылка к предшествующим работам и дается квалифицированная оценка полученных ранее результатов. Полемизируя с оппонентами, автор(ы) корректно выявляют дефициты предшествующих исследований и, обращаясь к многочисленным достоверным источникам, обосновывают свою позицию. Работа изобилует информативными таблицами, позволяющими со всей полнотой представить особенности сети железнодорожных поселений Тобольской губернии в конце XIX - начале XX в.

Полученные выводы о типологии, людности и динамике численности железнодорожных поселений исследованного региона полностью обоснованы.

Библиография, включающая 30 источников, среди которых большую часть составляют архивные материалы, убедительно подтверждает достоверность полученных выводов.

Статья, несомненно, вызовет интерес у широкого круга читателей.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Зайцев И.А. — Санскритские титулы двух правителей Пагана в памятниках эпиграфики на санскрите и пали // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.39842 EDN: IWDLJZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39842

Санскритские титулы двух правителей Пагана в памятниках эпиграфики на санскрите и пали

Зайцев Иван Алексеевич

ORCID: 0000-0002-0883-059X

аспирант кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, ИСАА МГУ

125222, Россия, г Москва область, г. Г Москва, ул. Зеленоградская, 18

✉ gorniy_strannik@mail.ru

[Статья из рубрики "Исторические источники и артефакты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.2.39842

EDN:

IWDLJZ

Дата направления статьи в редакцию:

25-02-2023

Дата публикации:

17-04-2023

Аннотация: В настоящей статье рассматривается вопрос записи царских титулов в надписях на языках индийской культурной традиции: санскрите и пали. На примере исследования источников демонстрируется феномен использования записи титулов с учетом использования норм орфографии санскрита в надписях на языке пали, записанных с помощью монского письма. Такой феномен носит непостоянный, вариативный характер, что указывает на отсутствие четкого стандарта записи царского титула в Пагане. К возможным причинам, побуждавшим паганских правителей использовать санскритские титулы, можно отнести поддержку брахманских культовых святилищ, что оказало влияние на особенности описания фигуры правителя. Наличие такого феномена позволяет уточнить некоторые выводы историографии об использовании конкретных систем письма для записи текстов на конкретных языках. Феномену использования правителями Пагана титулов, учитывающих норму орфографии санскрита, не было посвящено специальных научных работ. В известных на сегодняшний день публикациях по политической истории этого государства, такие титулы ошибочно обозначались как палийские. Исследование такого феномена позволит

заполнить существующие лакуны и уточнить некоторые концептуальные выводы, что предоставит возможность для сравнения некоторых политических процессов, протекавших в Пагане в XI-XII в. с их аналогами из буддийских стран пан-индийского культурного ареала. Это обуславливает научную новизну и актуальность подобных источниковедческих изысканий. В ходе исследования было установлено, что такой феномен носит нестрогий вариативный характер.

Ключевые слова:

надписи, пали, правитель, Паган, материал, Титул, Орфография, Санскрит, брахманы, влияние

Введение

В исследованиях политической истории средневековой Мьянмы памятники эпиграфики имеют большое значение, по причине отражения в них сведений о правителе, его родственниках, а также о совершенных им деяниях. В таких источниках фигура монарха описывалась особым образом, что могло включать в себя использование царского титула, набора хвалебных эпитетов (характеристики царя), а также указание генеалогического древа правителей.

Статья посвящена исследованию царских титулов двух правителей первого бирманского государства Паган, существовавшего с 1044 по 1368 г. Этими правителями являлись Чанзита (1044-1112/13 г.) и Элаунситу (1112/13-1167 г.). Важным вопросом, который затрагивается в исследовании, является специфическая форма записи царских титулов, орфография которых допускает употребление двух лексических форм, характерных для языков пали и санскрита. Значение такому явлению предает то обстоятельство, что Паган являлся политическим центром, который находился под подавляющим влиянием буддизма Тхеравады. Это предполагало ориентацию на язык пали как один из основных языков канона и политической культуры. Невзирая на это, среди памятников эпиграфики на пали, а также на древнебирманском, отмечается использование санскритских заимствований или слов, соблюдающих орфографию санскрита, использование которого не было распространено в среде буддизма Тхеравады. Такая специфика обуславливает возможность исследования данного феномена.

Использованию правителями Пагана титулов, учитывающих норму орфографии санскрита, не было посвящено специальных научных работ. В известных на сегодняшний день публикациях по политической истории этого государства, такие титулы ошибочно классифицировались как палийские [1; 10; 13; 14; 17]. Изучение этого вопроса позволит уточнить ряд наблюдений и предоставит возможность для дальнейшего сравнения системы записи царских титулов правителей Пагана XI-XII в. с записью титулов суверенов иных буддийских стран пан-индийского культурного ареала. Это обуславливает актуальность проведения подобных источниковедческих изысканий.

В качестве источников настоящего исследования автором рассматривается серия из 12 эпиграфических памятников на пали и санскрите, которая состоит из надписей на глиняных табличках и стелах из камня [6; 13 с. 13-15]. Выборка возможных источников была специально сокращена до надписей на канонических языках с целью фиксации такого явления на ограниченном количестве текстов. В дальнейшем, предполагается проведение исследования на более широком материале.

Источники: жанры, виды носителей и языки

В исследованиях по эпиграфике Юго-Восточной Азии выделяют несколько самостоятельных жанров текстов, к которым относятся: 1) дарственные надписи; 2) судебные надписи; 3) надписи-рецитации канонических текстов; 4) подписи каких-либо предметов или подписи иконографических, скульптурных изображений [9, с. 988-989]. Такая классификация может быть применима и к надписям, обнаруженным на территории Мьянмы, по причине однотипности их содержания и сходства со своими аналогами из других регионов Юго-Восточной Азии.

В настоящем исследовании рассматриваются тексты дарственных надписей. Эти источники увековечивают факт символического благого действия (санскр. dāna): совершения дара правителем или каким-либо другим знатным дарителем в пользу буддийского культового сооружения или общины монахов [11, с. 24]. Совершение подобных дарений способствует накоплению благоприятной кармы у буддистов, что обуславливало их значимость как в прошлом, так и по сей день.

По своему содержанию дарственные надписи включали сведения о самом дарителе, объекте дарения, а также указывали на намерения совершения благого действия. По своему назначению такие источники могли считаться юридическими документами, поскольку подтверждали право отдельных буддийских культовых сооружений (монастырей) на сбор урожая с оговоренной территории.

Внутри дарственных надписей следует выделить две подгруппы: вотивные надписи и надписи на стелах из камня. К вотивным относятся небольшие символические тексты, записанные на поверхности табличек из глины, которая после первичного обжига приобретала красно-бурый цвет и превращалась в терракоту. По своей форме, такие артефакты представляли небольшой объект овальной или прямоугольной формы. Содержание и объем таких текстов не являлись большими. Тексты, нанесенные на поверхность глиняных табличек, имели сакральное значение и не предназначались для публичного чтения, а сами артефакты закладывались в реликварий буддийского религиозного учреждения [20, с. 678].

Дарственные надписи, предназначавшиеся для публичного чтения, записывались на стелах из камня. По форме такой памятник напоминает прямоугольную плиту, обладающую характерным прямоугольным основанием. В ее строении можно выделить три части: основание, «туловище» и навершие. Поверхность стел подвергалась процессу шлифовки после чего на одну, две или несколько сторон резчиком помещались тексты самих надписей.

Языками рассматриваемых источников являются санскрит и пали. В историографии Н. Раэм, Г. Люсом и У Мья была отмечена закономерность в использовании письма нагари только для записи санскрита и монского письма для записи текстов на пали [16; 18]. В ходе проведения текущего исследования такая точка зрения подвергнется некоторым дополнениям и уточнениям.

Титулы Чанзиты

Чанзита (бирм. Kyansittha) являлся третьим правителем Пагана, пришедшим к власти в результате узурпации. Он правил с 1084 по 1112/13 г. В историографии царь известен по своим посмертным обозначениям: Чанзита (бирм. Kyansittha) или Тхилайншин (бирм. Thilaingshin) [10; 13].

После воцарения на трон в 1084 г. правитель принимает особый коронационный титул: *tibhuvanādicca*, который переводится с языка пали как солнце трех миров [существования]. Этот титул имеет прямое отношение к буддийской идее разделения мироздания на три составные части (пал. *Tiloka*): мир желаний (пал. *kāmaloka*); мир форм (пал. *rūpaloka*); мир не-форм (*arūpaloka*). В зависимости от совершенных деяний и накопленной кармы то или иное существо получало возможность переродиться в следующем рождении в одном из указанных миров. Похожие концептуальные идеи разделения мироздания на три части (санскр. *tribhuvana*) встречаются и в индуизме, где выделяются земля (*bhūmī*); небеса (*svarga*) и подземный мир (санскр. *pātāla*).

Использование титула, подчеркивающего величие правителя в трех мирах, отличало Чанзиту и его потомков от предшествующей династии паганских правителей, титулы которых имели прямые отсылки к образам божеств индуистского пантеона [\[10;13\]](#). Стоит отметить, что отсылка к образу трех частей мироздания отмечается в титулах многих буддийских правителей пан-индийского культурного ареала.

Использование Чанзитой такого титула известно из памятников эпиграфики, которые были изготовлены в период его правления. К этим источникам относятся как вотивные надписи на глиняных табличках, так и дарственные на стелах из камня. Среди вотивных надписей можно выделить использование двух разных дарственных формул. Под этим термином автором понимается отдельная повторяющаяся смысловая конструкция, в которой упоминаются сведения о дарителе, его намерения, объект и предмет дарения. Тексты одних и тех же дарственных формул могли повторяться сразу на нескольких глиняных табличках.

Первая дарственная формула представляет собой одинаковый по содержанию двуязычный текст на санскрите и пали, записанный на трех разных табличках с помощью нагари и монского видов письма.

Текст [\[13, с. 12\]](#):

śri tribhuvanādiyatadevasya [письмо нагари]

śri tribhuvanādityadhammarājassa [монское письмо]

Перевод:

Солнца трех миров [существования]

Праведного правителя Солнца трех миров существования

По своему содержанию текст передает факт совершения символического дара паганским правителем. В части на санскрите титул царя записан с соблюдением орфографических и грамматических норм санскрита. Примечательным выглядит добавление аффикса *-deva* в конце, что можно трактовать двояко: отсылкой к символическому божеству, так и в значении «царь», «монарх».

В надписи на пали соблюдаются грамматические нормы родительного падежа ед. ч., что выражено употреблением окончания *-ssa*. При этом, орфография титула *tribhuvanāditya* не соответствует нормам записи пали. Это обусловлено тем, что ряд лигатур (соединение двух и более графем) воспроизводят оригинальную санскритскую орфографию. Наглядно этот материал представлен в таблице № 1.

Таблица № 1. Сравнение орфографии лигатур .

Запись на пали	Слово с употребляемой лигатурой на пали	Транслитерация на санскрит	Слово с употребляемой лигатурой на санскрите
Si	Sirī	śr	śrī
Ti	Tibhuvana	Tri	Tribhuvana
Cc	Adicca	Ty	Aditya

В таблице представлено сравнение лигатур si, ti и cc, транслитерация которых с пали на санскрит воспроизводит написание śr; tr; ty. Таким образом, в искомом тексте употребляется санскритский вариант записи титула.

Вторая по содержанию дарственная формула записана на четырех глиняных табличках. Языком текста является пали, записанный с помощью монского письма.

Текст [13; с. 12-13]:

sirī tribhuvanādityadhammarājena attano atthena buddhabhāvāya agittā pratimā imā

Перевод:

Это изображение [изготовлено] праведным царем солнцем трех миров [существования]
ради получения пользы [и] достижения состояния пробуждения

Вторая формула представляется более содержательной, по сравнению с первой. Текст указывает имя дарителя и ряд намерений, спровоцировавших совершение благое деяние. В отличие от текста первой формулы, гонорифический слог sīrī записывается с учетом орфографии пали. Часть царского титула (tribhuvanāditya), как и в надписях первой группы, записывается с использованием орфографических норм санскрита.

К дарственным надписям, тексты которых воспроизводят титул Чанзиты, относятся: надпись, найденная вблизи г. Швейсандо, текст которой записан на монском языке, но с наличием небольшого фрагмента на пали; надпись царевича Раджакумара, текст которой был составлен после смерти Чанзиты.

Фрагмент на пали из надписи из г. Швейсандо записывается следующим образом:

Текст [6, с. 162]:

[kato] Dhammarājena satthunā varabhūpati yo śrī Tribhuvanādityadhammarā
jā ti nāmako. Velubabbanna jā mātā pitā ādiccavansajo dvīhi vanse hinubhūto
dhammarājā....

Перевод:

[Изготовлено] праведным царем, совершенным правителем по имени солнце трех миров [существования]. [Его] мать родилась в бамбуковом роду, [его] отец родился в солнечном роду. Праведный царь родился в двух родах.

Титул царя начинается с употребления гонорифического слога śrī, написание которого учитывает нормы орфографии санскрита. После него следует характерный титул Tribhuvanāditya, орфография которого соблюдает нормы санскрита. Необходимо отметить, что в тексте присутствуют два разных орфографических написания слова «солнце»: aditya и adicca, что может указывать на заведомо специальное употребление

санскритского варианта орфографии в царском титуле.

В надписи упоминается генеалогия правителя, согласно которой монарх представлялся выходцем из двух символических родов: бамбукового и солнечного. Похожие упоминания генеалогического происхождения правителей по отцовской и материнской линии встречаются в описаниях правителей буддийских и индуистских царств пан-индийского культурного ареала, что позволяет рассматривать такие явления в общем контексте [2; 11].

Ко второму источнику относится надпись царевича Раджакумара, которая записана на четырех языках: пали, пью, монском и древнебирманском. В статье рассматривается фрагмент надписи на пали с упоминанием титула Чанзиты.

Текст:

arimaddananāmasmīṁ pure āsi mahabbalo rājā
tibhuvanādīcco udiccādīcca vaṁsajo||

Перевод:

В том городе Аrimaddane жил [обладающий] великой силой царь

Солнце трех миров [существования], рожденный в величественной солнечной династии

В надписи Раджакумара титул Чанзиты tibhuvanādīcca записан с употреблением орфографических норм пали, что обуславливается употреблением лигатур *tī* и *cc*. Это отличает надпись от всех рассмотренных ранее случаев, где царский титул имеет санскритскую орфографию. Правитель упоминается как «[обладающий] великий силой» (пал. *mahabbalo*), вместо привычного титула *dhammarāja* «праведный правитель». Это указывает на символическую отсылку к образу Чаккаваттина, буддийского вселенского правителя, а также подчеркивает великую военную мощь Чанзиты. Как и в «надписи Швейсандо» указывается происхождение царя из символической буддийской солнечной династии, однако отсутствуют упоминания о его отце и матери.

Титулы Элаунситу

Элаунситу являлся четвертым правителем Пагана, правившим с 1112/13 до 1167 г. «Элаунситу» (бирм. *alaungsithu* или *sithu*) можно считать одним из возможных посмертных обозначений правителя, которым он именовался в более поздних памятниках эпиграфики. Тронный титул царя известен как tibhuvanādīccapavaradhammarāja, который выглядит практически идентичным с титулом Чанзиты за исключением добавления компонента *pavara*. С языка пали титул переводится как «совершенный праведный правитель, солнце трех миров [существования]».

В историографии считается, что этот царь был внуком Чанзиты, однако такое утверждение спорное, поскольку оно основано на интерпретации текста только одной надписи, датированной по палеографии более поздним временем [6, с. 83].

Вотивные надписи, изготовленные в период правления Элаунситу, воспроизводят всего одну дарственную формулу. Текст записан с помощью монского письма на языке пали [13, с. 14].

Текст [13, с. 14]:

śrī tribhuvanādityapavaradhammarājā dānapati

Перевод:

Даритель праведный правитель совершенное солнце трех миров [существования]

Орфография слова dānapati идентична как в пали, так и в санскрите. Текст начинается с употребления сакрального слога śrī, вместо аналогичной палийской формы sīrī. Затем идет титул tribhuvanāditya с соблюдением орфографии санскрита. В слове dhammarāja употребляется лигатура mm, что соответствует нормам пали. Тем не менее, все слова в тексте стоят в форме ед. ч. именительного падежа, который имеет одинаковые оканчания в пали и в санскрите. Такая ситуация делает возможным определение языка как гибридного санскрита или как пали, отражающего орфографию санскрита в царском титуле. В том случае, если предположение об использовании санскрита верное, то пример искомого источника можно считать аргументом в пользу использования монского письма для записи текстов на санскрите.

Титул царя упоминается в тексте дарственной надписи ступы «Швегучжи». Текст источника высечен с двух сторон на поверхности каменной стелы из песчаника и по своему содержанию является поэмой, воспевающей благие качества Будды и бирманского царя, который совершил благое деяние: строительство культового сооружения с последующим дарением имущества в его пользу. Как отмечает Г. Люс, искомый текст не является оригинальным и представляет собой более позднюю копию на основании изучения палеографии [13, с. 85].

В надписи титул царя впервые указывается в строках 18-20:

Текст [13, с. 85-88]:

tibhuvanādiccapava

ra dhammarājā ti vissuto|| rājā āsi mahāpañño saddhammasavane rato|| rajjam dhammena
kārento so samena

narādhipo.....

Перевод:

Существовал царь, известный как совершенный праведный правитель, солнце трех миров [существования] очень мудрый, [чрезвычайно] восторженный в заслушивании [буддийских проповедей] и наставлений. Он царствовал неразрывно с дхаммой!

В представленном фрагменте содержится восхваление символического облика царя: идут перечисления его благих качеств, нацеленных на формирование образа праведного буддийского правителя. Титул царя записывается с учетом соблюдения орфографических норм пали как tibhuvanādiccapavaradhammarāja. В отличие от дарственных надписей Чанзиты, надпись Швегучжи не содержит информации о причислении правителя к символическим буддийским родам.

Титул правителя упоминается и в другом фрагменте надписи, занимающем строки 41-43:

Текст:

śrī tribhuvanādityapavaradhammarājena sati dhiti mati gati
 sampannena bodhisambhāra gavesakena ratanattaya bhattikena nibbānagave sakena
 patiṭṭhāpītā ayam silā
 lekhāti

Перевод:

Эта надпись на камне праведного правителя [по имени] Солнце трех миров
 [существования], [излучающего] спокойствие, храброго, благоразумного, успешного,
 [излучающего] мудрость, жаждущего (накопления) средств, ведущих к [просветлению],
 преданного трем драгоценностям (Будде, дхарме и сангхе), [находящегося] в поиске
 дороги [в] Нирвану.

По смыслу представленный фрагмент содержит панегирические конструкции, восхваляющие символический облик царя. В отличие от предыдущего фрагмента, часть титула царя записана с использованием норм орфографии санскрита. Текст начинается с употребления санскритского сакрального слога śrī, а также титула tribhuvanāditya, вариант записи которого соответствует санскритским аналогам из иных рассмотренных в статье источников. Тем самым, в палийской надписи Швегучжи отмечается использование обоих вариантов записи царского титула, что может указывать на отсутствие фиксированного стандарта записи царского титула.

Использование санскритских заимствований: причины и следствия

В ходе исследования было обнаружено, что в надписях на санскрите и пали допускается вариант записи части царского титула, учитывающий орфографические нормы санскрита. Таким компонентом является tribhuvanāditya. Перед титулом также возможно употребление гонорифического санскритского слога śrī.

Во всех рассмотренных надписях на глиняных табличках вне зависимости от их языка и письма титулы паганских царей записывались только на санскритский лад, что можно интерпретировать спецификой жанра надписей на вотивных табличках.

В ходе разбора текстов источников было установлено, что в вотивных надписях записанных на языке пали, могли присутствовать отдельные слова, соблюдающие нормы орфографии санскрита. Такое наблюдение позволяет уточнить выводы предшествующей историографии и опровергнуть предположение, что монское письмо использовалось только для записи пали [\[13: 18\]](#). Запись отдельных слов, соблюдающих орфографию санскрита, так и целых вотивных надписей на гибридном санскрите могла осуществляться с использованием монского письма.

В дарственных надписях на пали, высеченных на стелах из камня, титулы правителей могли записываться как на санскритский лад, так и соблюдать нормы оригинальной орфографии пали. Так, например, в палийском фрагменте надписи из г. Швейсандо и надписи Раджакумара на пали титул Чанзиты записывался с соблюдением норм орфографии как санскрита, так и пали. Орфография записи титула могла меняться в рамках отдельно взятого источника, чему служит пример надписи Швегучжи. Наличие таких расхождений можно трактовать отсутствием строгого стандарта записи титула правителя.

Важной проблемой текущего исследования является интерпретация причин, побуждавших средневековых писцов записывать части титулов паганских правителей с

соблюдением норм орфографии санскрита. Этот феномен происходил при полном преобладании буддизма Тхеравады и соответствующей ему культурой записи текстов на языке пали. Невзирая на это, незначительное использование санскритизмов в текстах на пали, монском и древнебирманском было возможно, что подтверждается свидетельствами из синхронных и более поздних источников. Такие наблюдения могут указывать на знакомство населения Пагана с санскритской письменной культурой.

Использование норм орфографии санскрита для записи части царских титулов возможно интерпретировать следующими факторами: возможным влиянием санскритской письменной культуры и наличием института брахманов при царском дворе правителей Пагана в рассматриваемый хронологический период. Брахманские сообщества (бирм. *ရုပ်ပା*) в строгом понимании их значения не представляли собой отдельных направлений индуизма, конкурировавших с Тхеравадой, а были интегрированы в царский двор буддийских правителей с целью проведения церемоний коронации (санскр. *abhiṣeka*), а также осуществления ряда астрологических предсказаний. Участие брахманов в сакральных ритуалах, проводимых при царском дворе, являлось распространенной практикой в различных тхеравадинских политических центрах [19].

Выполнение сакральных ритуалов предусматривало знакомство брахманов с индийскими письменными памятниками, языком которых являлся санскрит. В таком контексте, можно предположить, что при проведении церемонии коронации правителю мог даваться как палийский, так и санскритский титул, которые имели равное значение и использовались впоследствии в документах делопроизводства.

Феномен поддержки брахманов со стороны правителя известен из истории многих буддийских политических центров пан-индийского культурного ареала. В ряде случаев, такая поддержка могла оказывать влияние и на особенности описания фигуры правителя. Так, в истории араканских царств, располагавшихся на территории одноименной национальной области в Мьянме, цари наравне с поддержкой буддизма Махаяны спонсировали строительство брахманских святилищ. В такой ситуации некоторые правители Аракана провозглашали себя выходцами из символического рода Иши (Шивы) (санскр. *Iśānvaya*), одновременно подчеркивая свою приверженность буддизму [19].

В истории Пагана на основании имеющихся источников представляется едва ли возможным вывод о наличии независимых от Тхеравады форм индуизма или буддизма, которые могли бы выступать в качестве альтернативных Тхераваде религий, привлекавших внимание правителей. Тем не менее, практика поддержки малочисленных брахманских святилищ наравне с буддийскими монастырями была возможна, что подтверждается некоторыми сообщениями из дошедших до нашего времени источников, так и данными археологии. Поддержка брахманов могла оказать влияние и на использование царями титулов. Так, например, в одной из «биографических надписей» Чанзиты употребляется шиваитский титул *paramisvara*, что позволяет провести некоторые аналогии с историей Аракана и других буддийских политических центров восточной Бенгалии [6;19].

Важно учитывать и точку зрения американского буддолога М. Мендельсона, который указывал на наличие влияния брахманизма в бирманском буддизме XI-XII в., что могло серьезно отличать его от современных форм [15]. В таком контексте, использование орфографии санскрита для записи части царских титулов паганских правителей в надписях на пали выглядит рациональным.

Заключение

Феномен употребления царских титулов, соблюдающих орфографию санскрита, в надписях на пали, найденных на территории современной Мьянмы, не получил специального исследования в научной литературе. Это явление могло быть спровоцировано целым набором факторов, к которым можно отнести: знакомство населения Мьянмы XI-XII в. с письменной культурой санскрита; поддержка правителями сообщества брахманов, а также влияние брахманизма на бирманский буддизм.

В настоящем исследовании рассматриваемый феномен прослеживается на примере употребления санскритского компонента титула *tribhuvanāditya* и палийского компонента *tibhuvanādicca* в надписях на пали. Было установлено, что использование разных компонентов в титулах бирманских правителей не носило фиксированный характер.

Библиография

1. Aung-Thwin, M (1985). *Pagan: The Origins of Modern Burma*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
2. Berkwitz S (2019). Divine kingship in Medieval Sri Lanka: Dynamics in Traditions of Power and virtue in South Asia // Entangled religions, № 8.
3. Crosby, K (2004). The Origin of Pāli as a Language Name in Medieval Theravāda Literature. *Journal of the Centre for Buddhist Studies, Sri Lanka*, (2). P. 70-116.
4. Duroiselle, C. (1921). *A List of Inscriptions Found in Burma. Part I. The List of Inscriptions Arranged in the Order of Their Dates*. Rangoon: Archaeological Survey of Burma.
5. Edgerton, F. (1953) *Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary*, 2 Vol. New Haven: Yale University Press.
6. Epigraphia Birmanica: being lithic and other inscriptions of Burma (1919). Ed. by Chas. Duroiselle and Taw Sein Ko. Vol. 1, pt. 1. Rangoon: Supt., Govt. Print.
7. Frasch, T.(1996). *Pagan: Stadt und Staat*. Stuttgart: F. Steiner.
8. Frasch, T. (2017). A Pāli Cosmopolis? in Sri Lanka at the Crossroads of History, edited by Zoltán Biedermann and Alan Strathern, London: UCL Press. P. 66-74.
9. Griffiths, A. Lammerts C. (2015). Epigraphy: Southeast Asia. *Brill's Encyclopedia of Buddhism*, vol. 1. P. 988-1009.
10. Frash, T. (2018). "Myanmar Epigraphy – Current State and Future Tasks" // Writing for Eternity: A Survey of Epigraphy in Southeast Asia. Paris: Études thématiques. EFEO. P. 1-28.
11. Heim, M. (2004) Theories of the Gift in South Asia. Hindu, Buddhist, and Jain Reflections of dana. New York: Taylor & Francis Books.
12. Luce, G. (1966) The Career of Htilaing Min (Kyanzittha). *Journal of the Royal Asiatic Society* (1-2) P. 53-68.
13. Luce, G. (1969-1970). Old Burma--Early Pagan. 3 vols. Locust Valley & New York: J. J. Augustin; Artibus Asiae,
14. Lammerts, C.D. (2018) *Buddhist Law in Burma: A History Dhammasattha Texts and Jurisprudence, 1250–1850*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
15. Mendelson, M (1975). *Sangha and the State in Burma. A study of Monastic sectarianism and lordship*. New York: Cornell University Press.
16. Mra U, Aut khvak rup pva' cha tu tau myā akro (1961). 2 vols. Yangon: Dept. Of Archaeology, 1961. [Mra, U. *Votive tablets of Burma (1961)*. 2 vols. Yangon: Dept. Of

Archaeology.

17. Pollock, S (2006). *The Language of the Gods in the World of Men: Sanskrit, Culture, and Power in Premodern India*, Berkeley, University of California.
18. Ray, N (1936). *Sanskrit Buddhism in Burma*, Leiden: Phd thesis.
19. Sanderson, A. (2009). *The Śaiva Age: The Rise and Dominance of Śaivism during the Early Medieval Period in Development of Tantrism*, edited by Shingo Einoo. Institute of Oriental Culture Special Series. Tokyo: Institute of Oriental Culture, University of Tokyo. P. 41-349.
20. Singh, A. (1991) *Development of Nāgarī script*. Delhi: Parimal Publications.
21. Skilling P. (2005). *Buddhist Sealings: Reflections on Terminology, Motivation, Donors, Status, School-Affiliation, and Print-Technology*. South Asian Archaeology 2001: Proceedings of the Sixteenth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, P. 677-685.
22. Than Tun. (1955) *The Buddhist Church in Burma during the Pagan Period (1044-1287)*. Ph.D. thesis. University of London.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью "Санскритские титулы двух правителей Пагана в памятниках эпиграфики на санскрите и пали".

Предмет исследования - санскритские титулы двух правителей Пагана в памятниках эпиграфики на санскрите и пали. В тексте статьи автор также разъяснил предмет исследования.

Методология исследования. Работа основана на принципах историзма, анализа и синтеза, достоверности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов.

Актуальность исследования обозначена автором тем, что во всех известных публикациях по средневековой истории Мьянмы санскритские титулы правителей до настоящего времени рассматривались как палийские. А «изучение этого вопроса позволит уточнить ряд наблюдений и предоставит возможность для дальнейшего сравнения системы записи царских титулов правителей Пагана XI-XII в. с записью титулов суверенов иных буддийских стран пан-индийского культурного ареала». И этот факт «обуславливает актуальность проведения подобных источниковедческих изысканий».

Научная новизна рецензируемой статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится рассмотреть санскритские титулы в памятниках эпиграфики на санскрите и пали. Научная новизна определяется и подбором эмпирического материала: рассматриваются тексты дарственных надписей выявленных из 12 эпиграфических памятников на санскрите и пали. Автор разъяснил и охарактеризовал выбор источников. Он отметил, что «дарственные надписи «увековечивают факт символического благого деяния (санскр. dāna): совершения дара правителем или каким-либо другим знатным дарителем в пользу буддийского культового сооружения или общины монахов. Совершение подобных дарений способствует накоплению благоприятной кармы у буддистов, что обуславливало их значимость как в прошлом, так и по сей день». Автор

планирует в будущем изучить тему на более широком круге источников, в том числе на основе судебных надписей; надписей-рецитаций канонических текстов; подписи каких-либо предметов или подписи иконографических, скульптурных изображений. Он также разъяснил хронологические рамки исследования. Автор анализирует дарственные надписи двух правителей: третьего правителя Пананга Чанзиту и четвертого правителя Элаунситы, которого считали внуком Чанзиту (автор разъясняет, что это было ошибочным мнением и было «основано на интерпретации текста только одной надписи, датированной по палеографии более поздним временем»).

Стиль статьи научный, но вместе с тем понятный и доступный для широкого круга читателей. Структура работы состоит из введения, где обозначена актуальность работы, цели и задачи, следующий раздел посвящен источникам и называется «Источники: жанры, виды носителей и языки», два последующих раздела посвящены разбору титулов двух правителей: Танзиту и Элаунситы (каждому посвящен отдельный раздел), в этих разделах идет разбор текста дарственных надписей на языках оригинала и в переводе на русский язык. Следующий раздел называется «Использование санскритских заимствований: причины и следствия», в котором автор довольно подробно и всесторонне рассматривает надписи на глиняных табличках и отмечает, что «на надписях на глиняных табличках вне зависимости от их языка и письма титулы паганских царей записывались только на санскритский лад, что можно интерпретировать спецификой жанра надписей на вотивных табличках». Автор выявил, что на таких табличках, записанных на языке пали встречаются отдельные слова, соблюдающие нормы орфографии санскрита. И это позволило автору работы опровергнуть некоторые положения предшествующей историографии о системе письма того времени. В разделе заключение представлены основные выводы по работе. Структура изложения характеризуется взаимосвязанностью частей, логичностью переходов от одного раздела к другому и это в итоге дает логически завершенное исследование по исследуемой теме. В статье автор дает квалифицированную оценку ранее полученных результатов и разъясняет ошибочные представления предшествующей историографии, обосновываясь на полученных в ходе исследования результатах.

Библиография работы состоит из 22 источников в основном на английском языке по теме исследования (сборники эмиграфических источников, исследования по буддизму, санскриту и т.д.). Библиография показывает, что автор хорошо разбирается в изучаемой теме и смежных темах. Аppeляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи. Выводы объективны и вытекают из проделанной автором работы.

Статья представляет интерес для специалистов и представляется, что не только автор статьи, но и другие исследователи продолжат изучение данной темы на более широком комплексе источников.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Бобров В.В., Мажар Ф. — Демографическая реконструкция общества халафской культуры на территории Восточного Евфрата // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.40412 EDN: MFWJMV URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=40412

Демографическая реконструкция общества халафской культуры на территории Восточного Евфрата

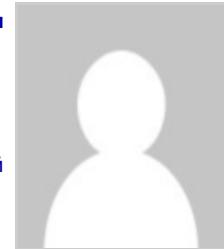
Бобров Владимир Васильевич

ORCID: 0000-0002-3272-0390

доктор исторических наук

главный научный сотрудник, Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН; Кемеровский государственный университет

650000, Россия, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, 18

✉ bobrov4545@mail.ru

Мажар Фадель

ORCID: 0000-0002-5656-8469

соискатель, кафедра археологии, Кемеровский государственный университет

650000, Россия, Кемеровская - Кузбасс область, г. Кемерово, ул. Красная, 6

✉ fadel.rf987@gmail.com

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.2.40412

EDN:

MFWJMV

Дата направления статьи в редакцию:

10-04-2023

Дата публикации:

18-04-2023

Аннотация: Исследование проблемы численности населения халафской культуры в VI тыс. до н.э. на территории северо-востока Сирии проводится впервые с целью изучения демографической ситуации этого региона в позднем неолите. Статистический подход в палеодемографической реконструкции составляет основу научной процедуры, так как источником являются материалы поселений. Она также включает методы, как российской, так и зарубежной археологии. За основу были принятые средний показатель плотности населения, предложенные зарубежными антропологами для неолита на

территории Восточного Средиземноморья, которые были сопоставлены с показателями южной части Западной Европы и Юго-Западного Ирана. По проведенным расчетам на территории северо-востока Сирии в период существования халафской культуры обитало 30 – 35 тыс. человек. Эти результаты были проверены методом Ч. Рида и Р. Брейдвуда, методом плотности населения на площадь поселения К. Ренфрю, а также по показателю естественного годового прироста населения. Проверка подтвердила полученные количественные показатели численности халафского населения на территории Восточного Евфрата. Предложен вариант определения численности населения халафского поселения Саби Абъяд I по жилым сооружениям «Сгоревшей деревни», составляющей 1/10 часть площади памятника. Результат может являться независимым исходным показателем для реконструкции палеодемографической характеристики культуры позднего неолита Месопотамии. Вывод на основе полученных палеодемографических данных: несмотря на высокую детскую смертность, халафское общество характеризуется как развивающееся. Для сравнения в статье приведены демографические показатели современной Сирийской Арабской Республики.

Ключевые слова:

неолит, халафская культура, палеодемография, Месопотамия, Восточный Евфрат, Сирия, методы, поселения, археология, численность населения

Введение

Древности Передней Азии, как центра возникновения первых цивилизаций, вызывают особый интерес у специалистов разных стран. Только в Ираке к 1980 г. работало свыше пятидесяти зарубежных экспедиций, в том числе экспедиция Института археологии АН СССР [1, с. 8]. Несмотря на то, что российская археология позже других стран включилась в исследование памятников переднеазиатского региона, она внесла значительный вклад в познание дописьменного периода истории на этом пространстве. Рассматривая полуторавековую историю изучения древностей Месопотамии, достаточно очевидна масштабность исследований и целенаправленность российской археологической экспедиции во главе с Р. М. Мунчаевым, обладавшим незаурядным даром ученого и организатора. Благодаря работам этой экспедиции были выявлены древнейшие комплексы и культуры, связанные с возникновением земледелия и скотоводства, сформирован корпус репрезентативных данных о материальной, духовной культуре и жизнедеятельности населения Северной Месопотамии до керамического и керамического неолита, а в целом создана целостная панорама историко-культурных процессов от VIII тыс. до н.э. до возникновения цивилизаций [2; 3; 4 и др.].

Особо следует выделить вклад российской археологии в изучение халафской культуры, которая, по мнению специалистов из разных стран, представляет собой уникальное явление в дописьменной истории Передней Азии. История изучения халафской культуры насчитывает немногим более 120 лет, начиная с исследования под руководством Макса фон Оппейхайма в 1899 г. эпонимного памятника Телль-Халафа, расположенного на севере Сирии. Ареал культуры включает всю территорию Северной Месопотамии (северо-западные районы Ирака, северо-восток Сирии и юго-восточный районы Турции). В данной статье представлены результаты исследований материалов поселений северо-востока Сирии, поэтому отметим, что основное изучение памятников на этой территории связано с периодом после образования Сирийской республики и представлено

экспедициями разных стран Западной Европы и Америки. Во второй половине XX в. в Хабурской степи провел работы американский археолог Д. Отс, [5, р. 234; 6]. Практически одновременно с ним проводила полевые исследования голландская экспедиция под руководством Д. Мейера [7; 6, с. 11]. В 1980-х гг. наряду с исследованиями И. Хаджара, Дж. Моншамбера, Дж. Эйдема, Д. Варбартона, В. Балла [8, р. 233–237; 9, р. 49–62; 10; 6] экспедиция Института археологии РАН развернула работы в Вади Ханзир [6, с. 57], а в Хабурской степи исследовала халафские поселения Телль Хазна II, Телль Кашкашок I, Телль Умм Ксейр и др. [11; 12; 13; 10; 6]. На реке Балих были исследованы такие поселения, как Хирбет-эш-Шенеф, Дамишля, Телль-Зайдан [14, с. 6–22; 15, р. 105–118]; на реке Евфрат – Телль-Масих, Телль Амарна и Шамс-ад-Дин [16; 17, р. 276–282; 18; 14].

Приведенные исследования позволили сформировать фонд источников и данных халафской культуры на северо-востоке Сирии, но с точки зрения репрезентативности неравнозначный. Он послужил основой для обобщения результатов на монографическом уровне. Почти одновременно увидели свет книга Джеймса Мелларта [19] и монография российских ученых [2], в которых представлены знания, в частности о халафской культуре, сформировавшиеся к концу XX в. Новое столетие дало новые знания, но также в рамках разных методологических подходов. На этом хронологическом рубеже историографии фундаментальный характер имеют работы о халафской культуре Ш. Н. Амирова [6; 14], последователя школы Р. М. Мунчаева и выдающейся команды российской экспедиции Института археологии АН СССР в Северной Месопотамии.

Именно этот ракурс истории изучения памятников, в частности позднего неолита позволяет выделить в ней 2 этапа: 1-ый – конец XIX в. – 1969/1970 гг. Его содержание – формирование источников и археологических знаний на основе разных научных методов и теоретических подходов специалистами Старого и Нового Света. В рамках первого этапа – период 1940-х – 1960-х гг. отличается научным обоснованием культур эпохи неолита, тенденций их развития, широким обсуждением проблемы хронологии неолитических комплексов, а также вопросов палеоэкономики; 2-ой этап – 1969/1970 г. – 2011 г. или российский этап исследования древних памятников Северной Месопотамии, в частности культур возникновения и развития земледелия и скотоводства. Свидетельством объективности предложенной периодизации истории изучения является признание результатов экспедиции Института археологии АН СССР мировой археологической общественностью [20, с. 14].

В настоящее время можно констатировать, что научная интерпретация источников позволила сформировать археологическое содержание культур ранних земледельцев и скотоводов Северной Месопотамии, несмотря на дискуссионность и нерешенность некоторых проблем. На этом фоне историческая интерпретация задержалась более, чем на столетие. Не касаясь достигнутых результатов в этой области исследования, отметим, что слабо изученной остается социальная и палеodemографическая проблематика. В данной статье будет представлен опыт палеодемографического исследования общества халафской культуры по материалам поселений северо-востока Сирии.

Основная часть

В теоретическом аспекте знания о народонаселении позволяют понять и оценить жизнестойкость общества, его деятельность и особенности структуры. Изучение этой проблемы предполагает разные источники: археологические, этнографические, палеоантропологические, а также различные методы, среди которых особое значение

приобретают палеогенетические. Но даже если использовать междисциплинарный подход, результаты палеодемографии будут иметь условный характер. На это влияют множеством факторов и многоплановость самой системы, которую представляет народонаселение. В области археологии важнейшим препятствием объективности демографических реконструкций является специфика ее источников. Тем не менее, это направление получило распространение в мировой археологии на современном этапе развития [21, с. 95–109; 22; 23, с. 427–489; 24, с. 112–122; 25; 26; 27; 28; и др.].

Предлагаемые методы реконструкций палеодемографических процессов зависят от направления изучения предмета исследования. По выражению В.А. Шнирельмана, оно может быть ориентировано на изучение статистических или динамических процессов в сфере народонаселения [23, с. 428]. Первый подход ставит задачу выявления численности народа и плотности населения на социокультурном пространстве. Приоритетными в ее решении будут методы, основанные на эколого-экономических параметрах, а также археологических данных о поселениях и жилищах. Второй подход в идеале должен включать все стороны жизнедеятельности народа, так как от них в той или иной степени зависит развитие народонаселения. Археологические источники в данном случае малоинформативные. Приоритет здесь приобретают антропологические исследования. Однако, в последние десятилетия интеграция археологии с естественными науками существенно расширила ее возможности в палеодемографических исследованиях.

В связи с тем, что статья основана на материалах поселений эпохи неолита северо-восточной Сирии, основное место в работе будут занимать проблемы статистической палеодемографии. А процедура исследования базируется на методах, прежде всего, российской археологии, но не исключает опыт зарубежной науки.

За более чем столетний период исследования археологических памятников Сирии нет ни одного, который был бы полностью раскопан. Поэтому реконструкция всего поселения будет иметь относительный характер. В настоящее время древнее поселение представляет собой высокий холм, сформировавшийся в результате многовекового обитания населения, возведившего жилища на месте строений предшествующего поселения. Решение сложной задачи – выявление строительного горизонта одного хронологического периода – зависит от методики полевых исследований. Археологические раскопки на памятниках Сирии в течение многих десятилетий проводили специалисты из разных стран, прежде всего, Европы. Причем нередко один памятник мог стать объектом исследования разных экспедиций. Разные подходы к полевым работам и археологической интерпретации данных существенно влияют на презентативности источников. Наконец, еще два немаловажных обстоятельства. Недостаточно современных на междисциплинарном уровне исследований, посвященных экологическим проблемам, в том числе биоресурсам, необходимым для жизнеобеспечения населения, территории северо-востока Сирии, в частности, верховьев р. Евфрата. Ограничен круг этнографических данных по локальным группам населения Сирии (объективные причины). Этнографические источники являются приоритетными в области реконструкции исторических процессов, в первую очередь социологического характера, древних хронологических периодов.

Общепризнанным является то, что возникновение земледелия и скотоводства вызвало рост численности населения и, как следствие, его плотность на освоенном пространстве. Это подтверждают, как подсчеты по археологическим источникам, так и этнографические данные о наиболее архаичных народах Азии, Океании, Австралии, Америки и Африки. Детальный анализ представлен в работе А. Г. Козинцева [29]. Несмотря на некоторую

противоречивость подсчетов, обусловленную разными методами, можно принять средние показатели плотности населения конкретных регионов. Так для ранних земледельцев Юго-Западного Ирана она могла составлять 1 – 2 человека на 1 км², а с введением ирригационного земледелия – 6 человек. Близкие к ним данные получены для Восточного Средиземноморья – 1,5 – 10 человек на 1 км². Не противоречат эти параметры и полученным подсчетам для неолитических культур Европы, в частности Франции [цит. по: 29, с. 18]. Если принять приведенные показатели по Восточному Средиземноморью за основу, то минимальное количество раннеземледельческого населения северо-восточной Сирии составит 8,8 тысяч человек, при максимальном значении – 59 тысяч. На наш взгляд, более объективной выглядит норматив 5 – 6 человек на 1 км², который относительно коррелируется с данными для раннеземледельческих обществ и неолитических культур, а также этнографическими данными об этносах, сохранивших архаичный облик культуры и уровень производящих форм хозяйствования, во многих регионах мира [цит. по: 29]. Расчеты по данному показателю позволяют заключить, что в эпоху неолита, включая его поздний этап, на северо-востоке Сирии обитало 29,5 – 35,4 тысячи человек. Эти данные могут быть вполне реальными. Некоторые западноевропейские специалисты обозначили, что плотность населения в халафских поселениях составляла до 5 человек на квадратный километр, а численность могла колебаться в пределах от 2000 до 10000 человек [30; 31, р. 291]. Если суммировать только крупные халафские поселения, можно получить количественные показатели близкие нашим расчетам.

На наш взгляд их подтверждают расчеты с точки зрения естественного прироста населения и соответствующей методики. Так, по мнению многих специалистов, прежде всего антропологов, годовой естественный прирост в эпоху неолита равнялся в целом по разным оценкам 0,08 – 0,25% в раннеземледельческих районах смежных с ближневосточным очагом возникновения производящего хозяйства. «При годовом приросте 0,2% период удвоения численности населения близок 350 годам» [29, с. 16]. Если допустить, что к концу VIII тыс. до н.э. на территории Восточного Евфрата обитало 1000 человек, то к концу VI тыс. до н.э. (время возникновения халафской культуры) численность его населения составит 32 тысячи. Разумеется, в этих расчетах не учтены факторы естественного отбора (смертность, обусловленная биологическими, экологическими и социальными причинами).

Другой методический вариант расчета предложен Ч. Ридом и Р. Брейдвудом. Он приведен в работе В.М. Массона, посвященной изучению экономики и социальной организации древних обществ [21, с. 102–103]. Оперируя данными конкретного района Индии и проведя соответствующие расчеты, они предложили исходную величину плотности для раннеземледельческих обществ 1000 человек на 100 км². Но этот коэффициент следует принимать для площади, соответствующей жизненным условиям, в частности на северо-востоке Сирии, к долинам рек Балих и Хабур. Если принять площадь провинций, где они расположены, – Хасsek – 23300 км²; Ракка – 13100 км², то по коэффициенту Ч. Рида и Р. Брейдвуда численность халафского населения составит 36 400 человек. Этот показатель практически идентичен данным, полученным методом расчета по средней плотности населения.

Насколько условны расчеты численности населения по показателю – средняя плотность чел./км² – свидетельствуют современные статистические сведения о демографической ситуации в Сирии (данные до 2010 г.). Общая площадь территории Сирии 185 180 кв. км,

а ее население составляет 20 619 000 человек. Средняя плотность населения 111,35 человек на 1 км². Северо-восточная часть Сирии, или то, что называется (район Восточного Евфрата), занимает площадь 59 000 кв. км, что эквивалентно 32% площади Сирии. Население восточного Евфрата по данным до 2010 г. составляло 2 838 000 человек, что соответствует 13,8% от общей численности населения страны. Общая плотность в этом регионе составляет 48 чел./кв. км. Это более чем в 2 раза меньше средней плотности на всей территории. Не наблюдается сбалансированности по этому показателю и среди четырех провинций Восточного Евфрата. Колебание от 34 до 72 человек на квадратный километр. Следует иметь в виду, что северо-восток Сирии преимущественно аграрный регион. Здесь находится 40,6% всей площади сельскохозяйственных угодий Сирии. Нельзя не учитывать, что демографические изменения вызваны оттоком сельских жителей в города. Важно то, что территория северо-востока страны сохраняет аграрный характер, здесь сосредоточено немногим меньше четверти фермерских хозяйств. Истоки этого традиционного уклада восходят к историческому периоду возникновения и развития здесь земледелия. Это обстоятельство обеспечивает корректность сопоставления явлений древности и современности для данной территории.

Существует еще одна возможность проверки полученных данных о численности населения в халафский период неолита на основании показателя плотности обитателей на единицу территории. Она также связана с изучением численности населения, но исходя из расчета числа обитателей конкретных древних поселений. Опыт такого подхода в исследовании демографических процессов накоплен мировой археологической наукой. Однако, как и в случае с подсчетами плотности народонаселения, в нем предложены разные методики, которые нередко дают противоречивые результаты. Отдаем себе отчет в том, что результаты исследования в области исторических реконструкций имеют условный характер.

В данном подходе относительно гипотетическим представляется норма обитателей на 1 гектар древнего поселения или города. Применительно к древним хронологическим периодам, но для территории европейского средиземноморья, она установлена К. Ренфрю. Он считает, что наиболее объективными показателями для неолита эгейского мира является 100 человек на гектар, а для ранней бронзы 300 человек, среднюю и позднюю бронзу характеризуют параметры 450 – 600 соответственно [32]. Если сделать поправку на неолит территории, где возникло земледелие и скотоводство, до трехсот человек на гектар, то число обитателей восьми наиболее крупных поселений халафской культуры составит 35 280 человек. Поправка допустима, так как социально-экономический уровень халафского периода и ранней бронзы побережий Эгейского моря предположительно был идентичным. В статистике не учтены небольшие поселения халафской культуры Восточного Евфрата. Площадь их на много меньше гектара (0,15 – 0,4 га) и они, скорее всего, представляли собой временные или сезонные стоянки. В списке больших по площади памятников – Телль Халафа – 55 га. Нет уверенности в том, что слои халафа занимают всю площадь телля. Но даже если сократить ее почти в 2 раза, то наши расчеты сократятся только на 7000 человек. Общая сумма численности населения будет в пределах 29 000. Этот показатель, как и первый, совпадают с приведенными расчетами по другим методикам.

Полученные данные вероятнее всего являются наиболее объективными и отражают численность и плотность населения в период существования халафской культуры на территории северо-востока Сирии. На наш взгляд, подтверждает это заключение приблизительно восстановленная демографическая характеристика «Сгоревшей

деревни» на памятнике Телль Саби Абъяд I. Ее территорию составляли не более десяти зданий прямоугольной формы и 5 толосов. К сожалению, до сих пор не удается точно определить функциональное назначение отдельных комнат и зданий в целом. Есть основания рассматривать толосы, как жилые помещения, хотя внутри их также существовали перегородки, формируя комнаты. Небезынтересно, что во всех толосах комнаты в среднем составляли около 5 м². Только один толос представлял собой помещение площадью 12,6 м² (здание 6.7). Площадь еще одного толоса была в пределах четырех квадратных метров и была разделена на 3 отсека. Вероятнее всего, это здание не использовалось для жилья. Если принять средний показатель 5 м² на жилое помещение, то в девяти комнатах толосов Саби Абъяд I проживало более 30 человек, включая детей. Расчет сделан исходя из потребности двух квадратных метров площади на одного взрослого человека, что соответствует общепринятым демографическим показателям для раннеземледельческих обществ [21, с. 113]. Выявленное еще одно, но прямоугольное, здание содержало 7 комнат, расположенных в три ряда. Выделялось оно также тем, что было оштукатурено, то есть явно приготовленное для жилья. Средняя площадь помещений в нем в пределах шести квадратных метров. В этом доме могли обитать 25-28 человек. Если провести расчеты по оставшимся девяти сооружениям и вывести из них места хранения и помещения производственного назначения, то можно получить вероятную численность обитателей «Сгоревшей деревни» в пределах 200-250 человек. Если учесть, что раскопанная площадь «Сгоревшей деревни» составляет почти 0,3 га, а площадь всего памятника – 4,1 га, то можно предположить ориентировочную общую численность его обитателей. При отводе около 0,5 га площади для, так называемых свободных зон, общественных зданий и тому подобных, на территории немногим более 3,5 га проживало 2500-3000 человек. Предложенный вариант можно расценивать как самостоятельный независимый подход к палеодемографической реконструкции неолитических обществ Северной Месопотамии. Результат о численности обитателей поселения Телль Саби Абъяд находится в соответствии с исходными демографическими расчетами для северо-востока Сирии.

Изучение демографических проблем в аспекте динамического подхода требует качественных антропологических данных, которые содержат материалы погребальных комплексов. До настоящего времени захоронений халафской культуры раскопано немного и значительная часть их связана с детьми, которых преимущественно хоронили в жилищах или на специально выделенном для них кладбище. К сожалению, пол детей не может быть установлен из-за возраста и фрагментарности скелета, а палеогенетических исследований, которые могли бы решить эту проблему, не было проведено. Установлено, что их возраст варьировал от плода и новорожденного до 14 лет. Но более двух третей детей, предположительно, умерли в возрасте до одного года, чаще даже в первые месяцы своей жизни [33, р. 232; 34, р. 624]. Это свидетельствует об очень высокой младенческой смертности. Только одна треть детей была в возрасте от 3 до 4 лет на момент смерти. Зафиксированный археологически факт явление закономерное не только в раннеземледельческих обществах, но и в обществах с достаточно низким уровнем социально-экономического развития. Приведенные данные о смертности детей являются свидетельством естественного отбора. Но если общество имело демографическое развитие, следовательно, в нем был высокий уровень воспроизводства. По современным статистическим данным рождаемость в Сирии составляет 40-50%. При смертности ниже 10% естественный прирост превышает 30%.

Заключение

Многие проблемы археологии неолита Восточного Евфрата, такие как палеоэкономика,

включая производительность видов хозяйственной деятельности и трудозатрат в системе жизнеобеспечения, экология человека, в том числе палеодиета, гендерные отношения, продолжительность жизни и др., остаются практически неисследованными. Это в значительной степени ограничивает изучение ряда демографических факторов. Решение этих задач в синтезе с результатами исследования в рамках статистического подхода позволило бы дать более объективную характеристику демографическим процессам в VI тыс. до н.э. на территории северо-востока Сирии.

Библиография

1. Мунчаев Р. М., Гуляев В. И., Бадер Н. О. Первые российские археологи в Месопотамии. М.: ТАУС, 2013. 244 с.
2. Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке. М.: Наука, 1981. 319 с.
3. Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1982. С. 28–49.
4. Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии: исследования Советской археологической экспедиции в Ираке на поселениях телль Магзалия, Телль Сотто, Кюльтепе. М.: Наука, 1989. 368 с.
5. Oates D. The Excavations at Tell Brak, 1976 // Iraq. 1977. Vol. 39 №2. Pp. 233–244.
6. Амиров Ш. Н. Хабурская степь Северной Месопотамии в IV – первой половине III тыс. до н. э. М.: ТАУС, 2010. – 412 с.
7. Meijer D. J. W. A Survey in Northeast Syria // Orbis Biblius Orientalis. Istanbul Leiden, 1986. Pp. 31–45.
8. Monchambert J. Y. Le Moyen Khabour: Prospection Préliminaire à la construction d'un Barrage // Annales Archéologiques Arabes Syriennes, 1983. Vol. 33. №1. Pp. 233 – 237.
9. Wilkinson T. J. The Development of Settlement in the North Jazira between the 7th and 1st Millennia BC // Iraq, 1990. Vol. 52. Pp. 49–62.
10. Амиров Ш. Н. Топография археологических памятников Хабурских степей // Вестник древней истории, 2000. № 2. С. 30–46.
11. Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н.О., Амиров Ш. Н. Телль Хазна II – раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // Советская Археология. 1993. № 4. С. 25–42.
12. Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., Сулейман А. Поселения Телль Хазна I и Кашкашок III в Северо-Восточной Сирии – сравнительный анализ // Российская Археология. 2011. № 2. С. 27–42.
13. Tsuneki A., Miyake Y., Excavations at Tell Umm Qseir in Middle Khabur Valley, North Syria: Report of the 1996 Season. Tsukuba: Department of Archaeology; Institute of History and Anthropology; University of Tsukuba, 1998. Vol. 1. – 219 p.
14. Амиров Ш. Н. Халафская культура Северной Месопотамии в свете современных исследований // Восток (Oriens). 2019. № 6. С. 6–22.
15. Stein G.J. Tell Zeidan. Oriental Institute Annual Report 2009–2010. Chicago: Oriental Institute, 2009. Pp. 105–118.
16. Robert B., Blanc C., Chapoulie R., Masetti-Rouault M. G. Characterising the Halaf-Ubaid Transitional Period by Studying Ceramics from Tell Masaikh, Syria. Archaeological Data and Archaeometric Investigation // Proceedings of the 4th International Congress of the Archaeology of the Ancient Near East, 29 March–3 April 2004, Freie Universität

- Berlin. Otto Harrassowitz Verlag, 2008. Vol. 2. – Pp. 225–234.
17. Cruells W., Molist M., Tunca Ö. Tell Amarna in the General framework of the Halaf Period // Peeters Publishers. 2004. Pp. 261–282.
18. Al-Radi S., Seeden H. The American University of Beirut Rescue Excavations at Shams ed-Din Tannira // Berytus, 1980. Vol. 28. Pp. 88–126.
19. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока / пер. с англ. и комментарий Е. В. Антоновой. Москва: Наука, 1982. 149 с.
20. Мунчаев Р.М. «Ярымская эпопея» // Первые российские археологи в Месопотамии. М.: ТАУС, 2013. С. 9–15
21. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ: (В свете данных археологии). Л.: Наука, 1976. 192 с.
22. Массон В. М. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе: Изд-во ФАН, 1996. 103 с.
23. Шнирельман В. А. Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука. 1986. С. 427–489.
24. Кислый А. Е. Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения // Российская археология, 1995. № 2. С. 112–122.
25. Матвеева Н. П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным. Тюмень: Изд-во Тюменский гос. ун-т, 2007. 206 с.
26. Берсенева Н. А. Социальная археология: возраст, гендер и статус погребенных саргатской культуры. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011. 204 с.
27. Palaeodemography: age distributions from skeletal samples Edited by Robert D. Hoppe and James W. Vaupel, Cambridge University Press, 2002. 259 p.
28. The Neolithic Demographic transition and its consequences / Ed. J.-P. Bocquet-Appel, O. Piar-Yosef. Springer Science & Business Media. 2008. 542 p.
29. Козинцев А.Г. Переход к земледелию и экология человека // Ранние земледельцы. Л.: Наука, 1980. С. 6–33.
30. Watson P. J., Leblanc S. A. Excavation and Analysis of Halafian materials from South-eastern Turkey: the Halafian period re-examined // Unpublished conference paper presented at the Seventy-Second Annual Meeting of the American Anthropological Association. New Orleans, 1973. Pp. 117–133.
31. Akkermans P.M.M.G. Villages in the steppe – later Neolithic settlement and subsistence in the Balikh Valley, Northern Syria // Archaeological Series 5. Ann Arbor: International Monographs in Prehistory, 1993. – 363 p.
32. Renfrew K. Approaches to social archaeology. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1984. 430 p.
33. Otte I., Smits E., Akkermans P.M.M.G Human skeletal remains and burial practices // In: Excavations at Late Neolithic Tell Sabi Abyad, Syria The 1994 – 1999 Field Seasons. Belgium: Brepols Publishers, 2014. Pp. 217–232.
34. Akkermans P.M.M.G. Burying the dead in Late Neolithic Syria // In: Cordoba J M, Molist M, Perez C, Rubio I, Martinez S, (eds). Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Madrid: Universidad Autónoma of Madrid. 2008. –Pp. 621–645

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Демографическая реконструкция общества халафской культуры на территории Восточного Евфрата».

Предмет исследования – демографическая реконструкция общества халафской культуры на территории Восточного Евфрата.

Методология исследования. Автор статьи отмечает, что для проведения демографической реконструкции приоритетным является в настоящее время «междисциплинарный подход: археологические, этнографические, палеоантропологические». Методы используются разные, но палеогенетические имеют особое значение. «Предлагаемые методы реконструкций палеодемографических процессов зависят от направления изучения предмета исследования» и есть несколько подходов. «Первый подход ставит задачу выявления численности народа и плотности населения на социокультурном пространстве. Приоритетными в ее решении будут методы, основанные на эколого-экономических параметрах, а также археологических данных о поселениях и жилищах.» Второй подход включает «все стороны жизнедеятельности народа», от которого «зависит развитие народонаселения» и при втором подходе «приоритет приобретают антропологические исследования» и менее информативными являются археологические. В последние десятилетия наблюдается «интеграция археологии с естественными науками», и это в данной статье используются «методы российской археологии, но не исключает опыт зарубежной науки».

Актуальность исследования определяется тем, что интерес к истории возникновения первых цивилизаций в Передней Азии вызывает большой интерес у исследователей многих стран и интерес не ослабевает. Как отмечает автор статьи, «только в Ираке к 1980 г. работало свыше пятидесяти зарубежных экспедиций, в том числе экспедиция Института археологии АН СССР». Наша страна довольно поздно подключилась к исследованиям в этом регионе, но провела достаточно масштабные и важные исследования. Автор отмечает особую роль в этом Р. М. Мунчаева, видного советского и российского археолога, под руководством которого проводились экспедиции.

Существенный вклад внесли ученые нашей страны и в изучение халафской культуры, которое является «уникальным явлением в дописьменной истории Передней Азии».

Научная новизна работы определена постановкой проблемы и полученными результатами. Статья практически является первой российской в которой проведена демографическая реконструкция общества халафской культуры по материалам поселений северо-востока Сирии». Таким образом, автор вносит вклад в остающуюся до настоящего времени слабо изученную социальную и палеодемографическую проблематику древних цивилизаций Передней Азии.

Стиль статьи академический, написан ясно и четко. Структура работы логично выстроена и направлена на достижение цели работы и поставленных задач, состоит из введения, основной части и заключения. Статья логично выстроена. Автор подробно поясняет методы исследования, дает качественный анализ литературы по теме, разъясняет как шло изучение темы, какие исследователи ею занимались, выявляет плюсы и минусы, применяемых методов, разъясняет какие проблемы возникают при демографической реконструкции халафского общества, в частности невозможность определения пола детских погребений и др. Содержание работы соответствует названию и разделы статьи внутренне связаны и логичны.

Библиография работы насчитывает 34 источника (в том числе работы российских исследователей Р.М. Мунчаева, В.И. Гуляева, Н.О. Бадера, Ш.Н. Амирова, В.М. Массон, В.А. Шнирельмана, А.Е. Кислого, Н.П. Матвеевой, Н.А. Берсенева и зарубежных

исследователей). Библиография работы подобрана тщательно и показывает, что автор хорошо разбирается в теме.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи. Выводы объективны и вытекают из проделанной автором работы. Автор пишет, что «многие проблемы археологии неолита Восточного Евфрата, такие как палеоэкономика, включая производительность видов хозяйственной деятельности и трудозатрат в системе жизнеобеспечения, экология человека, в том числе палеодиета, гендерные отношения, продолжительность жизни и др., остаются практически неисследованными. Это в значительной степени ограничивает изучение ряда демографических факторов. Решение этих задач в синтезе с результатами исследования в рамках статистического подхода позволило бы дать более объективную характеристику демографическим процессам в VI тыс. до н.э. на территории северо-востока Сирии» и трудно с этим не согласиться. Представляется, что данная работа вносит определенный вклад в научную область. Она представляет интерес для специалистов и будет интересна для всех, кто интересуется историей древних цивилизаций.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пригодич Н.Д., Васильев А.В. — Сравнительный анализ потерь авиации Ленинградского фронта в период блокады // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.40449
EDN: LVDNGR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40449

Сравнительный анализ потерь авиации Ленинградского фронта в период блокады

Пригодич Никита Дмитриевич

кандидат исторических наук

старший преподаватель, Национальный исследовательский университет ИТМО; старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

197101, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, пр. Кронверкский, 49, литер А

✉ ndprigodich@gmail.com

Васильев Андрей Владимирович

кандидат исторических наук

доцент, Национальный исследовательский университет ИТМО

197101, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, пр. Кронверкский, 49, литер А

✉ ander-vaas@yandex.ru

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.2.40449

EDN:

LVDNGR

Дата направления статьи в редакцию:

11-04-2023

Дата публикации:

18-04-2023

Аннотация: Предметом исследования в рамках данной статьи являются потери авиационных сил на Ленинградском фронте в период блокады. Авторы подробно рассматривают статистические данные о потерях в составе авиации, оборонявшей Ленинград, с позиции комплексного подхода к изучению истории блокады города, как единого неразрывного процесса, что представляет собой важное расширение научных знаний о затрагиваемой проблеме. Кроме того, в основе настоящего исследования использованы материалы штаба ВВС Ленинградского фронта, впервые вводимые в научный оборот. Особое внимание в статье уделяется сравнительному анализу потерь

среди личного состава с потерями самолетов за аналогичный период. Основные выводы представленного исследования демонстрируют, что периоды увеличения потерь личного состава и материальной части закономерно связаны с этапами массированных контрнаступательных операций в сентябре 1942 г., январе и сентябре 1943 г., в январе 1944 г. Однако приведенные данные свидетельствуют и о целом ряде уникальных положений. В результате, представленные сведения позволяют несколько расширить имеющиеся данные о действиях авиации в обороне Ленинграда. Использование статистических материалов позволяет задать некоторые важные вопросы, научный ответ на которые будет неразрывно связан с более общими проблемами истории обороны и блокады Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова:

блокада, оборона, Ленинград, ВВС, авиация, Ленинградский фронт, потери, наступление, ПВО, КБФ

Введение

В последние годы усиливается внимание к целому ряду проблем, связанных с историей обороны и блокады Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Данное обстоятельство связано сразу с несколькими факторами. Во-первых, значительно расширился доступ к новым источникам, в том числе рассекреченным. Сразу несколько научных коллективов провели масштабную работу по подготовке и изданию сборников документов. Среди них следует отметить публикацию решений высших партийных органов Ленинграда за период блокады [1], стенограммы заседаний исполнительного комитета городского Совета [2], пятитомный сборник «Ленинград. Война. Блокада», в который вошли документы различных военных, партийных и городских структур [3], издание материалов Российского государственного архива социально-политической истории об обороне города [4], а также, выпущенный немного ранее, но не утративший своей актуальности, сборник «Блокада в документах рассекреченных архивов» [5].

Другой причиной актуализации рассматриваемой тематики стало использование современных научных методов и подходов, в том числе междисциплинарных, которые позволили пересмотреть ряд устоявшихся научных концепций советского периода. Наиболее яркими примерами в данном отношении следует считать трехтомное исследование Г. Л. Соболева «Ленинград в борьбе за выживание», комплексно и в полном объеме представляющее взгляд на жизнь города-фронта в 1941-1944 гг. [6]. Отдельные важные сюжеты были рассмотрены в работах Дж. Хасса о практиках выживания в блокированном городе [7], Анастасии и Алексея Павловских об изучении блокадных дневников [8], В. Л. Пянкевича о неформальном коммуникативном пространстве города [9], М. В. Ходякова о карточной системе распределения [10], и многих других. Общая характеристика выпущенных за последние годы работ представлена в исследовании заведующего лабораторией «Истории блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН К. А. Болдовского [11].

В этой связи отдельное внимание приковано к действиям армии по проведению обороны городских рубежей, попыток прорыва кольца блокады и полного освобождения города.

Данное обстоятельство касается как военного руководства, так и действий отдельных родов войск, которым также посвящен ряд современных исследований [12-13]. Таким образом, обращение к статистическим данным о потерях в составе авиации, оборонявшей Ленинград, с позиции комплексного подхода к изучению истории блокады города, как единого неразрывного процесса, представляет собой важное расширение научных знаний о затрагиваемой проблеме. Кроме того, в основе настоящего исследования использованы материалы штаба ВВС Ленинградского фронта, впервые вводимые в научный оборот.

Потери самолетов

Отдельная характеристика потерь материальной части авиации, оборонявшей город в период 1941-1944 гг. встречается в научной литературе. Наиболее целостная характеристика по периодам представлена в монографии И. Г. Иноземцева «Под крылом – Ленинград» [14]. Однако данные в этом исследовании несколько противоречат друг другу и не позволяют составить наглядную взаимосвязь между равными промежутками времени и потерянными самолетами. В качестве основного источника для презентации были использованы помесечные отчеты о потерях штаба ВВС Ленинградского фронта в период с февраля 1942 г. по июль 1944 г. [15]. Нижняя граница обусловлена отсутствием сохранившихся надежных сведений о предшествующем периоде, а верхняя граница периодом полного освобождения территориальных границ Ленинградской области и расформированием фронта. В представленную ниже таблицу вошли сведения об объединенной группировке ВВС фронта, а также авиации ПВО. Однако они не учитывают авиацию Балтийского флота, которая также выполняла задачи по обороне города, но была выделена в самостоятельную структуру.

Период	Количество потерянных самолетов
Февраль 1942 г.	14
Март 1942 г.	33
Апрель 1942 г.	30
Май 1942 г.	33
Июнь 1942 г.	16
Июль 1942 г.	22
Август 1942 г.	32
Сентябрь 1942 г.	66
Октябрь 1942 г.	22
Ноябрь 1942 г.	22
Декабрь 1942 г.	12
Январь 1943 г.	27
Февраль 1943 г.	27
Март 1943 г.	51
Апрель 1943 г.	25
Май 1943 г.	48

...	
Июнь 1943 г.	100
Июль 1943 г.	66
Август 1943 г.	36
Сентябрь 1943 г.	25
Октябрь 1943 г.	17
Ноябрь 1943 г.	6
Декабрь 1943 г.	12
Январь 1944 г.	73
Февраль 1944 г.	74
Март 1944 г.	148
Апрель 1944 г.	82
Май 1944 г.	22
Июнь 1944 г.	191
Июль 1944 г.	120

Табл. 1. Помесячная статистика потерянных самолетов.

Согласно исследованиям о работе тыловых структур ВВС Ленинградского фронта в годы войны возможности восстановительного ремонта утерянных в бою самолетов составляли около 20,5 % [16, с. 134]. Данное обстоятельство позволяет предположить, что каждый пятый из указанных в таблице самолетов возвращался в строй. Большинство периодов относительно низкого уровня потерь материальной части приходятся на позднюю осень и зиму 1942-1943 гг. и 1943-1944 гг., так как действия авиации в значительной степени ограничивали погодные условия [14, с. 104]. Другие примеры затишья в июне 1942 г. и мае 1944 г. связаны с перегруппировкой войск и подготовкой к наступательным действиям.

Среди периодов с высоким уровнем потерь следует выделить массированные наступательные и контрнаступательные операции Ленинградского фронта, в которых использовалась воздушная поддержка. Так, в сентябре 1942 г. развернулась воздушная поддержка в ходе Синявинской операции. Активно действовали все рода ВВС: бомбардировщики, штурмовики, истребители. Особенно эффективно сухопутные войска на поле боя поддерживала штурмовая авиация, но таких самолетов насчитывалось только 34 [17, л. 104]. На фоне высоких потерь и низкой эффективности в конце сентября 1942 г. серьезное напряжение возникло между членами Военного совета Ленинградского фронта Л. А. Говоровым, А. А. Ждановым и С. Д. Рыбальченко. В частности, командующий фронтом открыто писал: «Прикрытие войск Невской группы организовано безобразно. Противник безнаказанно бомбит наши войска. Вы совершенно устранились от руководства действиями авиации в районе Невской оперативной группы, бесконтрольно предоставив это дело другим лицам, что может привести к срыву переправ. Немедленно возьмите руководство в свои руки и организуйте прикрытие войск» [17, л. 179-180]. В итоге основная цель операции – прорыв блокады Ленинграда – оказалась невыполненной.

Другой точкой роста потерь стал июнь-июль 1943 г. Командование ВВС организовало массированные налеты на тыловые коммуникации вермахта и люфтваффе, которые

продолжались в течение всего июня 1943 г. [\[14, с. 212\]](#). В то же время, в соответствии с указаниями Ставки войска Ленинградского и Волховского фронтов предприняли наступление в районе Синявино, чтобы окончательно сорвать попытку врага организовать наступление на Ленинград, сковать его войска и не позволить немецкому командованию перебрасывать их на центральный участок советско-германского фронта. Войска перешли в наступление 22 июля 1943 г. их поддерживала с воздуха 13-я воздушная армия, насчитывавшая к этому времени 379 самолетов [\[12, с. 38\]](#). Росту потерь способствовало и увеличение авиационной группы на ленинградском направлении со стороны противника.

Высокие показатели потерь в период с января по июль 1944 г. связаны со значительным увеличением числа боевых самолетов накануне начала операции по полному освобождению Ленинграда от блокады. В 13-й воздушной армии и во 2-м гвардейском истребительном авиакорпусе ПВО насчитывалось 524 самолета, из них 86 бомбардировщиков, 92 штурмовика, 258 истребителей, 88 разведчиков, корректировщиков и самолетов связи. К операции также привлекалось 192 самолета дополнительно из резерва Ставки [\[14, с. 195\]](#). В связи с потерями и активизацией боевых действий при передислокации частей весной и летом 1944 г. командование проводило постоянное пополнение частей. Более показательно рассматриваемая статистика может выглядеть в виде диаграммы, представленной ниже.

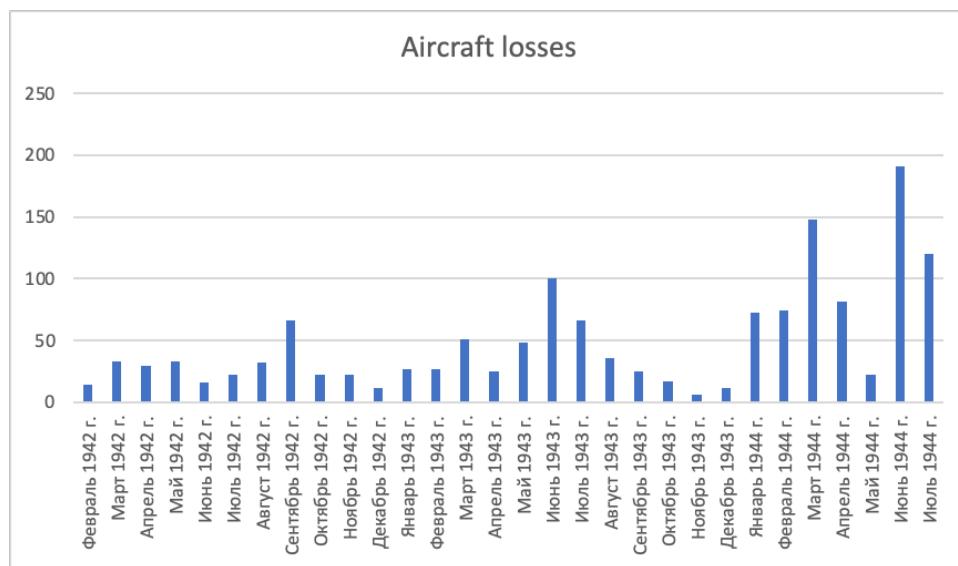

Рис. 1. Диаграмма статистики потерянных самолетов.

Потери летчиков

При рассмотрении статистики потерь летного состава следует отметить некоторые общие закономерности, повторяющие положения, описанные в предыдущем разделе. В представленную ниже таблицу вошли сведения об объединенной группировке ВВС фронта, а также авиации ПВО, аналогично данным потерь самолетов.

Период	Количество погибших летчиков
Февраль 1942 г.	1
Март 1942 г.	15
Апрель 1942 г.	19

Месяц 1942 г.	—
Май 1942 г.	26
Июнь 1942 г.	19
Июль 1942 г.	19
Август 1942 г.	23
Сентябрь 1942 г.	43
Октябрь 1942 г.	9
Ноябрь 1942 г.	16
Декабрь 1942 г.	7
Январь 1943 г.	37
Февраль 1943 г.	11
Март 1943 г.	25
Апрель 1943 г.	23
Май 1943 г.	9
Июнь 1943 г.	26
Июль 1943 г.	10
Август 1943 г.	7
Сентябрь 1943 г.	32
Октябрь 1943 г.	3
Ноябрь 1943 г.	4
Декабрь 1943 г.	14
Январь 1944 г.	72
Февраль 1944 г.	82
Март 1944 г.	195
Апрель 1944 г.	103
Май 1944 г.	23
Июнь 1944 г.	206
Июль 1944 г.	123

Табл. 2. Помесчная статистика погибших и пропавших без вести летчиков.

В отличии от статистики по потерям материальной части некоторые данные по летному составу с привязкой к конкретным периодам заметно отличаются. Так, в январе 1943 г. была проведена операция под наименованием «Искра», которая предполагала совместный удар по наиболее узкому участку немецкой обороны, между Ленинградским и Волховским фронтом, в месте соединения Ладожского озера и р. Невы. Достигнуть поставленной задачи было возможно лишь при активном использовании артиллерии и авиационных сил. Главной задачей советской авиации в наступлении с целью деблокирования Ленинграда стало нанесение бомбардировочно-штурмовых ударов по важнейшим узлам сопротивления и коммуникациям противника, не допуская перебросок резервов в район прорыва. Именно это обстоятельство приводило к заметному увеличению числа погибших летчиков по сравнению с потерянными самолетами. С

другой стороны, несмотря на массированное наступление общее количество потерь невелико, так как к началу операции «Искра» 12 января 1943 г. установились метеоусловия, максимально тяжелые для действий авиации. По этой причине поддержка наземных частей и контрабатарейные атаки производились лишь ограничено [14, с. 142-144].

Другим характерным различием предстает период сентября 1943 г. На этом этапе в районе Синявино вновь разгорелись бои. Для обеспечения наступления корпуса привлекалась 13-я воздушная армия, ВВС КБФ и 2-й гвардейский Ленинградский истребительный авиакорпус ПВО. За 1943 г. был накоплен значительный опыт взаимодействия с сухопутными соединениями, который с успехом применялся в наступательных операциях. Одновременно с Синявинской операцией проводилась и чисто авиационная операция «Стрела», направленная на истребление материальной части противника [18, л. 390]. Успешные действия ленинградских ВВС с 15 по 18 сентября 1943 г. сыграли важную роль и в успехе общих наступательных действий. Однако именно специфика штурмовых ударов по аэродромам противника, в которых задействованы экипажи из двух или четырех человек приводили к кратному увеличению гибели летчиков, по сравнению с действиями истребительной авиации.

Аналогичный потерям самолетов рост погибших летчиков в первой половине 1944 г. может быть объяснен несколько иными факторами. Так, увеличение числа соединений штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков, действия которых в первую очередь необходимы при поддержке наступающих войск, приводили к увеличению потерь среди личного состава по сравнению с количеством потерянных самолетов. Наглядная демонстрация рассматриваемой статистики представлена на диаграмме ниже.

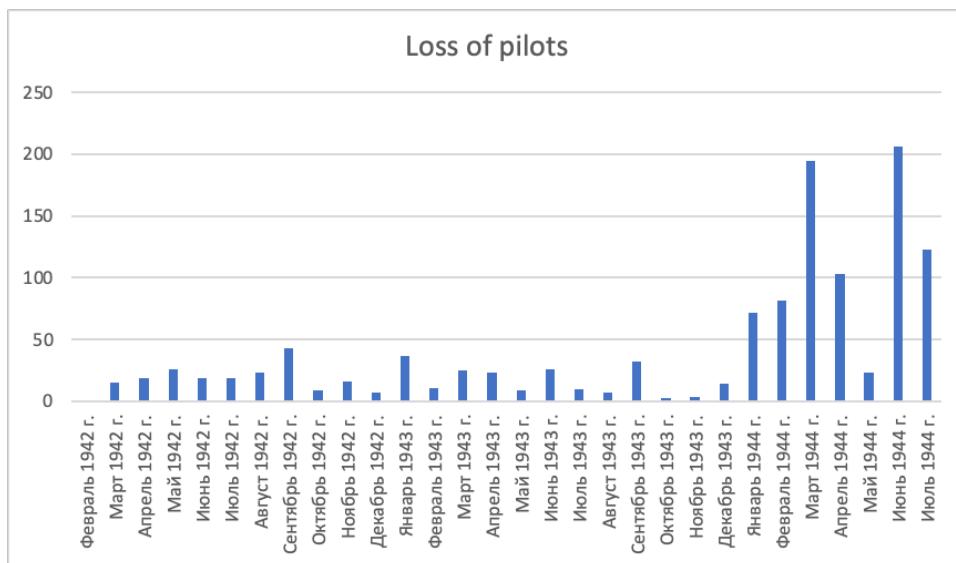

Рис. 2. Диаграмма статистики погибших и пропавших без вести летчиков.

Выводы

Подводя общие выводы следует отметить, что периоды увеличения потерь личного состава и материальной части закономерно связаны с этапами массированных контрнаступательных операций в сентябре 1942 г., январе и сентябре 1943 г., в январе 1944 г. Значительный рост в течение первой половины 1944 г. коррелируется как с началом беспрерывных атак на германские позиции в различных районах Ленинградской области, так с общим кратным увеличением численности соединений ВВС фронта. В то же время уровень определенного затишья в конце осени и начале зимы 1942 г. и 1943 г.

связан с традиционными периодами тяжелых погодных условий, так называемой «нелетной погоды», которая становится препятствием к любым действиям авиации. Такое же затишье, но по причине перегруппировки войск, наглядно видно на примере мая 1944 г.

Однако приведенные данные свидетельствуют и о целом ряде уникальных положений, объяснение которых требует более глубокого изучения, по сравнению с периодами наступлений. Так, разница между колоссально высоким уровнем потерь самолетов и относительно средними показателями среди летного состава в июне и июле 1943 г. может быть связана с большими пополнениями новой техникой и личным составом, которые проходили обучение и отработку слаживания в боевых условиях. Данное обстоятельство зачастую приводило к потери техники, но не экипажей, которым удавалось вернуться в расположение части. Другим ярким примером стал период января 1943 г., на который выпало проведение операции «Искра», приведшее к прорыву ленинградской блокады. Несмотря на закономерное увеличение числа погибших пилотов и потерянных самолетов нельзя сказать, что оно полностью отражает уровень масштаба операции и данных о массированном применении авиации. Это положение связано с, одной стороны, сразу с несколькими днями «нелетной погоды» подряд, когда ВВС бездействовали. С другой стороны, немецкое сопротивление на данном участке фронта оказалось минимальным и успешно подавлялось, в том числе, работой наземных сил.

В результате, представленные сведения позволяют несколько расширить имеющиеся данные о действиях авиации в обороне Ленинграда. Использование статистических материалов позволяет задать некоторые важные вопросы, научный ответ на которые будет неразрывно связан с более общими проблемами истории обороны и блокады Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Библиография

1. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. К.А. Болдовский. В 3-х частях. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019-2022.
2. Стенограммы заседаний исполнкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения ноябрь 1941-декабрь 1943 гг.: сборник документов / отв. сост. Н. Ю. Черепенина. В 2-х т. СПб.: Арт-Экспресс, 2017-2018.
3. Ленинград. Война. Блокада / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. В 5-ти т. СПб.: Галарт, 2018-2020.
4. Оборона Ленинграда 1941-1945: документы и материалы / отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Роспэн, 2019.
5. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / Общ. ред. Н. Л. Волковского. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2004.
6. Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание. Июнь 1941 – январь 1944. В 3-х т. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013-2017.
7. Hass J. K. Wartime Suffering and Survival. The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941-1944. Oxford: Oxford university press, 2021.
8. «Я знаю, что так писать нельзя». Феномен блокадного дневника / Сост. А. Ю. Павловская. СПб.: Изд-во Европейского ун-та. 2022.
9. Пянкевич В. Л. Люди жили слухами: неформальное коммуникативное пространство

- блокадного Ленинграда. СПб.: Владимир Даль, 2014.
10. Ходяков М. В. Иерархия продовольственного снабжения в блокадном Ленинграде // Российская история. 2019. № 3. С 163-166.
 11. Болдовский К. А. Блокадный Ленинград: новые источники и исследования (2015-2021) // Российская история. 2022. № 3. С. 135-145. DOI 10.31857/S0869568722030104.
 12. Пригодич Н. Д. Тыловое обеспечение действий авиации Ленинградского фронта в период блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2017. № 4 (21). С. 32-44.
 13. Мосунов В. А. Танки в битве за Ленинград. М.: Яуза, 2018.
 14. Иноземцев И. Г. Под крылом – Ленинград. М.: Воениздат. 1978.
 15. ЦАМО. Ф. 362. Оп. 6169. Д. 56. Л. 5-142.
 16. Пригодич Н. Д. Авиапромышленное производство в Ленинграде в период блокады (по материалам горкома ВКП(б)) // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 3. С. 130-137. DOI 10.7256/2454-0609.2021.3.36087.
 17. ЦАМО. Ф. 362. Оп. 6169. Д. 41.
 18. ЦАМО. Ф. 362. Оп. 6169. Д. 2.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Сравнительный анализ потерь авиации Ленинградского фронта в период блокады».

Предмет исследования- анализ потерь авиации Ленинградского фронта в период блокады.

Методология исследования базируется на принципах системности, научной объективности и историзма. Применялись комплексный, историко-системный, историко-сравнительный и проблемно-хронологический методы, что дало возможность провести сравнительный и всесторонний анализ потерь авиации Ленинградского фронта в различные периоды блокады.

Актуальность темы. Тема Великой Отечественной войны и отдельных эпизодов войны в последние годы стала одной из наиболее разрабатываемых историками тем. Это обусловлено целым рядом факторов как военно-стратегического, так и общественно-политического значения. Современные геополитические риски также ставят вопрос об изучении опыта боевых действий, в том числе и опыта авиации в период блокады Ленинграда. Актуальность обусловлена также тем, что для исследователей стали доступны многие ранее засекреченные источники и их анализ дает возможность показать объективную картину блокадного периода. Кроме того, актуальность определяется тем, что в настоящее время широко применяется «использование современных научных методов и подходов, в том числе междисциплинарных, которые позволили пересмотреть ряд устоявшихся научных концепций советского периода», как справедливо отмечает автор рецензируемой работы.

Научная новизна работы определяется поставкой проблемы, проведенной работой и полученными данными с позиции комплексного подхода «к изучению истории блокады города, как единого неразрывного процесса». Новизна, что заключается в том, что впервые на широком комплексе источников проведен анализ потерь авиации и летного состава в период с февраля 1942 по июль 1944 года. Новизна работы также в том, что

она подготовлена на основе широкого круга документов, в том числе , на материала штаба ВВС Ленинградского фронта, которые впервые вводятся в научный оборот.

Стиль работы академический, ясный. Структура работы построена так, чтобы достичь цели работы и задач, поставленных в рецензируемой статье. Работа состоит из трех частей:введения, основной части и выводов. Во введении автор дает обзор источников и литературы по теме, особое внимание уделяет новым сборникам документов и новых работ по исследуемой теме. Историографический обзор проведен качественно. Основная часть состоит из двух разделов: Потери самолетов и потери летчиков.

Автор провел квалифицированный статистический анализ, представлены потери в табличном формате и в диаграммах. Рис. 1. Диаграмма статистики потерянных самолетов;

Рис. 2. Диаграмма статистики погибших и пропавших без вести летчиков.

Библиография работы состоит из 18 источников: сборники статей с ранее засекреченными документами, документы из архивов, впервые вводимые в научный оборот, работы по теме, последних лет, но также фундаментальная работа И.Г. Иноземцева 1978 г. Библиография работы даст возможность оппонентам и читателям найти ответы на свои вопросы. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Выводы работы объективны и вытекают из проведенной работы. Статья подготовлена на актуальную тему, имеет признаки научной новизны и будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей, всем тем, кто интересуется историей Великой Отечественной войны и периодом блокады Ленинграда.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шильникова И.В. — Финансовые аспекты строительства Транссибирской магистрали: структура бюджетных расходов // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.40463 EDN: QQTVOE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40463

Финансовые аспекты строительства Транссибирской магистрали: структура бюджетных расходов

Шильникова Ирина Вениаминовна

кандидат исторических наук

доцент, кафедра социальной и экономической истории России, Институт общественных наук, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119571, Россия, Московская область, г. Москва, проспект Вернадского, 82

✉ shilnikova.i@gmail.com

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.2.40463

EDN:

QQTVOE

Дата направления статьи в редакцию:

11-04-2023

Дата публикации:

18-04-2023

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с финансированием строительства Транссибирской магистрали в конце XIX – начале XX вв. В ходе исследования была определена общая и поверстная стоимость строительства, а также выявлены причины различий затраченных сумм для отдельных участков этой железной дороги. Проведено сравнение запланированных и реальных расходов, как суммарных, так и по отдельным статьям, а также выявлены причины перерасхода изначально запланированных сумм и обстоятельства, позволившие сократить расходы на отдельные виды (этапы) работ. Определена структура расходов, оценена доля различных статей в общей сумме затрат на строительство. Проведено сравнение структуры расходов разных частей Транссибирской магистрали. Основу источниковой базы данного исследования составили материалы отчетов по строительству отдельных линий этой железнодорожной магистрали. В структуре расходов для всех участков дороги выделяются наиболее значимые статьи, которые забирают на себя основную долю выделенных средств. При этом имеющиеся различия могут быть объяснены, прежде всего, условиями

осуществления строительных работ, необходимостью сооружения различных инфраструктурных объектов, мостов, тоннелей. Несмотря на наличие просчетов на этапе планирования при строительстве Западно-Сибирской, Томской ветви Средне-Сибирской, обоих участков Уссурийской железной дороги суммы расходов не превышали установленные первоначальной сметой.

Ключевые слова:

история России, Российская империя, транспортная политика, железнодорожное строительство, Транссибирская магистраль, Сибирь, Китайско-Восточная железная дорога, Западно-Сибирская железная дорога, Кругобайкальская железная дорога, Уссурийская железная дорога

Исследование проводится в рамках научного проекта «Роль Транссибирской магистрали в развитии инфраструктуры, экономики и социально-демографического потенциала восточных районов позднеимперской России», поддержанного в 2021 г. Русским географическим обществом (РГО) № 10/2021-И.

Несмотря на большое количество публикаций, посвященных различным аспектам создания и эксплуатации Транссибирской магистрали, целый ряд вопросов из истории этого грандиозного инфраструктурного проекта остаются за границами внимания исследователей. Последнее, в частности, относится и к проблемам финансового обеспечения строительства Сибирской железной дороги, структуре расходов и соответствие израсходованных сумм первоначальным сметам. С учетом того, что работы осуществлялись за счет государственной казны, вопрос суммарной стоимости строительства и эффективного использования выделенных средств приобретает еще большую значимость.

Напомним, что вся Транссибирская магистраль была разбита на семь частей, каждая из которых, по сути, имела значение и статус самостоятельной железной дороги – Уссурийская, Западно-Сибирская, Средне-Сибирская, Забайкальская, Китайско-Восточная, Кругобайкальская, Амурская (протяженность этих линий и годы строительства приведены в таблице в Приложении 1) – и могла в свою очередь делиться на участки (например, Северно- и Южно-Уссурийская). Безусловно, авторы публикаций обращаются к данным о стоимости строительства всей магистрали и отдельных ее линий, однако обычно ограничиваются констатацией финальной стоимости строительства и комментариями о неоправданной дорогоизнене произведенных работ, объясняющейся, прежде всего, коррупцией и казнокрадством.

Так, А. М. Соловьева в своей известной монографии, посвященной истории железнодорожного транспорта России в XIX в. отмечала, что в соответствии с первоначальными планами среднегодовые расходы на строительство Транссиба должны были составить около 30 млн. руб., однако в реальности эта цифра была превышена уже на первых этапах строительства. В результате в 1895 г. сумма расходов на строительства Сибирской железной дороги составила 51,9 млн. руб., в 1896 г. – 85,5 млн. руб., в 1897 г. – 64,5 млн. руб. На заседании Комитета Сибирской железной дороги в декабре 1897 г. отмечалось, что стоимость строительства «основных участков магистрали превысила первоначально утвержденные строительные сметы на 24%» [1, с. 257]. Авторы статьи, вышедшей к 100-летию Транссибирской магистрали, оценивают строительную стоимость всей линии без учета КВЖД к 1901 г. в сумме 530 млн. руб. Беря в расчет

протяженность дороги 5370 верст, они подсчитали, что средняя стоимость одной версты составила примерно 100 тыс. руб. Получается, что первоначальная сумма, определенная по «расценочной ведомости» оказалась превышена на 62%. После постройки КВЖД общая сумма затрат на Сибирскую магистраль к концу 1903 г. превысила 1 млрд. руб. [2, с. 68].

В статье М. А. Вивдыч, посвященной Дальневосточному участку Транссибирской магистрали, со ссылкой на более раннюю работу Б. Б. Пак [3], отмечалось, что при строительстве КВЖД был допущен довольно заметный перерасход средств, что объяснялось трудностями строительства, в том числе не учтенными на этапе планирования затрат. В частности, дорогу пришлось восстанавливать после восстания ихэтуаней, потребовалось завезти в довольно большом объеме импортное оборудование. В итоге стоимость одной версты КВЖД составила 150 тыс. руб. На Уссурийском участке эта сумма была заметно меньше и составляла 64 729 руб. Общая стоимость КВЖД на момент запуска составляла 375 млн. руб., «а к январю 1904 г. в связи с дополнительными расходами возросла до 406 млн. руб. Перерасход на КВЖД составил не менее 150 млн. руб. по всей линии» [4, с. 41-42]. А. А. Илларионов в статье, где на примере строительства Уссурийской железной дороге изучается исторический опыт государственного-частного партнерства, не уделяет заметного внимания финансовым аспектам данного вопроса и ограничивается указанием утвержденной изначально сметной стоимости всей линии (почти 40 млн. руб.) и отдельно северного и южного ее участков [5, с. 54].

Авторы коллективной монографии, посвященной Транссибу и БАМу, уделили внимание вопросам финансирования строительства Сибирской железной дороги, однако этот параграф содержит лишь фрагментарные данные о стоимости (общей или поверстной) отдельных участков линии [6, с. 38-41]. Со ссылкой на работу П. П. Мигулина [7, с. 721] авторы данного раздела отмечают, что предварительная смета строительства Транссиба предполагала общие расходы в размере 350 млн. руб. Однако в итоге сумма оказалась втрое больше и составила почти 915 млн. руб. Такое превышение первоначальных расчетов чаще всего, по мнению авторов, объясняется «недобросовестностью подрядчиков, махинациями вокруг заказов, использованием части заготовленных материалов не для нужд дороги; непредвиденными трудностями, с которыми столкнулись при прокладки трассы» [6, с. 38]. Однако далее сами же авторы, ссылаясь на монографию А. П. Корелина [8, с. 106], посвященную деятельности С. Ю. Витте, обращают внимание на усилия Комитета Сибирской железной дороги, направленные на минимизацию хищений и пустой траты государственных средств, в результате чего потери от различного рода злоупотреблений составили сравнительно небольшую сумму – немногим более 4 млн. руб. [6, с. 39]. Это не позволяет рассматривать казнокрадство и хищения в ходе строительства Транссибирской магистрали в качестве основного фактора удорожания работ и перерасхода средств.

Даже на основе приведенных выше примеров можно заметить, что исследователи, ссылаясь на различные источники, дают существенно отличающиеся суммы при оценке стоимости строительных работ как Сибирской железной дороги в целом, так и отдельных линий в ее составе. Причем, это может происходить даже в рамках одной публикации. Например, авторы одного из разделов уже упоминавшейся коллективной монографии «Транссибирская и Байкало-Амурская магистрали – мост между прошлым и будущим России» (М., 2005) в примечании обращают внимание на то, что приведенные ими данные о стоимости строительства отдельных веток магистрали отличаются от

представленных в предыдущем параграфе той же книги [6, с. 42]. Подобные расхождения в оценках могут объясняться разными причинами. Например, в источниках и публикациях начала XX в., докладах чиновников разного уровня, на которые часто ссылаются современные авторы, нередко указываются затраты на строительство Транссиба на разные даты, что уже приводит к расхождениям, иногда довольно существенным. В ряде случаев стоимость строительства могла приводиться без учета стоимости рельс и подвижного состава, а в других случаях эти статьи расходов учитывались. Кроме того, при оценке стоимости этой железнодорожной магистрали некоторые авторы учитывают только затраты непосредственно на строительство, другие же добавляют к ним суммы, израсходованные на прокладку второго пути, «спрямление» и «усиление» ранее построенных линий. Пример последнего подхода дает основатель посвященного Транссибирской магистрали сайта С. Сергачев. По его подсчетам (с учетом дополнительных расходов) в 1891 – 1913 гг. на реализацию этого масштабного инфраструктурного проекта было потрачено почти 1,5 млрд. руб. («Транссибирская магистраль: Web-Энциклопедия» [Электронный ресурс]: <https://transsib.ru/cat-value.htm>)

Для того, чтобы избежать подобных разнотечений, представляется логичным обратиться непосредственно к источникам, а именно к отчетам по постройке Транссиба. Поэтому основу источниковой базы данного исследования составили материалы отчетов по строительству отдельных линий этой железнодорожной магистрали. В частности, для решения поставленных задач используется информация из отчетов по постройке Западно-Сибирской [9–11], Томской ветки Средне-Сибирской [12], Северно-Уссурийской [13–14], Южно-Уссурийской [15], Кругобайкальской [16] и Китайско-Восточной [17] железных дорог. Отчет, как правило, состоял из текстовой части, включающей характеристику общего хода работ, их специфики при строительстве данной линии, а также разделы, названия которых совпадают с основными расходными статьями финансовых отчетов. В конце этого пояснительного текста обычно можно обнаружить приложение из комплекта таблиц, где представлены конкретные суммы (в рублях), которые предполагалось израсходовать на те или иные виды работ согласно предварительно составленной расценочной ведомости, а также реальные расходы по результатам уже проведенных работ. В специально отведенном поле ведомости, содержащей сравнительные показатели о запланированных и реальных расходах, нередко содержатся пояснения о причинах перерасходов запланированных сумм или, наоборот, об обстоятельствах, позволивших сократить расходы и удешевить строительство. Приложения к отчету, которые могли издаваться как отдельным томом, так и вместе с текстовой частью, содержат более подробную финансовую отчетность по каждой из расходных статей и внутри каждой из них – по отдельным видам работ. Отчеты о строительстве отдельных линий Транссибирской магистрали издавались под грифом Министерства путей сообщения. Второй строкой в грифе для Западно-Сибирской железной дороги указано Управление по сооружению Сибирской железной дороги, непосредственно руководившее ходом работ, а для других частей Транссиба (кроме КВЖД) – Управление по сооружению железных дорог. Отчет по постройке КВЖД был опубликован Обществом Китайской Восточной железной дороги.

В качестве основных задач данного исследования можно выделить следующие пункты: 1) выяснить общую и поверстную стоимость строительства участков Сибирской железной дороги; сравнить поверстную стоимость указанных выше отдельных линий магистрали и выявить причины разницы в затраченных суммах; 2) сравнить запланированные и реальные расходы, как суммарные, так и по отдельным статьям; выяснить причины

перерасхода изначально запланированных сумм, а также обстоятельства, позволившие сократить расходы на отдельные виды (этапы) работ; 3) выявить структуру расходов, оценив долю различных статей в общей сумме затрат на строительство; сравнить структуру расходов разных частей Транссибирской магистрали. При этом, с учетом характера источниковой базы, в данной статье не учитываются средства, выделенные и израсходованные на реконструкцию железнодорожного полотна магистрали, начатую в 1900 г. В частности, на Западно-Сибирской, Средне-Сибирской и Забайкальской линиях начались работы по замене легких 18-фунтовых рельсов, не выдерживавших тяжелых паровозов, на 24-фунтовые. Кроме того, началась замена шпал на удлиненные и пропитанные хлористым цинком, а также была поставлена задача заменить деревянные мосты на «более прочные технические сооружения» [2, с. 69]. Безусловно, это потребовало существенных дополнительных расходов, ставших, по сути, следствием попыток сэкономить на начальном этапе сооружения Транссиба. Однако в данной статье речь идет о расходах именно на строительство железной дороги, и не учитываются затраты на реконструкцию.

Обратимся к данным о строительных расходах в расчете на одну версту железнодорожного полотна и сравним поверхную стоимость строительства различных участков Транссиба как в целом, так и по наиболее значимым статьям расходов. На Рис. 1 можно увидеть диаграмму, дающую представление о поверхной стоимости строительства Западно-Сибирской (Челябинск – Обь), Средне-Сибирской (Обь - Иркутск), Кругобайкальской (Байкал – Мысовая), Забайкальской (Мысовая – Сретенск), Китайско-Восточной (Китайский разъезд – Манчжурия) и Уссурийской (Владивосток – Хабаровск) железных дорог, причем не только по всей протяженности, но и по отдельным участкам.

Рис. 1. Общая стоимость строительства отдельных линий Транссибирской магистрали в расчете на 1 версту, в руб.

Fig. 1. The total cost of construction of individual lines of the Trans-Siberian Railway per 1 verst, in rubles.

Источник: Приложение 1. Таблица 1.1.

Самая высокая средняя стоимость строительства в расчете на одну версту была у Кругобайкальской железной дороги (256829,88 руб.), на втором месте – КВЖД (105264,50 руб.), на третьем – Забайкальская (73822,93 руб.); здесь для Забайкальской линии дана средняя стоимость на версту участка Мысовая – Сретенск, без учета веток Иркутск – Байкал и Китайский разъезд – Манчжурия), на четвертом – Уссурийская (59342,51 руб.), на пятом – Средне-Сибирская (57242,23 руб.), и замыкает этот перечень

Западно-Сибирская железная дорога, имеющая самый низкий показатель (34736,19 руб.). При этом следует отметить, что средняя стоимость версты на разных участках строящихся дорог могла также существенно различаться. Например, для Северно-Уссурийской дороги расходы на версту составили в среднем 64822,25 руб., а Южно-Уссурийской – 53862,76 руб. Поверстная стоимость Средне-Сибирской линии на участке Обь – Красноярск составила 51648,68 руб., а на участке Красноярск – Иркутск – 62835,77 руб. Безусловно, на поверстную стоимость строительства влияли разные причины (включая, как уже говорилось выше, хищения и коррупционную составляющую), однако были объективные обстоятельства, которые определяли финальную стоимость одной версты железной дороги или отдельного ее участка.

Обращает на себя внимание сравнительно высокая поверстная стоимость постройки Кругобайкальской железной дороги, в разы превышающая аналогичные показатели для других частей Транссиба. При обращении к постатейной расписи расходов можно заметить, что, прежде всего, такой разрыв объясняется большими расходами на Кругобайкальской дороге по статье «земляные работы». Сравнительная ведомость сметной и реальной стоимости этих работ показывает перерасход по статье «устройство полотна дороги», куда и входили все земляные работы, более чем на 6,5 млн. руб. Посмотрим более внимательно, за счет чего получилось такое превышение изначально запланированной стоимости работ. Перерасход по рубке леса на 23753,84 руб. был связан с увеличением объема вырубки на 99,03 десятин и стоимости этих работ на 15,6% в связи с преобладанием на восточном участке дороги строевого леса. Перерасход по статье «земляные работы по устройству полотна для главного пути» на 2707349,26 руб. был связан с увеличением работ на 18,8% из-за «изменения технических условий сооружения полотна дороги». Выяснилась необходимость придать более значительную пологость откосам выемок по сравнению с запланированным. Кроме того, стоимость единицы работ, согласно Сравнительной ведомости стоимости работ, выросла из-за «изменившегося распределения грунтов» (щебенистый, каменный, скалистый и т.д.), «вследствие необходимости защитить насыпи от волнений озера Байкал» [\[16, с. 5\]](#). Перерасход по статье «земляные работы по устройству полотна дороги для ветви к пристани в бухте Танхой» составил 7446,53 руб. и был вызван «экстренным требованием депешей от 1 ноября 1902 г. за № 1335 устройства летней пристани в бухте Танхой к началу навигации, вследствие чего пришлось ветку к пристани устроить зимой в мерзлом грунте в количестве 33% от всей работы устройства полотна ветви», что не было предусмотрено изначально при составлении проекта дороги. Расходы по статье «земляные работы по отводу почтовых дорог» были превышены на 132136,02 руб. из-за «удлинения отводов почтового тракта, увеличением количества работ на 63,5% и единичной цены на работы на 55,4%, вследствие изменившегося соотношения грунтов» [\[16, с. 7\]](#). Но помимо перерасхода средств, конечно, нужно учитывать и условия прокладки полотна дороги, которые для Кругобайкальской линии отличались повышенной сложностью, объяснявшейся сложностью рельефа местности и выбранного маршрута. Все это потребовало строительства 39-ти тоннелей. При этом стоимость работ выросла из-за «устройства пяти новых тоннелей», которые не были предусмотрены в первоначальном проекте и смете. Таким образом, бросающаяся в глаза сравнительно высокая стоимость строительства Кругобайкальской линии находит объяснение при анализе условий проведения работ. При этом так называемый перерасход чаще всего объясняется упущениями на этапе планирования и проектирования. В полной мере указанные обстоятельства, например, относятся к оценке стоимости временных дорог и построек, которые необходимы были для подвоза материалов, рабочих и пр. к месту прокладки основной магистрали. Зачастую эти объекты вообще не учитывались, либо в

оценке затрат для их создания допускались заметные просчеты. Иногда потребность в таких сооружениях появлялась в связи со стремлением властей завершить работы в максимально сжатые сроки. Однако, обращает на себя внимание и то, что по итогу на некоторые виды работ расценки оказались выше по сравнению с первоначальной сметой. Отмеченные обстоятельства, связанные с недостатками планирования и изменениями, вносимыми уже после начала строительства, в полной мере относятся и к другим линиям Транссибирской магистрали.

При этом отчеты по постройке различных участков Транссиба позволяют сделать вывод, что зачастую при проведении работ вполне удавалось уложиться в утвержденную смету. Это объяснялось тем, что несмотря на перерасход (иногда довольно существенный) по ряду статей, на других удавалось сэкономить. В итоге расходы на строительство Западно-Сибирской железной дороги составили 97,35% от их стоимости по смете, для Северно-Уссурийской этот показатель составил 99,30%, для Южно-Уссурийской 98,77%. И вновь особняком стоит Кругобайкальская дорога, поскольку в итоге стоимость ее постройки составила 120,04% в сравнении с запланированными по смете суммами (см. таблицы в Приложении 2).

Перейдем к рассмотрению структуры расходов на строительство различных линий Транссибирской магистрали (см. таблицы в Приложении 2 и Рис. 2–6).

Диаграммы на Рис. 2–6 показывают, что самая высокая доля расходов по всем линиям магистрали приходилась на такие статьи как «устройство полотна дороги», «искусственные сооружения», «верхнее строение», «рельсы и скрепления», «подвижной состав», «станционные постройки» и «общие расходы». При этом соотношение указанных статей могло быть различным.

Рис. 2. Структура расходов на строительство Западно-Сибирской железной дороги

Fig. 2. Structure of expenses for the construction of the West Siberian Railway

Источник: Приложение 2. Таблица 2.1.

Рис. 3. Структура расходов на строительство Средне-Сибирской железной дороги (Томская ветвь).

Fig. 3. Structure of expenses for the construction of the Central Siberian Railway (Tomskaya branch).

Источник: Приложение 2. Таблица 2.2.

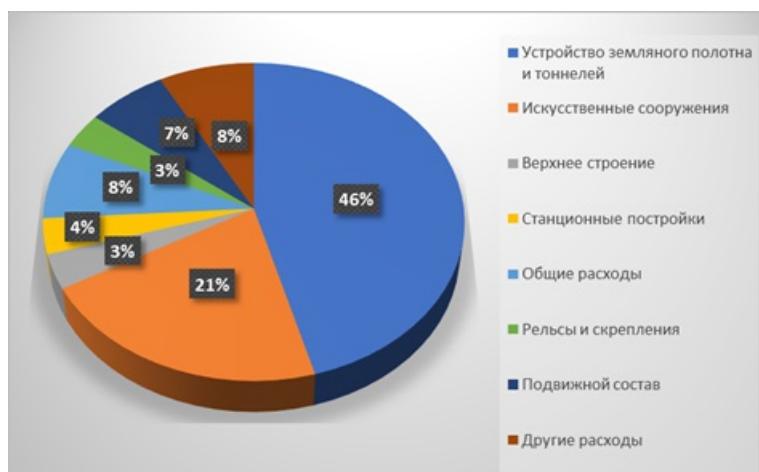

Рис. 4. Структура расходов на строительство Кругобайкальской железной дороги

Fig. 4. Structure of expenses for the construction of the Circum-Baikal Railway

Источник: Приложение 2. Таблица 2.3.

Рис. 5. Структура расходов на строительство Северно-Уссурийской железной дороги

Fig. 5. Structure of expenses for the construction of the North Ussuri railway

Источник: Приложение 2. Таблица 2.4.

Рис. 6. Структура расходов на строительство Южно-Уссурийской железной дороги

Fig. 6. The structure of expenses for the construction of the South Ussuri railway

Источник: Приложение 2. Таблица 2.5.

Статья «устройство полотна дороги» забирала на себя порядка 10 – 24% от общей суммы расходов на строительство. Только для Кругобайкальской линии этот показатель существенно выше (45,7%), прежде всего, в связи со сложностью работ и большого количества тоннелей, о чем уже упоминалось выше. Самый низкий этот показатель среди рассматриваемых линий отмечается для Западно-Сибирской дороги (10,5%), прежде всего потому, что 92,5% от общей длины основного пути составили прямые участки, [\[9, с. 11\]](#) что удешевляло прокладку линии.

Статья «искусственные сооружения» включала в себя, прежде всего, мосты (как деревянные, так и металлические), а также трубы (каменные, кирпичные, металлические) для проведения воды под полотном дороги. Самый высокий удельный показатель этой статьи в структуре всех строительных расходов дает Северно-Уссурийская железная дорога (23,6%), причем, самая крупная расходная статья для данной линии. Немногим меньшую долю (21,2%) расходы на искусственные сооружения заняли в структуре затрат при постройке Кругобайкальской линии. В обоих случаях это объясняется необходимостью возведения мостов. Так, например, на Северно-Уссурийской дороге на реках Иман, Бикин, Хор были построены металлические мосты на каменных опорах с кессонными основаниями, а на реках Кие и Подхоренке – деревянные на свайных опорах. Кроме того, большой деревянный мост построили на реке Пашенной [\[13, с. 16–20\]](#).

Статья «станционные постройки» могла составлять разную долю общих расходов на строительство железной дороги. Самый низкий показатель из рассматриваемых линий у Кругобайкальской дороги (3,3%), у остальных он заметно выше: на Западно-Сибирской магистрали – 6,4%, на Томской ветви Средне-Сибирской дороги – 7,54%, на северном участке Уссурийской дороги – 5,45%, на южном – 8,52% (и в последнем случае это самый высокий показатель). Во многом суммы расходов на станционные постройки и удельный вес этой статьи расходов зависели от того, какие именно здания и из каких материалов были построены. Так, например, на Западно-Сибирской дороге были построены 10 пассажирских зданий разного класса (от II до V). При этом на 21 станции

V класса отдельных пассажирских зданий не было совсем, а для пассажиров и станционных служб отвели отдельные помещения в тех зданиях, где жили станционные агенты. Пассажирские здания I – III классов обычно строили кирпичными, IV и V классов – деревянными на каменном фундаменте. На Западно-Сибирской дороге все здания были оштукатурены внутри, а деревянные снаружи обшиты и покрашены. Крыши у всех зданий были железными. При всех пассажирских зданиях I – IV классов строились отапливаемые отхожие места, холодные же в обязательном порядке присутствовали на всех станциях независимо от их класса. Кроме того, на станциях были построены пожарные сараи и ледники, а на некоторых (Курган, Петропавловск, Омск и Каинск) – и крытые товарные платформы, и пакгаузы. Также на 10-ти станциях построили паровозные здания (кирпичные или каменные с железной крышей), снабженные «водопроводом для промывки и каменными кочегарными ямами с устройством водоотвода для них». По этой же расходной статье проходило и строительство водоемных и водоподъемных зданий [\[9, с. 15-17\]](#).

Сравнительно небольшая доля расходов приходится на статью «отчуждение имуществ» (см. таблицы в Приложении 2). Можно заметить, что на диаграммах она даже не выделена специально, а попала в категорию «другие расходы», поскольку для большинства линий Транссиба она забирает менее 1% в структуре расходов, и только для Южно-Уссурийской дороги этот показатель составляет 1,5%. Столь незначительный удельный вес этой расходной статьи объясняется, прежде всего, тем, что большинство земель, передаваемых для строительства Транссибирской магистрали, была казенной или кабинетной и передавалась безвозмездно. Однако, в ряде случаев приходилось компенсировать убытки владельцам вследствие сноса строений (хозяйственных и бытовых), уничтожения обрабатываемых земель.

Так, например, под постройку Западно-Сибирской железной дороги и «ее принадлежностей» были заняты следующие земли: казенная (9361 дес. 2235 кв. саж.; поступили безвозмездно), Оренбургского казачьего войска (515 дес. 1602 кв. саж.; в сред. по 40 руб. за 1 дес.), Сибирского казачьего войска (2577 дес. 329 кв. саж.; по 10,73 руб. за 1 дес.), крестьянских обществ (1320 дес. 247 кв. саж.; по 30,01 руб. за 1 дес.), городская (396 дес. 989 кв. саж.; по 139,66 руб. за 1 дес.), кабинета Его Императорского Величества (910 дес. 1937 кв. саж.; поступили безвозмездно), частных владений и церкви (280 дес. 1286 кв. саж.; по 19,18 руб. за 1 дес.). Всего из 184 владений было отчуждено 15362 дес. 1425 кв. саж. В среднем стоимость 5085 дес. 453 кв. саж. купленных земель составила по 25,40 руб. за 1 десятину, а без городских земель – 19,89 руб. [\[9, с. 9-10\]](#).

Всего под постройку Западно-Сибирской железной дороги земли было отчуждено больше по сравнению с предварительной расценочной ведомостью на 4130 дес. 1425 кв. саж. Необходимость отчуждения большего количества земель в сравнении с изначальными расчетами было вызвано, согласно сравнительной ведомости, «уширением площадок станций, вследствие особого расположения путей, водоснабжениями, уширением полосы для карьеров, отчуждением для ветви длиною 41 вер. к озеру Чаны для балластного карьера и проч.» [\[9, с. 7\]](#). Несмотря на увеличение площади отчужденных земель, расходы по этой статьей не только не были превышены, а даже уменьшились по сравнению с первоначальной сметой на 17151,92 руб., поскольку значительную часть отчуждаемых земель составляли казенные и кабинетные земли, предоставленные для строительства безвозмездно. Средняя стоимость 1 дес. составила сумму, меньшую по сравнению с первоначальной, на 5,94 руб. При этом внутри общей статьи «Отчуждение имуществ» по категории «снос строений» получился перерасход на 51096,87 руб.,

поскольку «вследствие изменения направления линии при переходе через р. Обь, потребовалось снести целое село Кривошеково вместе с церковью, чего не предвиделось в расценочной ведомости». Этот снос обошелся в 55239 руб. Кроме того, была приобретена паровая мельница за 12999 руб., расположенная на полосе, отчужденной под ветвь к р. Иртышу в г. Омске [9, с. 7].

В рамках статьи «Отчуждение имуществ» потраченные при строительстве Западно-Сибирской железной дороги средства распределились следующим образом: за приобретение земель - 158368,08 руб. (на версту - 119,27 руб.); вознаграждение за уничтожение посевов и покосов и другие временные убытки - 19254,66 руб. (на версту - 14,50 руб.); за снос строений - 76096,87 руб. (на версту - 57,31 руб.); на содержание администрации по отчуждению, составление планов, разграничение отчуждаемой полосы, расстановка межевых столбиков, заключение крепостных актов, разъезды оценочных комиссий и проч. - 116982,82 руб. (на версту - 88,09 руб.) [9, с. 6-7]. До начала работ по строительству дороги на засеянных или вспаханных землях «при участии технического надзора» составлялись акты, которые затем представлялись на рассмотрение Местного Контроля. Выплаты за перечисленные убытки производились в соответствии с действовавшими ценами, а также с нормами, разрешенными Управлением по сооружению Сибирской железной дороги. При строительстве Западно-Сибирской железной дороги были снесены строения, принадлежащие 277 владельцам, среди которых в отчетной документации указаны деревянная церковь, волостное правление, шесть деревянных двухэтажных домов, 54 деревянных дома, 140 жилых изб, салотопенный завод, водяная мельница, плотина при водяной мельнице, три ветряных мельницы, две прачечных, пять хлебопекарен и др. Кроме того, были приобретены в собственность казны паровая крупчатая мельница со всем инвентарем, барак для обжигания угля и два деревянных дома со всеми пристройками к ним за 9419,54 руб., а вместо снесенной церкви поставлена часовня и ограда за 300 руб. Относительно размера вознаграждения за снос строений были приняты в расчет «нормальные цены», утвержденные Управлением по сооружению Сибирской железной дороги. Уплата за снос производилась по предварительному соглашению с Местным Контролем [10, с. 9].

При строительстве Северно-Уссурийской железной дороги также пришлось снести ряд построек, в числе которых в Хабаровске оказались кирпичный завод, в качестве компенсации за который выплатили 1650 руб., деревянный дом (355 руб.) и деревянный дом у пристани на р. Амур (250 руб.) [13, с. 16]. Прокладка Южно-Уссурийской линии потребовала выплаты компенсации в размере 237255,33 руб. 62-м владельцам различных сооружений, среди которых четыре кирпичных и один механический завод, цирк, водяная мельница, 41 жилой дом, 10 сараев, конюшня, ледник и пр. Часть этих построек была снесена, а часть была приобретена и использовалась в дальнейшем для обслуживания дороги [15, с. 13]. На Южно-Уссурийской линии поверхная стоимость отчуждения земель и имущества под полотно дороги составила 810,24 руб., что выше по сравнению с другими участками Транссиба. Так, аналогичный показатель для Северно-Уссурийской дороги составил 152,62 руб. [13, с. 16], для Западно-Сибирской – 278,85 руб. [9, с. 10], для Кругобайкальской – 363,27 руб. [16, с. 12].

На представленных диаграммах (Рис. 2 – 6) можно заметить, что в ряде случаев выделена такая статья расходов как водоснабжение. В целом доля ее в общей структуре затрат относительно невелика и довольно близка по своему значению для различных участков Транссиба (около 2% на Западно-Сибирской, Томской ветке Средне-Сибирской и северном участке Уссурийской линий). Причем, нередко именно работы по

налаживанию водоснабжения станций и разъездов сопровождались перерасходом средств в сравнении с первоначально запланированными суммами [\[18, с. 62-65\]](#).

Порядка 7 – 10% в общей структуре расходов на строительство различных участков Транссибирской магистрали приходится на статью «Общие расходы», которая помимо прочего включала жалование служащим, занимавшимся расчетами с подрядчиками и составлением отчетной документации, а также «агентам» по наблюдению за ремонтом подвижного состава, оборудованием мастерских, устройством водоснабжения и другими работами. Кроме того, сюда же попадали затраты на «производство окончательных изысканий и составление исполнительных проектов» [\[9, с. 20-22\]](#).

Отдельного внимания заслуживает вопрос о расходах на строительство КВЖД, особенно с учетом того, что авторы публикаций постоянно подчеркивают бесполезность для России примерно 40% потраченных сумм в силу передачи впоследствии Южно-Маньчжурской линии Японии по Портсмутскому миру. Диаграмма на Рис. 7, отражающая структуру расходов на строительство КВЖД, показывает, что 19% от общей суммы затрат объясняется необходимостью ликвидировать последствия Ихэтуаньского (Боксерского) восстания, в ходе которого было разрушено порядка двух третей уже проложенной линии.

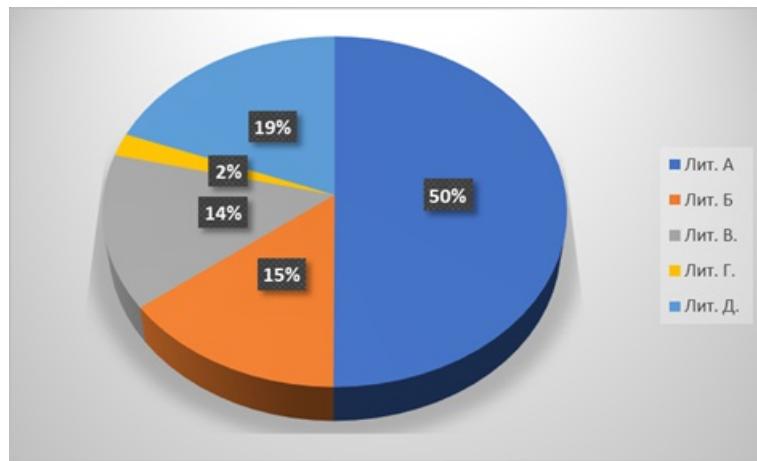

Рис. 7. Структура расходов на строительство КВЖД.

Примечания : Лит. А – строительные расходы (отчуждение имуществ, строительство полотна дороги, инфраструктуры и пр.); Лит. Б – рельсы, скрепления и подвижной состав; Лит. В - работы и расходы, вызванные особыми условиями сооружения дороги (вознаграждение китайской администрации, строительство жилья, школ, гостиниц, магазинов, промышленных предприятий, пристаней и пр., охрана линии и др.); Лит. Г - Расходы по образованию оборотного капитала; Лит. Д - работы и расходы, вызванные беспорядками в Китае в 1900 г. (восстановление разрушенного, усиленная охрана и т.п.)

Источник : Отчет по постройке Китайской Восточной железной дороги (по железнодорожному предприятию). 1897-1903 гг. СПб., 1905.

В целом структура затрат на строительство КВЖД отличается от аналогичной характеристики других линий Транссибирской магистрали. Обращает на себя внимание значительность расходов на возведение различных объектов транспортной и социальной инфраструктуры, охрану линии и т.п., что было продиктовано спецификой маршрута и условий строительства.

Подводя предварительные итоги анализа финансовых аспектов строительства Транссибирской магистрали, отметим следующие моменты. В структуре расходов для всех участков дороги выделяются наиболее значимые статьи, которые забирают на себя основную долю расходов (прокладка полотна дороги, строительство мостов и тоннелей, возведение станционных построек, обеспечение линий подвижным составом). При этом имеющиеся различия могут быть объяснены, прежде всего, условиями осуществления строительных работ. Поверстная стоимость могла существенно различаться, что помимо рельефа, необходимости строительства искусственных сооружений и других обстоятельств объяснялось и качеством инфраструктурных сооружений, построенных на линии. Здесь, прежде всего, речь идет о станционных постройках, складах, ледниках, организации водоснабжения и т.п. Несмотря на наличие просчетов на этапе планирования при строительстве Западно-Сибирской, Томской ветви Средне-Сибирской, обоих участков Уссурийской железной дороги суммы расходов не превышали установленные первоначальной сметой. Превышение же сметных сумм по некоторым статьям (часто компенсированное за счет сокращения расходов по другим пунктам), с одной стороны, было платой за сокращение сроков строительства Транссиба, а с другой стороны, стремлением создать более комфортные условия перевозки грузов и проезда пассажиров.

Приложение 1.

Таблица 1.1.

Table 1.1.

Стоимость отдельных работ на 1 версту по отчетам Кругобайкальской, Сибирской, Забайкальской, Китайско-Восточной и Уссурийской железных дорог

The cost of some works per 1 verst according to the reports of the Circum-Baikal, Siberian, Trans-Baikal, Chinese Eastern and Ussuri railways

Виды работ	Западно-Сибирская	Средне-Сибирская		Кругобайкальская	КВЖД
	Челябинск - Обь	Обь-Красноярск	Красноярск-Иркутск	Байкал-Мысовая	
	1327,857 верст	711,086 верст	1004,455 верст	245,969 верст	
По ведомости Лит.А					
Отчуждение имуществ	278,85	149,83	307,55	363,27	1689,91
Земляные работы	3618,83	8868,05	11142,92	125164,14	13401,57
Искусственные сооружения	5936,58	8707,93	16739,39	36491,31	12361,57
Верхнее строение	3409,07	5373,12	5445,14	8902,74	11182,01
Принадлежности					

пути	119,20	129,46	116,55	197,13	202,93
Телеграф	266,08	269,51	442,46	881,24	727,00
Линейные постройки	760,57	934,84	1038,85	1994,24	979,93
Станционные постройки	2184,84	3668,46	3486,54	8007,29	12275,96
Водоснабжение станций	747,12	1089,20	1309,65	1781,49	1970,50
Принадлежности станций	737,74	1134,70	775,89	2030,50	3877,43
Испытание, приемка и доставка подвижного состава	585,86	887,51	772,70	1206,81	3681,02
Общие расходы	2929,26	5286,83	6595,60	13784,21	14746,19
Расходы посторонних ведомств	254,38	252,70	520,30	1425,64	-
Особые расходы	-	-	-	3580,37	2011,43
По ведомости Лит.Б					
Рельсы, скрепления и подвижной состав	12727,88	13300,70	12813,81	20902,49	22851,89
По ведомости Лит.В					
Оборотный капитал	-	877,53	884,86	1481,22	3305,18
По ведомости Лит.Г					
Постоянные пристани	-	-	-	2112,24	-
По ведомости Лит.Д					
Расходы непредвиденные	179,93	718,24	443,57	25114,60	-
Стоимость 1 версты дороги без рельс и подвижного состава	22008,31	38347,98	50021,96	235477,37	79107,45
Стоимость рельс на 1 версту дороги	6286,86	6669,53	6339,36	7406,02	6197,66
Стоимость подвижного состава на 1					

версту	6441,02	6631,17	6474,45	13946,47	16654,23
Общая стоимость на 1 версту	34736,19	51648,68	62835,77	256829,88	105264,50
Забайкальская			Уссурийская		
Иркутск-Байкал	Мысовая-Сретенск	Китайский разъезд-Манчжурия	Северная часть	Южная часть	
63,65 верст	1033,77 верст	321,285 верст	344,04 верст	377,45 верст	
Виды работ	1897 – 1901	1895 – 1900	1898 – 1901	1894 – 1897	1891 – 1894
По ведомости Лит.А					
Отчуждение имуществ	944,70	314,69	149,38	152,62	810,24
Земляные работы	23612,02	18411,03	17073,40	11311,51	13668,62
Искусственные сооружения	5686,35	13311,39	18762,33	15390,83	7530,91
Верхнее строение	4682,10	8973,11	8089,31	6606,05	5395,40
Принадлежности пути	108,03	90,19	336,04	261,36	267,21
Телеграф	326,68	526,71	494,61	457,57	421,13
Линейные постройки	742,96	1034,40	1611,00	950,02	1085,77
Станционные постройки	2557,99	4347,08	6556,98	3531,12	4587,58
Водоснабжение станций	357,66	780,32	1378,66	1298,98	743,11
Принадлежности станций	602,97	1004,89	1170,69	747,17	1348,05
Испытание, приемка и доставка подвижного состава	-	2096,02	1227,58	1398,96	1001,18
Общие расходы	3668,42	7604,84	11606,25	7130,49	6037,52
Расходы посторонних ведомств	350,98	715,63	761,10	838,40	551,77
Особые расходы	288,32	264,21	3152,86	2312,18	-
По ведомости Лит.Б					
Рельсы, скрепления и подвижной состав	5916,30	12453,60	16887,22	12434,99	10367,73
По ведомости					

Лит.В Оборотный капитал	911,23	967,33	978,20	-	-
По ведомости Лит.Г					
Постоянные пристани	1404,80	1404,80	1404,80	805,63	-
По ведомости Лит.Д					
Расходы непредвиденные	-	927,49	1494,57	-	-
Стоимость 1 версты дороги без рельс и подвижного состава	44840,41	61369,33	73348,39	52387,26	43495,03
Стоимость рельс на 1 версту дороги	5916,30	6208,44	8633,31	6347,77	6508,03
Стоимость подвижного состава на 1 версту	-	6245,16	8253,91	6087,22	3859,70
Общая стоимость на 1 версту	50756,71	73822,93	90235,61	64822,25	53862,76

Источник: Отчет по постройке Кругобайкальской железной дороги. 1900-1905 гг. СПб., 1908. С. IX- XV .

Приложение 2.

Таблица 2.1.

Table 2.1.

Сравнительная ведомость запланированной и действительной стоимости постройки Западно-Сибирской железной дороги

Comparative sheet of the estimated and actual cost of the construction of the West Siberian Railway

Виды работ	Назначено по расценочной ведомости		Действительно израсходовано	
	всего	на 1 версту	всего	на 1 версту
Лит. А				
Отчуждение имущества	380877,00	287,24	370279,18	278,85
Устройство полотна дороги	6065837,00	4574,54	4805287,51	3618,83
Искусственные сооружения	8589945,00	6478,09	7882929,59	5936,58
Всего по строению	5427128,00	4092,86	4526761,59	3409,07

Виды строений	Планируемое	Построено	Приобретено	Стоимость
Принадлежности пути	161840,00	122,05	158275,03	119,20
Телеграф	369411,00	278,59	353310,35	266,08
Сторожевые дома, казармы, полуказармы, колодцы, переезды	744460,00	561,43	1009931,21	760,57
Станционные постройки	2140225,00	1614,05	2901159,29	2184,84
Водоснабжение станций	639130,00	482,00	992067,03	747,12
Принадлежности станций	678775,00	511,90	979615,69	737,74
Испытание, приемка, доставка и запасные части подвижного состава	1180477,00	890,25	777929,74	585,86
Общие расходы	3949610,00	2978,59	3889637,53	2929,26
Расходы посторонних ведомств	324030,00	244,36	337780,26	254,38
Расходы, не предусмотренные расценочной ведомостью	-	-	226737,54	170,75
Списано со стоимости материалов и имущества, оставшихся от постройки дороги	-	-	12185,44	9,18
Всего	30651745,00	23115,95	29223886,98	22008,31
За искл.перечисленных из ассигнованных условно по Лит.А в безусловные по Лит.Б*	335133,00	252,74	-	-
Итого по Лит.А	30316612,00	22863,21	29223886,98	22008,31
Лит. Б				
Рельсы, скрепления и брезенты	8450327,00	6372,80	8348053,05	6286,86
Подвижной состав	8611428,00	6494,29	8552758,00	6441,02
Итого по Лит. Б	17061755,00	12867,09	16900811,05	12727,88
ВСЕГО	47378367,00	35730,30	46124698,03	34736,19

* согласно постановления Совета Управления по сооружению Сибирской ж.д. от 06.09.1895 за № 475

Источник: Отчет по постройке Западно-Сибирской ж[елезной] д[ороги]. 1892 – 1896 гг. СПб., 1898. Сравнительная ведомость предположенной и действительной стоимости постройки Западно-Сибирской железной дороги. С. 2-3.

Таблица 2.2.

Table 2.2.

Сравнительная ведомость запланированной и действительной стоимости постройки Томской ветви Средне-Сибирской железной дороги

Comparative statement of the estimated and actual cost of building the Tomsk branch of the Central Siberian Railway

Виды работ	Назначено по расценочной ведомости		Действительно израсходовано	
	всего	на 1 версту	всего	на 1 версту
Лит. А.				
Отчуждение имуществ	26722,50	299,09	21454,01	240,16
Устройство полотна дороги	592138,44	6627,55	595267,64	6663,60
Искусственные сооружения	192061,30	2149,66	193392,72	2164,89
Верхнее строение	455701,83	5100,47	452733,90	5068,03
Принадлежности пути	11123,74	124,50	9894,03	110,76
Телеграф	31316,52	350,51	30083,59	336,76
Сторожевые дома, казармы, переезды	92204,62	1032,01	95482,60	1068,86
Станционные постройки	186562,43	2088,11	186837,20	2091,51
Водоснабжение	53235,18	595,84	50366,58	563,81
Принадлежности станций	51348,89	574,73	47950,35	536,77
Общие расходы	212948,46	2383,45	209389,54	2343,98
Расходы посторонних ведомств	20255,00	226,70	20255,00	226,74
Итого по Лит. А	1925618,91	21552,62	1913107,16	21415,87
Лит. Б.				
Рельсы	480959,00	5383,17	480957,87	5383,98
Скрепления	87620,00	980,69	84277,93	943,43
Итого по Лит. Б	568579,00	6363,86	565235,80	6327,41
ВСЕГО по Лит. А и Б	2494197,91	27916,48	2478342,96	27743,28

Источник: Отчет по постройке Томской ветви Средне-Сибирской железной дороги. 1895-1896 г. СПб., 1901. Сравнительная ведомость предположенной и действительной стоимости постройки Томской ветви Средне-Сибирской железной дороги. С. 2-31.

Таблица 2.3.

Table 2.3.

Сравнительная ведомость запланированной и действительной стоимости постройки Кругобайкальской железной дороги

Comparative sheet of the estimated and actual cost of the construction of the Circum-Baikal Railway

Виды работ	Назначено по расценочной ведомости		Действительно израсходовано	
	всего	на 1 версту	всего	на 1 версту

Лит. А.				
Отчуждение имуществ	161692,00	657,37	89354,40	363,28
Устройство земляного полотна и тоннелей	23991035,00	97536,82	30786498,77	125164,14
Искусственные сооружения	11157146,00	45359,97	8975732,41	36491,32
Верхнее строение	1845176,00	7501,66	2189797,39	8902,74
Принадлежности пути	45850,00	186,41	42413,72	172,44
Телеграф	188014,00	764,38	242111,67	984,32
Сторожевые дома, казармы, переезды	406400,00	1652,24	567557,20	2307,43
Станционные постройки	1889551,00	7682,07	2096005,33	8521,42
Водоснабжение станций	391485,00	1591,60	438191,03	1781,49
Принадлежности станций	470360,00	1912,27	499439,00	2030,50
Подвижной состав	494994,00	2012,42	296837,80	1206,81
Общие расходы	4092929,00	16640,02	3390489,58	13784,22
Расходы посторонних ведомств	326460,00	1327,24	350660,82	1425,63
Особые работы	875693,00	3560,18	880661,15	3580,37
Итого по Лит. А.	46336785,00	188384,65	50845750,27	206716,09
Лит. Б.				
Рельсы и скрепления	1886304,00	7668,87	1821650,87	7406,02
Подвижной состав	3484606,00	14166,85	3319714,00	13496,47
Итого по Лит. Б	5370910,00	21835,72	5141364,87	20902,49
Лит. В. Оборотный капитал	366000,00	1487,99	366000,00	1487,99
Лит. Г. Устройство постоянной пристани для парома-ледокола на восточном берегу оз.Байкала в бухте Танхой	450000,00	1829,50	519545,26	2112,24
Лит. Д. Расходы, непредвиденные предварительной расценочной ведомостью	-	-	6177411,08	25114,59
ВСЕГО	52523695,00	213537,86	63050071,48	256333,41

Источник: Отчет по постройке Кругобайкальской железной дороги. 1900 – 1905 гг. СПб., 1908. Сравнительная ведомость стоимости работ, поставок и расходов по постройке Кругобайкальской железной дороги, с суммами, ассигнованными на производство их по предварительной расценочной ведомости. С. 2–55.

Таблица 2.4.

Table 2.4.

Сравнительная ведомость запланированной и действительной стоимости постройки Северно-Уссурийской железной дороги

Comparative sheet of the estimated and actual cost of the construction of the North Ussuri railway

Виды работ	Назначено по расценочной ведомости		Действительно израсходовано	
	всего	на 1 версту	всего	на 1 версту
Лит. А				
Отчуждение имуществ	52487,31	152,57	52509,81	152,62
Устройство полотна дороги	3886234,68	11295,88	3891613,25	11311,51
Искусственные сооружения	5307934,77	15428,25	5295058,97	15390,83
Верхнее строение	2299509,06	6683,84	2272744,42	6606,05
Принадлежности пути	90618,65	263,39	89919,76	261,36
Телеграф	153792,61	447,02	157421,57	457,57
Сторожевые дома, казармы, переезды	319692,56	929,23	326845,35	950,02
Станционные постройки	1204039,70	3499,71	1214846,61	3531,12
Водоснабжение	434709,94	1263,54	446902,69	1298,98
Принадлежности станций	247394,32	719,09	257057,36	747,17
Подвижной состав	492207,86	1430,67	481299,00	1398,98
Особые работы	811998,97	2360,19	795478,70	2312,18
Общие расходы	2207680,44	6416,93	2176002,88	6324,86
Расходы посторонних ведомств	285943,45	831,13	288443,45	838,40
Непредвиденные расходы	367133,58	1067,12	277168,89	805,63
Итого по Лит. А	18161377,90	52788,56	18023312,17	52387,26
Лит. Б				
Рельсы и скрепления	2203655,43	6405,23	2183887,70	6347,77
Подвижной состав	2093845,80	6086,05	2094245,80	6087,22
Итого по Лит. Б	4297501,23	12491,28	4278133,50	12434,99
ВСЕГО	22458879,13	65279,84	22301445,67	64822,25

Источник: Отчет по постройке Северно-Уссурийской ж[елезной] дор[оги]. 1894 – 1897. СПб., 1900. С. 42 – 45.

Таблица 2.5.

Table 2.5.

Сравнительная ведомость запланированной и действительной стоимости постройки Южно-Уссурийской железной дороги

Comparative sheet of the estimated and actual cost of the construction of the South Ussuri railway

Виды работ	Назначено по расценочной ведомости		Действительно израсходовано	
	всего	на 1 версту	всего	на 1 версту
Лит. А				
Отчуждение имуществ	303963,41	804,14	305826,39	810,24
Устройство полотна дороги	5321806,27	14078,85	5159295,65	13668,82
Искусственные сооружения	3025762,17	8004,66	2842540,30	7530,91
Верхнее строение	2089554,06	5527,92	2036496,38	5395,40
Принадлежности пути	107085,12	283,29	100859,23	267,21
Телеграф	164940,59	436,35	158956,46	421,13
Сторожевые дома, казармы, переезды	360404,99	953,45	409821,57	1085,77
Станционные постройки	1766274,10	4672,68	1731578,53	4587,58
Водоснабжение	313002,27	828,05	280489,89	743,11
Принадлежности станций	486409,49	1286,80	508822,99	1348,05
Подвижной состав	400880,44	1060,53	377895,67	1001,18
Отведение почтовой дороги	14201,19	37,57	17492,98	46,34
Общие расходы	1993556,38	5273,96	2205452,41	5843,03
Непредвиденные расходы и ремонт подвижного состава	277608,09	734,41	281678,13	746,26
Итого по Лит. А	16625448,57	43982,66	16417206,58	43495,03
Лит. Б				
Рельсы и скрепления	2491780,81	6592,01	2456456,01	6508,03
Подвижной состав	1466280,00	3879,02	1456845,27	3859,70
Итого по Лит. Б	3958060,81	10471,03	3913301,28	10367,73
ВСЕГО	20583509,38	54453,69	20330507,86	53862,76

Источник: Отчет по постройке Южно-Уссурийской ж[елезной] дор[оги]. 1891 – 1894. СПб., 1900. С. 34–37.

Библиография

- Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. 315 с.
- Персианов В.А., Курбатова А.В., Курбатова Е.С. Железная дорога к Тихому океану (к 100-летию Транссибирской магистрали) // Вестник университета. 2017. № 3. С. 64 – 70.

3. Пак Б.Б. Строительство Амурской железнодорожной магистрали (1891-1916). Иркутск, 1995. 131 с.
4. Вивдыч М.А. Железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века // Гуманитарный вектор. 2011. № 3 (27). С.41-42.
5. Илларионов А.А. Исторический опыт государственно-частного партнерства в транспортном освоении Приморья (на примере сооружения Уссурийской железной дороги) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 2. С.51-59.
6. Транссибирская и Байкало-Амурская магистрали – мост между прошлым и будущим России. М., 2005. 348 с.
7. Мигулин П.П. Русский государственный кредит: опыт историко-критического обзора. Т.3. Вып. 3: Железнодорожные займы и железнодорожная политика, 1893 – 1902. Харьков, 1903. С. 439–798.
8. Корелин А.П. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998. 462 с.
9. Отчет по постройке Западно-Сибирской ж[елезной] д[ороги]. 1892 – 1896 гг. СПб., 1898. 165 с.
10. Приложения № 1 к отчету по постройке Западно-Сибирской железной дороги. 1892 – 1896 г. СПб., 1898. 1665 с.
11. Приложения № 4 к отчету по постройке Западно-Сибирской железной дороги. 1892 – 1896 г. Пояснительные записки. СПб., 1898. 203 с.
12. Отчет по постройке Томской ветви Средне-Сибирской железной дороги. 1895-1896 г. СПб., 1901. 868 с.
13. Отчет по постройке Северно-Уссурийской ж[елезной] дор[оги]. 1894 – 1897. СПб., 1900. 308 с.
14. Приложения к отчету по постройке Северно-Уссурийской ж[елезной] дор[оги]. 1894 – 1897. СПб., 1900. 1200 с.
15. Отчет по постройке Южно-Уссурийской ж[елезной] дор[оги]. 1891 – 1894. СПб., 1900. 199 с.
16. Отчет по постройке Кругобайкальской железной дороги. 1900 – 1905 гг. СПб., 1908. 408 с.
17. Отчет по постройке Китайской Восточной железной дороги (по железнодорожному предприятию). 1897-1903 гг. СПб., 1905. 116 с.
18. Шильникова И. В. Организация водоснабжения на транссибирской магистрали в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2022. № 5. С. 46–66.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена теме, исследовательский и читательский интерес к которой сохраняется на протяжении более столетия. Это объясняется непреходящей значимостью Транссибирской магистрали для России, несмотря на все произошедшие за это время социально-политические и экономические изменения. К числу проблем, остающихся в фокусе внимания исследователей, относятся и различные аспекты финансирования строительства и реконструкции этого масштабного инфраструктурного проекта, которые за прошедшее с начала строительства железной дороги время не

потеряли своей актуальности.

Несмотря на то, что довольно большое число авторов обращались в той или иной степени к финансовым аспектам сооружения Транссиба, представленная статья обладает научной новизной с точки зрения постановки задач и источников базы исследования. Основными источниками стали опубликованные Министерством путей сообщения официальные отчеты о строительстве различных участков Транссиба (включая их финансовую часть), к которым исследователи обращаются редко и чаще всего фрагментарно. Автор, давая обзор историографии, справедливо обращает внимание на большое количество расхождений в оценке стоимости работ, объясняя это тем, что исследователи опираются на разрозненные сведения из различных источников, учитывающих расходы на разных этапах строительных работ и разный состав расходных статей.

В рамках решения первой задачи, сформулированной в статье, проводится сравнение поверхной стоимости отдельных участков Транссиба. Этот показатель мог различаться в разы, что, по мнению автора, объясняется, прежде всего, объективными обстоятельствами и условиями ведения строительных работ.

На основе сопоставления запланированных по сметам сумм расходов и реально затраченных в ходе строительных работ средств (вторая задача исследования) в статье делается вывод о том, что по большинству линий, входящих в состав Транссибирской магистрали, удалось уложиться в смету и избежать перерасхода. Исключение составляет Кругобайкальская железная дорога, смета по которой была заметно превышена. При этом даже при сведение итоговых затрат к запланированным суммам по отдельным статьям наблюдался перерасход, объясняющийся упущенными на стадии проектирования и стремлением ускорить сооружение и ввод в действие магистрали. Автор также отмечает, что чаще всего перерасход средств на отдельные виды работ компенсировался экономией на других статьях.

Анализируя структуру расходов на строительство различных участков Транссиба (третья задача исследования), автор выделяет основные статьи затрат, отмечая общие и различные их характеристики. Так, большинство средств уходило на «устройство полотна дороги», «искусственные сооружения», «рельсы и скрепления», «подвижной состав», «станционные постройки» и другие подобные работы. В тексте статьи раскрывается содержание основных статей расходов, что позволяет читателю составить более предметное представление о специфике сооружения каждой линии в отдельности. Специальное внимание автор уделяет расходам на «отчуждение земель», несмотря на то, что оно забирало небольшую долю общих затрат. Представляет интерес характеристика размеров и механизма компенсации владельцам отчужденных для постройки Транссиба земельных участков (если они не являлись государственными или кабинетными, которые отдавались бесплатно) и различных хозяйственных и жилых строений, которые оказались на пути возводимой магистрали и были либо снесены, либо переданы в эксплуатацию для нужд железной дороги.

Сделанные выводы представляются обоснованными и опираются на представленные в тексте статьи материалы. Автор подчеркивает, что, несмотря на наличие просчетов на этапе планирования, по большинству линий, входящих в состав Транссибирской железнодорожной магистрали, суммы расходов не превышали установленные первоначальной сметой. Если же по некоторым статьям наблюдался перерасход, то это, «с одной стороны, было платой за сокращение сроков строительства Транссиба, а с другой стороны, стремлением создать более комфортные условия перевозки грузов и проезда пассажиров» (последнее предполагало сооружение пассажирских зданий, ледников, складов, организацию водоснабжения и пр.).

Статья хорошо иллюстрирована, что облегчает для читателя восприятие статистических

данных и построенных на их основе выводов автора. Работа сопровождается приложениями в виде таблиц, которые имеют самостоятельную ценность, включают в себя сведения о поверстной стоимости строительства и структуре расходов для отдельных железнодорожных линий в составе Транссиба.

В целом рецензируемая статья представляет большой интерес не только для специалистов, но и для интересующихся историей России в целом и Сибири, в частности. Статья рекомендуется к публикации.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Васильев А.В., Пригодич Н.Д. — Римская республиканская государственность в творчестве С. И. Ковалева // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.40466 EDN: RMVUAK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40466

Римская республиканская государственность в творчестве С. И. Ковалева

Васильев Андрей Владимирович

ORCID: 0000-0002-0182-4250

кандидат исторических наук

доцент, кафедра истории древней Греции и Рима, СПбГУ

199034, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, линия Менделеевская, 5, каб. 48

✉ Ander-Vaas@yandex.ru

Пригодич Никита Дмитриевич

кандидат исторических наук

старший преподаватель, Центр социальных и гуманитарных наук, факультет технологического менеджмента и инноваций, Университет ИТМО

191187, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Чайковского, 11/2, каб. 1-С

✉ ndprigodich@itmo.ru

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.2.40466

EDN:

RMVUAK

Дата направления статьи в редакцию:

15-04-2023

Дата публикации:

24-04-2023

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является научное творчество выдающегося советского историка античности С. И. Ковалева, связанное с историей Римской республики и ее государственных институтов. Авторы анализируют высказанные Ковалевым гипотезы по наиболее дискуссионным проблемам истории республиканской государственности и сравнивают их с существовавшими в то время теориями в западной историографии, а также дореволюционной отечественной историографией. Авторы обращаются не только к работам самого советского ученого, его предшественников и

современников, но также к архивным материалам, а именно к переписке С. И. Ковалева с его зарубежными коллегами. Обращение к изучению советской историографии античной истории в настоящее время становится все более актуальными среди российских антиковедов, однако подробного разбора научного творчества С. И. Ковалева в отечественной историографии до сих пор нет. Авторы показывают обоснованность многих предположений, высказанных С. И. Ковалевым, для уровня развития научных знаний в изучении истории древнего Рима середины XX века, а также преемственность многих его положений от гипотез выдающегося дореволюционного российского антиковеда И. В. Нетушила. Кроме того, в работе демонстрируется необоснованность распространенной точки зрения о полной изоляции советской исторической науки от общемировой.

Ключевые слова:

Ковалев, советское антиковедение, историография, Римская республика, государственность, магistrаты, Нетушил, теория формаций, диктатура, олигархия

Введение

Жизнь и научное творчество С. И. Ковалева пришлись на переломное время в истории нашей страны: годы Первой мировой войны, революции, гражданской войны, сталинского террора и Великой Отечественной войны. В наше неспокойное время представляется как никогда актуальным опыт подобного рода «выживания» в кризисных обстоятельствах и одновременно плодотворной научной и организаторской работы.

Зачастую принято воспринимать Ковалева преимущественно как организатора науки (именно он стал основателем кафедры истории древнего мира ЛГУ, а ныне – кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ, ее правопреемницы), одного из создателей марксистской концепции истории древнего мира, выдающегося популяризатора научного знания, а также автора знаменитого курса по истории древнего Рима (1948 г.), который получил признание не только у нас в стране, но и в Европе, будучи многократно переиздан на итальянском и испанском языках (достаточно упомянуть, что одно из последних испанских изданий вышло в Мадриде в 2007 г.).

В данной статье речь пойдет преимущественно о научном творчестве ленинградского профессора, причем в той части, которая редко становится предметом внимания в истории науки. Как отмечал Э. Д. Фролов, Ковалева неоднократно привлекали две крайние точки римской истории – становление гражданской общины в Риме и падение Западной Римской империи [1, с. 441]. Рассмотрение второй из них не входит в нашу задачу, но то, как Ковалев оценивал процессы становления гражданской общины в Риме и какие гипотезы высказывались им по отдельным вопросам развития римской республиканской государственности, представляет для нас чрезвычайный интерес.

Римские республиканские институты в трудах С.И. Ковалева

Если в ранних работах С. И. Ковалева, как и многих других историков-марксистов 1920-х годов, присутствовали идеи циклизма и модернизованный подход к античной истории, при котором каждый отдельный культурно-географический регион проходил как бы свой собственный цикл от первобытности к капитализму еще в рамках древнего мира, то с конца 1920-х – начала 1930-х гг. он, как и многие его коллеги, отходит от подобных

трактовок марксизма. Как отмечает А. М. Скворцов, модернизаторский подход к историческому материалу был возможностью сохранения исследований древних эпох в новых условиях. Антиковедов первых лет существования советской власти занимал вопрос, каким образом сделать историю древней Греции и Рима актуальной для их времени, а вместе с тем и привлекательной для изучения. «Модернизация» античности была пресечена сверху после публикации в конце 1920-х гг. работы В. И. Ленина «О государстве», в которой говорилось об античности, как о рабовладельческом обществе, где существовали два антагонистических класса – рабовладельцев и рабов [\[2, с. 175\]](#).

Впервые достаточно полно взгляды С. И. Ковалева на основные проблемы истории древнего Рима были высказаны им в двухтомнике «История античного общества: Греция, эллинизм, Рим», вторая часть которого, посвященная эллинистической и римской истории вышла в Ленинграде в 1936 г. Первое, на что сразу можно обратить внимание, – это констатация наличия у латинов полисного строя. С точки зрения отношения к достоверности традиции о ранней римской истории, Ковалев в эти годы занимал более критическую позицию, нежели впоследствии. Достаточно сравнить его утверждения о полном отсутствии чего-либо исторически достоверного в легенде об основании Рима и о том, что первым более или менее достоверным событием ранней римской истории являлась запись действующего права (законы XII таблиц) с более поздним скрупулезным разбором легенды об основании Рима в университете курсе [\[3, с. 65, 67\]](#).

Уже в этой книге С. И. Ковалев высказывает свою идею о том, что переход власти от царей к двум консулам (преторам) не был одномоментным, так как первоначально консулы не были равноправны, а один из них был старшим [\[3, с. 75\]](#). Разумеется, ленинградский историк не был первым, кто высказал эту идею. Она опирается на хорошо известное свидетельство Тита Ливия о древнем законе (*Iex vetusta*), начертанном на правой стороне храма Юпитера 1 Всеблагого Величайшего, который гласил: «в сентябрьские иды верховный претор да вбивает здесь гвоздь» (*ut qui praetor maximus sit idibus Septembribus clauvm pangat* – Liv., VII, 3, 5-8).

Т. Моммзен полагал, что термин *praetor maximus* обозначал в данном случае любого магистрата, который в момент церемонии оказывался по статусу верховным в римской республике [\[4, с. 74-76\]](#). Другие ученые высказывали различные предположения по данному сюжету в зависимости от занимаемой ими позиции в отношении проблемы перехода от царской власти к высшей республиканской магистратуре [Подробный разбор существующих точек зрения: 5, с. 39-50].

От кого же позаимствовал Ковалев свою версию происхождения высшей магистратуры? Судя по всему, это был выдающийся историк и филолог-классик, последний ректор Императорского Харьковского университета, И. В. Нетушил. Позднее в знаменитом учебном пособии С. И. Ковалев прямо укажет на гипотезу И. В. Нетушкила, касавшуюся появления высшей римской магистратуры, и солидаризируется с ней [\[6, с. 67\]](#). В его фундаментальном труде «Очерк римских государственных древностей», изданном ещё в 1894 г., Нетушил предположил, что даже в коллегии двух преторов один мог вполне называться *praetor maximus*, являясь старшим в ней. Обычно это отрицалось, исходя из того, что в классической латыни *maximus* – превосходная степень сравнения прилагательного, а при наличии двух магистратов в коллегии был бы более логичным термин *maior*. Однако Теренций (Ter. Adelph., 881: *natus maximus*) и Ливий (Liv., I, 3, 10: *stirpis maximus*) дают примеры использования термина *maximus* в смысле «старший из двух» (братьев), а не трех и более [\[7, с. 80-81\]](#).

Стоит отметить, что в зарубежной историографии «теория неравной коллегиальности» получила признание и широкое распространение позднее и, вполне возможно, не без влияния итальянского перевода учебника Ковалева [\[8, р. 743-766\]](#),[\[9, р. 161-175\]](#),[\[10, р. 257-286\]](#). Во всяком случае, Ковалев подчеркивал преимущественно военный характер высшей магистратуры республики при ее основании, а также приводил ряд дополнительных доводов в пользу ее двойственности: существование «старших» и «младших» центурий, руководство переворотом со стороны двух патрицианских родов [\[6, с. 66-67\]](#). Выкладки Ковалева в данной связи никоим образом не были субъективными или необоснованными: похожие идеи в те же годы высказывал итальянский историк А. Бернарди, указывая на происхождение первоначальной претуры от двух командующих Сервиева легиона, соответственно для «старших» и «младших» центурий [\[11, р. 24-26\]](#).

Интересен и оригинален был взгляд Ковалева на происхождение института диктатуры в Риме. В работе 1936 г. он писал о том, что случилось это, по-видимому, в 438 г. до н. э. в связи с войной с городом Вейи, не приводя для этого никаких дополнительных аргументов [\[3, с. 88\]](#). В университете курсе Ковалев связал учреждение диктатуры с появлением консулярного военного трибуnата. До этого должность диктатора, по его мнению, была просто не нужна, так как старший претор обладал единоличной властью, а второй был его помощником. С появлением коллегии военных трибунов с консульской властью, каждый из которых обладал равными правами, могла возникать, при исключительных условиях, необходимость максимальной концентрации власти в руках одного лица. Тогда, по образцу уже существовавшей в некоторых латинских общинах высшей магистратуры, и в Риме была введена должность диктатора [\[6, с. 82\]](#).

Следует заметить, что данное утверждение Ковалева о причинах возникновения диктатуры может являться одним из аргументов против теории о том, что первоначальным ординарным магистратом был диктатор, обозначавшийся термином *praetor maximus*, который был заменен в 449 г. по законам Валерия-Горация двумя консулами. «Теория диктатуры» опиралась именно на странность объяснения возникновения диктатуры в римской традиции вскоре после установления республики вследствие войны с латинами [\[12, S. 42-53\]](#),[\[13, S. 125\]](#),[\[14, S. 231-236\]](#). События 367-366 гг. до н. э., связанные с законодательством Лициния-Секстия, С. И. Ковалев справедливо рассматривал в качестве ключевого этапа формирования римской республиканской государственности. В университете курсе была окончательно сформулирована та модель возникновения высшей магистратуры, которая восходила к гипотезе И. В. Нетущила (что характерно, Ковалев здесь уже открыто признавал преемственность своих взглядов от дореволюционного ученого). Согласно этой модели должности консула не существовало в Римской республике до принятия законов Лициния-Секстия, а существовали два претора, старший и младший, которые время от времени заменялись военными трибунами с коллегиальной властью. Поэтому в действительности рогация Лициния, по-видимому, сводилась к тому, что к двум, уже существовавшим, преторам присоединялся третий. Он должен был избираться только из плебеев и по своей власти целиком приравнивался к старшему из патрицианских преторов. Оба они, таким образом, и представляли теперь коллегию и стали называться «консулами». Младшему же патрицианскому претору были присвоены судебные права, он не вошел в коллегию и сохранил старое название «претора». Одновременно с этим произошло удвоение и эдильских должностей. Такова, по мнению Ковалева, наиболее вероятная картина образования консулата, коллегиальной высшей магистратуры, которая явилась историческим завершением децемвирата и военного трибуnата с консулярной властью [\[6\]](#).

[c. 85-86\].](#)

Характерно, что в качестве административной по преимуществу реформы рассматривал события 367-366 гг. до н. э. и такой видный исследователь римского государственного права середины XX века как К. фон Фритц [\[15, р. 3-44\]](#). А идея о возникновении коллегиальности римской магистратуры не ранее 367 г. до н. э. также находит приверженцев и в историографии последних десятилетий [\[16, с. 182-212\]](#). Впрочем, как справедливо отметила В. В. Дементьева, первыми римскими магистратами, наделенными равной коллегиальностью, были децемвиры и именно при них *par potestas* получила свое подлинное оформление, выражавшееся, прежде всего, в праве наложить запрет на действие коллеги (*ius intercessionis*) [\[17, с. 72-90\]](#). Наконец, по свидетельству Диона Кассия в передаче позднего автора XII в. Иоанна Зонары (*Zonar.*, VII, 19), именно с 449 г. до н. э. высшие магистраты, прежде называвшиеся преторами, стали называться консулами.

Ещё одна проблема, которой пытался дать объяснение С. И. Ковалев, — это характер государственного устройства Римской республики. Римская конституция как она сложилась к началу III в. до н.э., по его мнению, была весьма далека от идеала античной демократии: руководящая роль нобилитета, огромное значение сената, неорганизованность народного собрания — все это делало из Рима скорее олигархический, чем демократический полис [\[3, с. 87\]](#). Такой консерватизм римского государственного строя по сравнению с передовыми рабовладельческими демократиями объяснялся, по его мнению, аграрным характером хозяйства Италии и отсутствием в ней достаточных предпосылок для развития простого товарного производства, что обусловило недостаточный рост торгово-ремесленных элементов города. Именно слабость городской демократии привела к компромиссу между верхушкой плебса и патрициатом и созданию новой олигархии нобилей [\[20, с. 93\]](#). На смену старой родовой знати патрициев пришла новая знать (нобилитет), и римская республика III в. была, в сущности, олигархическим, а не демократическим полисом [\[6, с. 93\]](#).

Признание олигархического характера римской республиканской государственности было практически повсеместным в историографии эпохи Ковалева: правда, тон исследований задавало в этот период просопографическое направление М. Гельцера и Ф. Мюнцера, утверждавшее о неформальных инструментах власти и влияния как основах господства нобилитета [\[18; 19\]](#).

Выводы

Подводя итоги, следует заметить, что последние годы жизни С. И. Ковалева были посвящены изучению истории раннего христианства. Его работа в Музее истории религии и атеизма способствовала появлению ряда публикаций по этой тематике [\[20; 21; 22\]](#). О неподдельном интересе историка к этим сюжетам говорит и переписка С. И. Ковалева с итальянским историком христианства А. Донини, профессором кафедры истории христианства в Бари, марксистом и генеральным секретарем Итальянской Ассоциации по развитию культурных связей с Советским союзом [\[23\]](#).

Любопытно привести некоторые детали из этой переписки: например, жалобы Донини на то, что в Италии научные и исторические издания почти никогда не превышают 2000 экземпляров тиража, что несопоставимо с тиражами научных изданий в Советском Союзе. Также Донини признавался Ковалеву, что итальянские историки марксистского

направления вынуждены делить время между научными занятиями и активной политической деятельностью, поскольку общественная жизнь в Италии должна быть радикальным образом преобразована перед тем, как можно будет заняться наукой более кропотливо. Парламентская работа занимала у него 15-20 дней в месяц, что сильно сокращало возможности систематического исторического исследования [23, с. 2-3].

Незадолго до смерти ленинградского профессора журнал *Deutsche Literaturzeitung* в письме от 8 октября 1960 г. предлагал ему написать рецензию на книгу выдающегося итальянского историка Санто Мадзарино «*La Fine del Mondo Antico*» [24]. Остается только пожалеть, что эта рецензия так и не увидела свет.

В целом, несмотря на отмечаемые в исследовательской литературе схематизм и упрощенчество в научном творчестве первых десятилетий советской власти, догматизм марксистского формационного учения и тяготение советских ученых к широким обобщениям, окидывая взором опыт научной деятельности С. И. Ковалева и его суждения по основным проблемам истории Римской республики, невозможно признать их поверхностными или находящимися в отрыве от тогдашних тенденций в развитии историографии римской истории в ведущих европейских странах. В этой связи стоит особо отметить готовность историка-марксиста с вниманием и уважением подойти к изучению произведений выдающихся отечественных дореволюционных историков античности, в первую очередь, И. В. Нетушила. В такой консервативной дисциплине как антиковедение опора на традиции исследовательской школы всегда представляла собой важное подспорье для успеха начинающего исследователя.

Библиография

1. Фролов Э.Д. Русская наука об античности (историографические очерки). СПб: Издательство СПбГУ, 1998.
2. Скворцов А.М. Советский историк Сергей Иванович Ковалев: становление ученым // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. 2. С. 170-177. URL: https://magistravitaejournal.ru/images/2_2017/Skvortsov.pdf (дата обращения: 04.04.23).
3. Ковалев С.И. История античного общества. Ч. 2. Эллинизм. Рим. Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936.
4. Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II. Leipzig: Hirzel, 1874.
5. Дементьева В.В. Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2004.
6. Ковалев С.И. История Рима. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946.
7. Нетушил И.В. Очерк римских государственных древностей. Харьков: Тип. А. Дарре, 1894.
8. De Francisci P. *Primordia civitatis. Romae*: Apollinaris, 1959.
9. Momigliano A. *Praetor Maximus e questioni affini* // *Studi in onore di G. Grossi*. Vol. I. 1968. P. 161-175.
10. Magdelain A. *Praetor Maximus et Comitatus Maximus* // *Iura*. 20. 1969. P. 257-286.
11. Bernardi A. *Dagli ausiliari del rex ai magistrati della res publica* // *Athenaeum*. XXX. 1952. P. 3-58.
12. Ihne W. *Forschungen auf dem Gebiet der römischen Verfassungsgeschichte*. Frankfurt am Main: HJ. Kessler, 1847.
13. Schwegler A. *Römische Geschichte*. Bd. III, Tübingen: Laupp, 1858. S. 379.

14. Beloch K.-J. Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege. Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter & co., 1926.
15. Fritz K. von The Reorganisation of the Roman Government in 366 B.C. // Historia. 1950. 1. P. 3-44.
16. Bunse R. Das römische Oberamt in der frühen Republik und das Problem der "Konsulartribunen". Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 1998.
17. Дементьева В.В. Возникновение коллегиальности римских магистратов // Исследования по древней истории и культуре. 2003. 2. С. 72-90.
18. Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik. Berlin-Leipzig: Teubner, 1912.
19. Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart: Metzler, 1920.
20. Ковалев С. И. Миф об Иисусе Христе. Л., 1954.
21. Ковалев С. И. Основные вопросы происхождения христианства // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. II. 1958. С. 3-25
22. Ковалев С. И., Кубланов М. М. Найдены в Иудейской пустыне: открытия в районе Мертвого моря и вопросы происхождения христианства. М., 1960.
23. ОР РНБ. Ковалев С. И. Ф. 1433, ед. хр. 45.
24. ОР РНБ. Ковалев С. И. Ф. 1433, ед. хр. 68.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Римская республиканская государственность в трудах С.И. Ковалева».

Предмет исследования обозначен автором в заголовке статьи и разъяснен в самом тексте статьи.

Методологическую основу исследования, что следует из ее текста, составляют принципы объективности, историзма, критический подход к использованию информации. Это позволило изучить научные взгляды С.И. Ковалева с учетом конкретно-исторической обстановки, проследить динамику их изменений. Оценка научных взглядов С.И. Ковалева исходит из уровня развития знаний современной ему эпохи. Представляется, что в работе использован также микроисторический анализ, в рамках которого применяются историко-антропологический и просопографический подходы, предполагающие исследование биографии, общественно-политической и научной деятельности С.И. Ковалева с целью анализа его представлений о Римской республиканской государственности, но с целью показать влияние С.И. Ковалева на развитие исторической науки в нашей стране и за рубежом.

С.И. Ковалев внес значимый вклад на становление и развитие советского антиквидения. Становление С.И. Ковалева как историка проходило в 1920-ые годы в период становления советской исторической науки. Автор статьи пишет, что С.И. Ковалев не только «транслировал марксистские постулаты о древней истории, но высказывал оригинальные идеи», которые в какой-то мере противоречили марксизму. Актуальность рецензируемой статьи определяется тем, что в ней исследуются взгляды С.И. Ковалева «на процессы становления гражданской общины в Риме» и его гипотезы «по отдельным вопросам развития римской республиканской государственности». С другой стороны, С.И. Ковалев родился в конце XIX века и как историк сложился в 1920-ые годы и становление его взглядов как историка представляют интерес как с точки зрения

становления советского антиковедения (Ковалев был фактически его создателем), так и с точки зрения изучения судьбы историка в период глобальных перемен.

Сергей Иванович Ковалев – один из известных советских историков первой половины XX века, труды его не потеряли актуальности до настоящего времени. Автор статьи пишет, что его «курс истории древнего Рима (1948 г.), который получил признание не только у нас в стране, но и в Европе, будучи многократно переиздан на итальянском и испанском языках (достаточно упомянуть, что одно из последних испанских изданий вышло в Мадриде в 2007 г.)».

Научная новизна статьи определяется тем постановкой проблемы. В статье фактически впервые рассмотрены взгляды С.И. Ковалева на древнюю историю Рима, отражена эволюция его взглядов (от поддержки в 1920-ые годы модернистского подхода к античной истории и отход от нее в начале 1930-х годов). Автор подчеркивает, С.И. Ковалев высказал точку зрения о причинах формирования неравной коллегиальности в Древнем Риме, которая была принята западными исследователями на несколько десятилетий позже и предполагает, что западные историки, видимо, заимствовали ее у С.И. Ковалева после прочтения его работы по истории Древнего Рима.

Стиль статьи научный, Структура направлена на достижение цели исследования и ее задач. Структура состоит из введения, основной части и выводов.

Библиография работы насчитывает 20 источников (это труды предшественников о С.И. Ковалеве, работы самого Сергея Ивановича Ковалева, труды российских и зарубежных историков по истории Римской республиканской государственности и смежных тем, а также фундаментального труда В.И. Нетушил «Очерк римских государственных древностей»). Библиография оформлена по требованиям журнала.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи и в библиографии.

Выводы вытекают из проделанной работы и объективны. Статья имеет признаки научной новизны и представляет интерес для читателей журнала.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Тихонов А.А. — Музыкально-творческая жизнь в Тарском Прииртышье второй половины XX в.: этапы, сообщества, личности // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.40582 EDN: QWXUUU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40582

Музыкально-творческая жизнь в Тарском Прииртышье второй половины XX в.: этапы, сообщества, личности

Тихонов Александр Александрович

ORCID: 0000-0002-2935-9872

Заведующий отделом научно-методической и просветительской работы Мультимедийного исторического парка "Россия - моя история" (г. Омск)

644074, Россия, Омская область, г. Омск, ул. 70 Лет Октября, 25, корпус 2, оф. Исторический парк

 tihonovboss@mail.ru

[Статья из рубрики "Культура и культуры в историческом контексте"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.2.40582

EDN:

QWXUUU

Дата направления статьи в редакцию:

23-04-2023

Дата публикации:

30-04-2023

Аннотация: В статье рассматривается динамика музыкально-творческой жизни в малом городе второй половины XX в. на примере города Тары (север Омской области, Тарское Прииртышье). Статья является первой работой, систематизирующей обширный материал об истории музыкально-творческого сообщества севера Омской области рассматриваемого периода. Также в статье даётся характеристика деятельности музыкально-творческих объединений и коллективов, выявляются ключевые личности, прослеживается их влияние на культурную жизнь региона. Сложившаяся в рассматриваемый период в малом городе на севере Омской области музыкально-творческая среда характеризуется преемственностью поколений, формированием семейных творческих династий, тесной связью с деятелями культуры других направлений, влиянием на культурную жизнь севера Омской области в целом. На основе архивных документов, воспоминаний современников и иных материалов обозначаются два основных этапа развития музыкально-творческого сообщества города Тары: 1 этап - 1950-е – 1960-е гг. характеризуется появлением в Тарском Прииртышье базы для академической подготовки творческих и педагогических кадров, а также

появлением самодеятельных музыкальных коллективов под руководством специалистов в сфере культуры 2 этап – 1970-е –1990-е. характеризуется приходом в учреждения культуры поколения профессионалов, ранее участвовавших в работе музыкальной самодеятельности. В этот период складываются творческие династии, усиливается взаимодействие с литературным и театральным сообществами, получают профессиональное признание творческие коллективы, прежде рассматриваемые в качестве любительских.

Ключевые слова:

локальная история, Тарское Прииртышье, культурное гнездо, культурная жизнь, малый город, музыкальный коллектив, самодеятельность, культурное пространство, музыкальное сообщество, преемственность поколений

В последние годы краеведческое направление в значительной мере изменилось. Проблематика исследований сместилась с политических аспектов к проблематике мира культуры. Тематика философских, исторических, культурологических исследований углубляется. Хорошо зарекомендовали себя локально-исторические исследования. По мнению Л. П. Репиной, привязка «к чётко ограниченным, и потому лучше поддающимся осмыслинию социальным контекстам» [1, с. 71] привела к получению впечатляющих результатов. При этом в фокусе внимания исследователей оказываются как локальные группы, так и процессы их формирования и развития. Локальная общность начинает рассматриваться всесторонне, подобно социальному организму, микрокосму.

В регионах России публикуется большое количество исследований, направленных на изучении культурной жизни в отдельных населённых пунктах, специфику локальных групп и их генезиса. Научно-практические конференции как регионального, так и всероссийского уровня выступают площадками для представления результатов таких исследований. В Омской области при участии научного сообщества проводятся различные региональные и всероссийские конференции, в том числе «Аношинские чтения» (п. Большелеречье), «Вагановские чтения» (г. Тара), «Дравертовские чтения» (г. Омск) и др., в рамках которых публике представляются в том числе локально-исторические исследования.

Рассмотрение динамики культурной жизни встречается и в диссертационных исследованиях. Так в диссертации Е. В. Соколовой «Формирование культурного пространства малых городов среднего Прииртышья в 1920–1980-е гг.» [2] большое внимание уделяется становлению и развитию муниципальных учреждений культуры, их влиянию на культурное пространство малого города. Работа Е. В. Соколовой является первым специализированным исследованием, посвященным истории малых городов Среднего Прииртышья в условиях советского общества. Соколова пишет: «...основные тенденции в изменениях культурного пространства малых городов, как и в крупных городах, возникали под влиянием политики социалистического строительства, народнохозяйственных приоритетов и идеологических установок на формирование ценностей новой культуры» [2, с. 44]. При этом Е. В. Соколова отмечает, что «каркасом культурного пространства городов является архитектурно-планировочная среда» [2, с. 141], лишь вскользь касаясь темы роли личности, индивидуальной инициативы при формировании и развитии творческих объединений и культурного пространства в целом. Также стоит выделить работу Н. А. Седельниковой «Областное краеведение как

социокультурный феномен (на материалах среднего Прииртышья 1930-е — 1980-е гг.)» [3], в котором она рассматривает влияние краеведов на культурное пространство региона, в том числе на примере города Тары и Тарского Прииртышья.

Основные понятия, используемые в нашей работе, получили апробацию в междисциплинарных практиках на стыке истории, культурологии и ряда других дисциплин. Ключевое понятие в данной работе — «культурное пространство», трактуемое как совокупность социально-культурных объектов, связанных с созданием и распространением культурных ценностей на определённой территории. Также в данной статье мы опираемся на такие понятия, как «локальная история» (как практика историописания, имеющая целью конструирование местной исторической памяти) и «культурное гнездо» (опираясь на современные трактовки работы Н. К. Пиксанова [4] — как территория складывания особой социокультурной среды).

Написание данной статьи велось с опорой на социальный подход к истории культуры XX века, активно применявшимся В. Л. Соскиным и новосибирскими исследователями, работавшими под его руководством. Дополняют этот подход методологические практики «новой локальной истории». Ключевыми исследованиями, к которым мы обращаемся в рамках исследования, можно назвать труды С. О. Шмидта [5], теоретико-методологические работы Т. А. Булыгиной и С. И. Маловичко [6], М. И. Мохначёвой [7], М. Ф. Румянцевой [8], Л. П. Репиной [11], О. Б. Леонтьевой [9] и ряда других исследователей.

Были проанализированы материалы периодической печати и архивные фонды, отражающие историю развития музыкальных коллективов и музыкально-педагогического направления в учебных заведениях Тарского Прииртышья второй половины XX в. В числе рассмотренных материалов документы делопроизводства, воспоминания непосредственных участников творческого процесса на севере Омской области и др.

В данной статье предпринимается попытка на основе вышеназванных документов проследить процесс изменений в музыкально-творческой жизни Тарского Прииртышья второй половины XX в. в динамике, обозначить ключевых деятелей: композиторов, педагогов, исполнителей, а также рассмотреть влияние учреждений культуры и образования на подготовку творческих кадров и культурную жизнь севера Омской области. Одна из задач статьи — обозначение основных вех творческого пути наиболее значительных деятелей музыкальной культуры Тарского Прииртышья. Учитывая отсутствие комплексных работ, посвящённых истории музыкально-творческой жизни Тарского Прииртышья, данная статья является первой работой, систематизирующей обширный материал об истории музыкальной жизни севера Омской области рассматриваемого периода.

Рассматривая музыкально-творческую жизнь Тарского Прииртышья можно выделить два основных этапа развития музыкально-творческого сообщества:

1 этап - 1950-е – 1960-е гг. характеризуется появлением в Тарском Прииртышье базы для академической подготовки творческих и педагогических кадров (Омская областная культпросветшкола), а также появлением самодеятельных хоровых и иных музыкальных коллективов под руководством специалистов в сфере культуры. Это период выстраивания связей между профессионалами и музыкантами-любителями, вовлечения населения в музыкально-творческую жизнь, формирования полноценного локального творческого сообщества.

2 этап – 1970-е –1990-е. характеризуется приходом в тарские учреждения культуры поколения профессионалов, многие из которых в юности участвовали в работе музыкальной самодеятельности, получили академическое образование и вернулись на малую родину с необходимым багажом знаний и пониманием культурного пространства Тарского Прииртышья. В этот период складываются творческие династии, усиливается взаимодействие с литературным и театральным сообществами, получают профессиональное признание творческие коллективы, прежде рассматриваемые в качестве любительских.

Рассмотрим ключевые события и обозначим наиболее значимых деятелей музыкально-творческого сообщества каждого из периодов.

С 50-х гг. XX в. музыкальную подготовку в городе Таре и Тарском Прииртышье обеспечивала Омская областная культурно-просветительская школа. Педагогами по классу баяна в ней работали М. Я. Загоренко, В. К. Антипов, А. А. Экгардт, хоровое искусство преподавала Э. Толпигина.

По сёлам района ездили агитбригады под руководством А. А. Экгардта и П. П. Лакетко. В 1950 г. в городе открылась детская музыкальная школа, педагогами которой стали выпускники Омского музыкального училища им. В. Я. Шебалина: Е. Н. Зинкова, М. С. Трушников, М. Я. Загоренко и другие. В 1975 г. было открыто хоровое отделение, которое возглавляла М. С. Щетинина. Под руководством Петра Филипповича Маципуло (позже при В. К. Антипове и Р. В. Соколовой) действовал хор при Доме культуры.

Преподаватель школы искусств Евгения Емельянова вспоминает, что именно в этот период обучение игре на аккордеоне «...развивается в Таре благодаря первому профессиональному аккордеонисту Михаилу Яковлевичу Загоренко, который приехал в Тарскую музыкальную школу в 50-х гг.» (Юбилиар о юбиляре. Интервью с Емельяновой Евгенией Федотовной // Тарагород: сайт. Режим доступа: https://taragorod.ru/news/tarskoj_detskoj_shkole_iskusstv_60_let/2011-03-30-242. Дата обращения: 11.01.2023).

В 1954–1955 гг. в Таре преподавателем по классу фортепиано работал выпускник Царскосельского лицея, профессор Шанхайской консерватории, композитор Сергей Сергеевич Аксаков, правнук русского классика Сергея Аксакова. А. Кулешов пишет: «Ему удалось получить работу руководителя фортепианных и теоретических классов в музыкальной школе города Тара Омской области. В то время это был провинциальный, исключительно деревянный одноэтажный городок» [10].

Описывая ситуацию в культуре этого периода, журналисты пишут: «На подъёме была художественная самодеятельность. Крупные творческие коллективы были созданы в больнице, на заводе им. Чкалова, в районном узле связи, речном порту, РПУ бытового обслуживания, в школах и учебных заведениях. <...> С размахом проходили ежегодные фестивали молодёжных коллективов художественной самодеятельности «Иртышские зори» (Тарскому комсомолу — 100 лет // Тарское Прииртышье: сайт. Режим доступа: <https://tp-tara.ru/news/1846>. Дата обращения: 27.03.2023).

В 1954 г. Пётр Филиппович Маципуло организовал в Таре хор. В газетной публикации 1959 г. о коллективе хора пишут так: «В хоре много энтузиастов и истинных любителей пения различных возрастов и профессий. Среди них К. Сергеева из общества слепых, П. Ростиков из районной больницы, солисты: инструктор ДОСААФ Н. Гудинов, инженер лесхоза В. Гритчин, преподаватель КПШ А. Николаенко, воспитательницы Р. Козлова и многие другие» (Кузьмин, А. Звучат песни // Ленинский путь. - 1959, 4 февр. - С. 4).

После Маципуло хор возглавил Виктор Кузьмич Антипов, продолжив развивать его, и в 1968 г. хору было присвоено звание народного.

Знаковая личность для музыкально-творческого сообщества Тарского Прииртышья — педагог, выпускница Новосибирской консерватории Раиса Ивановна Беззубова.

Е. А. Кабанова вспоминает: «На всеобщей волне увлечения художественной самодеятельностью блистал и учительский коллектив нашей школы. Р. И. Беззубова стала руководителем ансамбля. Именно она определила наших солистов — Т. Г. Мезенину и А. Д. Беззубова»^[11]. Вторит ей М. С. Щетинина: «Раиса Ивановна работала в педагогическом училище, однако её часто приглашали в музыкальную школу. Получалось, что она совмещала работу в двух учреждениях и в каждом старалась собрать вокруг себя единомышленников, была сторонницей методики Сухомлинского. Страстный хоровик, она сформировала из педагогов музыкальной школы камерный хор, а в педучилище организовала увлечённых музыкой педагогов заниматься в хоре» (Материалы беседы с М. С. Щетининой 11.10.2021 // Личный архив автора).

В сентябре 1968 г. в районном Дворце культуры появился коллектив баянистов и аккордеонистов, насчитывавший более двадцати участников. Год спустя он стал оркестром русских народных инструментов. Музыканты вспоминают: «Занятиям оркестра мешало отсутствие нужных инструментов. <...> Пришлось пересмотреть планы работы. На базе баянского оркестра решили создать оркестр русских народных инструментов» (Фотоальбом с воспоминаниями об истории создания и становления оркестра русских народных инструментов Тарского районного Дома культуры, составленный В. В. Ольшанским. 1972 г. // Архивный отдел Администрации Тарского муниципального района Омской области. Ф. Р-52. Оп. 1. Ед. хр. 12)..

В оркестр русских народных инструментов шли люди разных профессий и возрастов, объединённые любовью к искусству. Звучали золотые голоса тарской культуры: Владимир Шевелёв, Валентина Долгова, Фаина Смирнова, Нина Шиковец, Николай Лисовой, Ирина Фреер, Николай Мальцев, Леонид Торопов, Ирма Фриц. Оркестр исполнял песни на стихи местных поэтов. Звучал «Тарский вальс» (поэт Михаил Белозёров), Юрий Конышев написал песню «Тарские колокола» (поэт Сергей Мальгавко) и т.д.

Важную роль в становлении оркестра сыграл В. В. Ольшанский, позже удостоенный звания заслуженного работника культуры РСФСР и звания заслуженного работника культуры Российской Федерации. Ольшанский родился в Таре. В 1959 г. окончил Омское музыкальное училище им. В. Я. Шебалина по классу аккордеона, после чего вернулся в родной город и поступил работать в Тарскую школу искусств. С 1968 по 1973 гг. учился на заочном отделении института культуры города Улан-Удэ по специальности «Оркестровое дирижирование». С 1993 по 1998 гг. руководил Тарской школой искусств.

Второй этап в развитии музыкально-творческого сообщества — время создания различных музыкальных коллективов. При содействии Г. В. Михайлова сформирован духовой оркестр, творческие коллективы на предприятиях, ансамбль «Ретро». В 1993 г. в Таре появился вокальный ансамбль «Рябинушка». Инициаторами его создания стали ветераны педагогического труда Нина Дмитриевна Белянина и Инна Васильевна Дёрина, а основателем и первым руководителем ансамбля стал Артур Адольфович Экгардт. Позже его сменил Геннадий Владимирович Михайлов, а затем — Татьяна Александровна Михайлова.

В 1971 г. Оркестру русских народных инструментов присвоили звание народного. В 1979 г. тарчане стали лауреатами премии Омского комсомола. Вот лишь некоторые достижения коллектива в этот период: лауреат I Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества, дипломант Всероссийского зонального конкурса оркестров в г. Челябинске (1990 г.) и I Всесибирского конкурса в г. Красноярске (1992 г.) и т. д.

Тарские журналисты сообщают: «Играли в оркестре семьями: Евгений Иванович и Нина Викторовна Назаренко, Евгений и Вера Гуляевы вместе с сыном Алексеем, Владимир и Наталья Шевелёвы, Виктор и Тамара Калекины, Людмила и Николай Лисовые, Анатолий и Любовь Фёдоровы, братья Александр и Геннадий Михайловы вместе с супругой Геннадия Татьяной... Владимир Васильевич научил играть на домре супругу, Любовь Ильиничну, которая работала детским врачом, и она тоже вошла в состав оркестра» (Тарскому комсомолу — 100 лет // Тарское Прииртышье: сайт. Режим доступа: <https://tp-tara.ru/news/1846>. Дата обращения: 27.03.2023).

Один из воспитанников оркестра — музыкант Анатолий Валентинович Фёдоров. Будучи школьником, он пришёл в оркестр русских народных инструментов, а после окончания школы в 1970 г. устроился аккомпаниатором в районный Дом культуры. В 1973 г. поступил в Омское музыкальное училище им. В. Шебалина на отделение народных инструментов, по окончании которого был направлен в Тарскую школу искусств преподавателем музыки по классу баяна (с 1977 г.). Окончил Новосибирскую консерваторию. В 1986 г. он возглавил оркестр русских народных инструментов и до сих пор остаётся его руководителем и дирижёром. В 1998 г. Фёдоров занял пост директора детской школы искусств.

Его супруга, Любовь Николаевна, в 1989 г. организовала в Таре детский фольклорный ансамбль «Небылицы». В 1991 г. коллектив получил звание народного. В копилке достижений «Небылиц» победы в областных конкурсах «Омская звезда», «Звонкие голоса», конкурса русской песни им. Е. Калугиной и множество других всероссийских и международных наград.

Музыкальное творчество в Таре неразрывно связано с именем педагога Веры Алексеевны Шнитко. В 1979 г. она с отличием окончила фортепианное отделение музыкальной школы. Наставницей Шнитко была Раиса Ивановна Беззубова. Продолжив музыкальное образование, в 1982 г. Шнитко окончила Свердловскую государственную консерваторию им. Мусоргского, а в 1985 г. с красным дипломом окончила дирижёрско-хоровое отделение Омского музыкального училища им. Шебалина.

Вера Алексеевна выступала инициатором создания хоровой смены в оздоровительном детском лагере «Лесная поляна», где участники хора отдыхали и занимались вокалом. Она же вошла в группу педагогов, выступивших в 1994 г. с инициативой создания филиала школы искусств на базе тарской СОШ № 4.

С 1994 по 1997 гг. она руководила хором преподавателей ДШИ, с 1995 г. — вокальным квартетом «Кантитела». С 1991 по 2000 гг. руководила церковным хором Спасского кафедрального собора.

Долгое время Шнитко возглавляла методическое объединение преподавателей хорового состава северных районов и предложила проект проведения зональных семинаров-практикумов с участием ведущих педагогов области и фестиваля вокально-хоровой музыки «Вдохновение» им. Р. И. Беззубовой для северных районов.

Ученики В. А. Шнитко — победители зональных, всероссийских и международных музыкальных конкурсов, продолжатели творческой традиции.

Одна из наиболее известных музыкальных династий — семья Шевелёвых. Глава семьи, Владимир Александрович Шевелёв в 1972 г. получил должность руководителя хора Дома культуры. В эту пору он также вёл уроки музыкальной литературы. Когда в 1976 г. музыкальная и художественная школы были объединены в одну детскую школу искусств, Шевелёв получил должность заместителя директора её музыкального отделения. К тому времени Владимир Александрович был опытным педагогом, и в кратчайшие сроки добился включения в учебный план класса инструментального эстрадного ансамбля для учащихся старших классов школы, был сформирован quartet из педагогов. В 1988 г. при школе искусств открыто эстрадное отделение.

Ирина Сумина в статье «Подвижник культуры» пишет: «В 1994 году принял активное участие в подготовке Дня города, а именно был одним из организаторов, автором и исполнителем конкурса песен, посвящённого 400-летию города. В. А. Шевелёвым подготовлен к печати сборник песен на стихи тарских поэтов Сергея Мальгавко, Александра Дерюшева, Михаила Белозёрова, омской поэтессы Татьяны Четвериковой» [\[12, с. 84\]](#).

Долгое время Шевелев руководил ансамблем «Элегия». Этот коллектив начал формироваться в 1970 г. «Пятеро школьных приятелей — Юрий Макаров, Женя Жемчугов, Володя Тарабукин и два Александра — Князьков и Пирогов, вдохновлённые творчеством английских групп «Битлз» и «Роллинг Стоунз», не имевшие специального музыкального образования, взяли в руки инструменты, и грязнуль над Тарой рок-н-ролл» (Сибирская И. В городском саду играет... // Тарское Прииртышье. 2012, 25 июля. С. 17). Но лишь под руководством В. А. Шевелева в 1972 г. он получил название и оформился как полноценный ансамбль. С 1973 г. «Элегия» принимала участие в различных региональных конкурсах и фестивалях. В 1976 г. - в песенном фестивале в Сочи.

Супруга композитора, Наталья Алексеевна Шевелёва — выпускница Тарской музыкальной школы (ученица Р. И. Беззубовой), музыкант и педагог. С именем Шевелёвой связано укрепление эстрадного и хорового отделений, подготовка плеяды учеников. «Я необычайно счастлива, — пишет Шевелёва, — что из всех моих учеников нет ни одного потерянного, у всех специальности, все при работе, и никто не оказался за бортом жизни. Если взять нынешний коллектив школы искусств, то половина педагогов — мои ученики: Галя Власова, Лена Сибирская, Марина Лаврук-Зизина и другие. Ира Сапронова работает директором Знаменского дома культуры, Лена Атюрьевская (Телегина) живёт в Санкт-Петербурге, руководит музыкальным театром «Колокольчик». Она сама пишет песни, стихи, уже выпустила несколько сборников» (Бергутова И.А. Семь нот Натальи Шевелёвой // Тарское Прииртышье. 2000, 2 авг. С. 4).

После смерти В. А. Шевелева в 2005 г. была учреждена премия имени Владимира Шевелёва «За вклад в развитие культуры». Первую премию вручили семье Шевелёвых — вдове, педагогу-музыканту Наталье Алексеевне, и сыну, композитору и исполнителю Дмитрию Шевелёву.

Татьяна Бурундукова пишет: «Директор фестиваля «Душа России» Александр Николаевич Толстобоков сообщил аудитории приятную весть о том, что песне Владимира Шевелёва «Город Омск» в нынешнем году будет предоставлено почётное право первой прозвучать на открытии Дня города Омска, и предложил присвоить прославленному маэстро титул «Патриот Омской области» (Бурундукова Т. В. И память о нём как песня //

Тарское Прииртышье. 2005, 11 авг. С. 3).

Сейчас премия им. В. А. Шевелёва — одна из наиболее значимых наград для деятелей культуры Тарского Прииртышья. Она стала символом признания достижений музыкантов, художников, писателей, просветителей, работников учреждений культуры.

Культурная жизнь Тарского Прииртышья рассматриваемого периода богата на события и разнообразна. Одно из ключевых направлений – музыкальное творчество. На развитие культурной жизни Тары второй половины XX в. значительно повлияли выпускники Омской областной культурно-просветительной школы, педагоги Тарской школы искусств, представители творческих коллективов, таких как оркестр русских народных инструментов и ансамбль «Элегия».

Важна тесная взаимосвязь в творческом сообществе, где участники самодеятельности и педагоги школы искусств зачастую являлись учениками музыкантов, окончивших кульпросветшколу или музыкальное училище им. Шебалина, а уже их ученики повторяли путь наставников, связывая свою судьбу с музыкальным творчеством и обучением в соответствующих учебных заведениях.

В воспоминаниях современников мы находим детали, необходимые для соотнесения изменений, происходивших в культурном пространстве Тарского Прииртышья и личностного вклада музыкантов в вышеназванный процесс. Сложившиеся в рассматриваемый период семейные творческие династии музыкантов: Шевелёвых, Михайловых, Фёдоровых и тесные рабочие и товарищеские отношения между тарскими музыкантами позволили сформировать в Тарском Прииртышье музыкально-творческую среду, характеризующуюся преемственностью поколений, тесной связью с деятелями культуры других направлений, взаимодополняющей деятельность музыкальных коллективов.

Библиография

1. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже ХХ-ХХI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
2. Соколова Е.В. Формирование культурного пространства малых городов среднего Прииртышья в 1920–1980-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008. 255 с.
3. Седельникова Н.А. Областное краеведение как социокультурный феномен (на материалах среднего Прииртышья. 1930-е – 1980-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. 202 с.
4. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда: Историко-краеведный семинар. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1928. 148 с.
5. Шмидт С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. 612 с.
6. Булыгина Т.А., Маловичко С.И. Новая локальная история: новые исследовательские практики // Новая локальная история. Сб. научных статей. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 7-18.
7. Мохначёва М.И. Провинциальная историография и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия // Новая локальная история. Сб. научных статей. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 202-215.
8. Румянцева М.Ф. Новая локальная история и современное гуманитарное знание // Новая локальная история. Сб. научных статей. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 271-275.

9. Леонтьева О.Б., Репина Л.П. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // История: электронный научно-образовательный журнал. №9 (42), 2015.
10. Кулешов А. Сергей Аксаков — композитор, правнук писателя // Бельские просторы: общественно-политический и литературно-художественный журнал. №9, 2006. С. 118-123.
11. Кабанова Е.А. Слово о школе // Таряне: литературно-краеведческий альманах: вып. IX. Омск: Амфора, 2020. С. 61-63.
12. Сумина И.Н. Подвижник культуры // Таряне: литературно-краеведческий альманах: вып. №5, 2017. С. 84-89.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Музыкально-творческая жизнь в Тарском Прииртышье второй половины XX в.: этапы, сообщества, личности»

Предмет исследования обозначен в названии статьи и разъяснен автором в тексте.

Методология исследования. Автор использует комплексный и междисциплинарный подход и опирается на методологические основания исторической науки. Используются также принципы системного подхода, и принципа историзма. Были применены повествовательно-описательный и сравнительно-исторический методы, а также биографический метод. В работе использованы подходы новых направлений («новая локальная история»), социальный подход к истории культуры и др.

Актуальность темы определяется тем, пишет автор статьи, что в настоящее время «тематика философских, исторических, культурологических исследований углубляется. При этом в фокусе внимания исследователей оказываются как локальные группы, так и процессы их формирования и развития». Актуальность работы определяется тем, что исследуется культура локального пространства, автор использует термин «культурное пространство» и трактует его как совокупность социально-культурных объектов, связанных с созданием и распространением культурных ценностей на определённой территории. Актуальность темы определена и тем, что изучение культурного пространства проводится с использованием комплексного междисциплинарного подхода с использованием принципа историзма и разнообразных методов.

Новизна работы определяется тем, что в данной работе фактически впервые будет проведен анализ процессов изменений в музыкально-творческой жизни Тарского Прииртышья второй половины XX в. в динамике. Новизна определяется также тем, что будут выделены акторы культурного пространства: учреждения культуры и деятели культуры -композиторы, педагоги, исполнители. Автор отмечает новизну работы и пишет, что «учитывая отсутствие комплексных работ, посвящённых истории музыкально-творческой жизни Тарского Прииртышья, данная статья является первой работой, систематизирующей обширный материал об истории музыкальной жизни севера Омской области рассматриваемого периода».

Стиль статьи научный с элементами описательности, что делает статью понятной и для широкого круга читателей. Структура работы нацелена на достижение цели и задач исследования. В начале статьи автор объясняет методологию исследования, ее актуальность и источниковую базу. В целом статья логично выстроена, было бы желательно разделить работы на разделы: введение, основная часть и заключение. Это

напрашивается по содержанию статьи выделить эти разделы не представляет труда. Название работы соответствует ее содержанию. Автор выделяет два этапа развития музыкально-творческого сообщества исследуемого региона. 1 этап - 1950-е - 1960-е гг. «характеризуется появлением в Тарском Прииртышье базы для академической подготовки творческих и педагогических кадров (Омская областная культпросветшкола), а также появлением самодеятельных хоровых и иных музыкальных коллективов под руководством специалистов в сфере культуры». 2 этап - 1970-е -1990-е. характеризуется приходом в тарские учреждения культуры поколения профессионалов, получивших академическое образование. В каждом из этапов автор выделяет акторов культурного процесса и выделяет наиболее значимые события.

Библиография работы состоит из 11 источников (по теме исследования и по смежным темам, а также работы о некоторых видных деятелей культуры исследуемого региона). Представленная библиография достаточна для изучения заявленной темы. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи и в библиографии. Статья будет интересная читателям журнала и достаточно широкой читательской аудитории.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Капсаликова К.Р. — Нина Николаевна Белова и исследования античного города в Уральском университете //

Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.40555 EDN:

QOXUAX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40555

Нина Николаевна Белова и исследования античного города в Уральском университете

Капсаликова Карина Рамазановна

ORCID: 0000-0003-4163-5099

кандидат исторических наук

доцент, кафедра зарубежного регионоведения, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

623280, Россия, Свердловская обл. область, г. Екатеринбург, ул. Проспект Ленина, 51, ауд. 358

✉ carinne.kapsalikova@gmail.com

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.2.40555

EDN:

QOXUAX

Дата направления статьи в редакцию:

23-04-2023

Дата публикации:

30-04-2023

Аннотация: В современном российском обществе интерес к биографии неуклонно растет. Старые мифологизированные концепты, штампы и «темные пятна» все чаще оказываются дискредитированы архивными данными. Статья посвящена научной биографии кандидата исторических наук, доцента кафедры всеобщей истории Н. Н. Беловой (1917–2012). Автор на основе архивных материалов восстанавливает ход работы советского эпиграфиста над проблематикой диалектического континуитета. Во второй половине 1960-х гг. Н. Н. Белова работала над комплексом проблем, касающихся галлоримской виллы как хозяйственной ячейки, связанной с городом. Автор использовал биобиблиографический метод, а также наработки в области повседневной истории. В статье впервые публикуется письмо М. Я. Сюзюмова к Н. Н. Беловой. Материалы, представленные в этой статье, позволяют оттенить важный аспект научной работы выдающегося советского ученого, доктора исторических наук, профессора М. Я. Сюзюмова (1893–1982), – изучение генезиса античного города. Важнейшим результатом работы стало восстановление важнейших вех научной биографии Н. Н. Беловой,

историка, входящего в «ближний круг» М. Я. Сюзюмова. Автор использовал биобиблиографический метод, а также наработки в области повседневной истории. В статье впервые публикуется письмо М. Я. Сюзюмова к Н. Н. Беловой.

Ключевые слова:

историография, источниковедение, эпистолография, эпиграфика, Белова, Сюзюмов, диалектический континуитет, научная биография, СССР, Уральский университет

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 22-28-01455, <https://rscf.ru/project/22-28-01455/>

Введение

В современном российском обществе интерес к биографии неуклонно растет. Старые мифологизированные концепты, штампы и «темные пятна» все чаще оказываются сметенными ураганом «архивной революции» [1, с. 130–134]. Итоги многолетних научных изысканий становятся предметом пристального анализа [2, с. 634–641; 3, с. 18–24]. Другой важной тенденцией является интерес к историософским проблемам. При этом само слово – историософия – постепенно вытесняется из исследовательского словаря, и все чаще ответы на «вызовы времени» формулируются в духе метамодерна и других искусственных конструкций.

Мы далеки от структуралистских построений в духе историка техники Дерека Джона де Солла Прайса (*Derek John de Solla Price*, 1922–1983). Он, романтизируя процесс научного поиска, и желая сделать его привлекательным для студентов «бушующих» 1960-х гг. писал: «Большая наука склонна сдерживать некоторые проявления индивидуализма. Появление совместной работы и невидимых колледжей, само предоставление превосходных условий – все это направлено на достижение конкретных целей в исследованиях. Все это, по-видимому, направляет научный прогресс на достижение тех целей, ради которых была создана группа или проект. Это старый аргумент против планирования исследований, и он всегда вызывает реакцию, что мы должны быть осторожны, чтобы дать каждому человеку возможность думать, позволить ему идти по следу, куда бы он ни привел» [4, р. 108]. Однако соотношение исследований, проводимых в соответствии с внутренне логикой развития научного направления и формализованных требований к ученым, серьезно отразились на судьбах многих историков.

«Серьезный, вдумчивый аспирант»

Нина Николаевна Белова (1917–2012) – один из ведущих советских эпиграфистов, кандидат исторических наук, занимавшей в разные годы должности декана исторического факультета и заведующей кафедры всеобщей истории УрГУ, депутат Свердловского городского совета. Список общественных поручений, должностей и обязанностей лишь ненамного уступает списку ее публикаций. Тем не менее, систематического изложения научной биографии Н. Н. Беловой не существует. Заполнению этой лакуны – насколько позволяют имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы – посвящена данная статья.

Нина Николаевна Белова родилась 17 мая 1917 г. в семье петроградского рабочего-

краснодеревщика Николая Ивановича и его жены, домохозяйки, Веры Михайловны. В семье кроме старшей Нины были еще дети: Александр, ставший впоследствии инженером, Владимир, погибший на фронте в 1942 г. (Белов Владимир Николаевич погиб 16 июля 1942 г. в двух километрах от г. Воронежа на юго-западной окраине рощи «Сердце». Память народа . URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolitelnoe_donesenie1151100204/), будущие учителя Лев и Павлина (в замужестве Волохова). Еще одна сестра, Тамара работала иностранным корреспондентом во Всесоюзном Объединении Внешпосылторга, а ее муж служил в КГБ (Архив УрФУ, Ф. Р-2110, Оп. 1, Д. 79, Л. 5 об.). Нина Николаевна окончила школу-семилетку в московском пригороде (ст. Перовская). Потом училась два года в Школе ФЗУ при заводе № 8 имени М. И. Калинина. Н. Н. Белова работала техническим учетчиком, параллельно участь на рабфаке при заводе. После окончания рабфака, в 1937 г., Нина Николаевна поступила в МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и искусства) на исторический факультет. В 1939 г. студентка истфака МГУ приняла участие во Всесоюзной переписи населения и даже получила благодарственное письмо СНК СССР.

С наступлением войны учеба была прервана. В 1941 г. она работала нормировщиком на Московском электромеханическом ремонтном заводе, вплоть до эвакуации предприятия в г. Свердловск. Н. Н. Белова осталась преподавать историю в Мытищинской средней школе № 5. В 1944 г. Нина Николаевна восстановилась на пятый курс исторического факультета МГУ и в 1945 г. окончила его с рекомендацией в аспирантуру. Из-за ревмокардита поступить сразу не получилось, и с октября 1945 г. по август 1947 гг. Нина Николаевна работала в ВОКСе (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей) в отделе печати в должности литературного редактора.

В сентябре 1947 г. она сдала в установленные сроки все экзамены на отлично, продемонстрировав блестящее знание французского, немецкого, древнегреческого и латинского языков. История древней Греции и Рима было одним из ключевых направлений научной работы истфака МГУ. В это время на кафедре истории древнего мира и средних веков трудились специалист по римской Республике Н. М. Машкин, эллинист К. К. Зельянин. Согласно характеристике, подписанной деканом Исторического факультета МГУ Б. А. Рыбаковым и председателем Профбюро Е. Ф. Языковым, аспирантка Н. Н. Белова «принимала активное участие в общественной жизни коллектива Исторического факультета в качестве старосты аспирантов своего курса, страхового делегата коллектива кафедры древней истории, агитатора среди населения во время избирательной кампании в 1949–1950 году» (Архив УрФУ, Ф. Р-2110, Оп. 1, Д. 79, Л. 10).

В октябре 1950 г. она окончила аспирантуру. Темой ее кандидатской диссертации была «Социальные отношения в галльских городах в I-II вв. н. э.» (Белова Н. Н. Социальные отношения в галльских городах в I-II вв. н. э.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00. М., 1951. 395 с. Место защиты: Московский государственный университет). Уже 14 мая 1951 г. решением Совета МГУ ей была присвоена ученая степень кандидата исторических наук. В мае этого же года Н. Н. Белова была по распределению направлена в Уральский университет. Она работала сначала старшим преподавателем кафедры всеобщей истории, а 8 января 1955 г. была утверждена в звании доцента.

С 1953 по 1955 гг. и с 1955 по 1957 гг. – два срока – Н. Н. Белова была избрана депутатом Свердловского Горсовета. О продуктивности ее работы свидетельствуют газетные заметки тех лет. Так, на общем собрании преподавателей, студентов и служащих историко-филологического и географического факультетов УрГУ, посвященном избранию депутатов «собрание постановило также просить Нину

Николаевну Белову дать согласие баллотироваться в депутаты Свердловского городского совета» (Единодушное желание // Сталинец. 1953, 9 фев. № 5 (718)). На посту депутата Нина Николаевна вела огромную работу.

Пронзительной является статья в газете «Сталинец» о работе депутата Беловой. Вдова красноармейца Антипина — горничная гостиницы «Большой Урал» (Антипин Николай Яковлевич — красноармеец, погиб в районе д. Боровой Харьковской обл. Память народа . URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero36026375/>) содержала двоих детей и большую сестру. Десять лет подряд просила Антипина квартиру, а в ответ получала одни обещания. Нине Николаевне удалось помочь вдове, и женщина получила просторную и светлую квартиру!

Н. Н. Белова — член постоянной культурно-просветительной комиссии Свердловского Горсовета. «Нина Николаевна медленно идет по тихим улицам вечернего города, а в голове рой мыслей, вспоминаются незавершенные дела. «Студент Шакиров (Шакиров Ханиф Шакирович (род. в 1923 г.) — сержант, помкомвзвод 2 отдельного противотанкового батальона 12 истребительной бригады 61 Армии Западного фронта. В боях за населенный пункт «8 Марта» Орловская области 12 мая 1943 г. был тяжело ранен. Награжден Орденом Отечественной войны I степени (приказ Президиума ВС СССР № 204/65 от 06.08.1946 г.). В 1956 г. успешно окончил истфак УрГУ, долгое время был директором Свердловской областной специальной библиотеки для слепых. Память народа . URL: podvignaroda.ru/?#id=80060464&tab=navDetailManAward ; ГАСО, Ф. Р-2110, Оп. За, Д. 28. Л. 151 об.–152.). Завтра же поеду к нему домой». Шакиров потерял зрение на фронте. Но несчастье не сломило его. Друзья помогли, и вот он в Уральском университете. Учится не хуже других. Но — семья, трое детей, а квартира — холодильник. Как всегда обещают, но время идет, а квартиры нет. Нина Николаевна добивается — Шакиров получает новую квартиру. Можно привести много примеров заботливого, вдумчивого отношения депутата к человеческой судьбе» (Штейн И. Наш депутат // Сталинец. 1956, 12 апр. № 39 (887)).

Приведем и случай, когда деятельность депутата Беловой была не столь успешной. 27 декабря 1955 г. партсобрание УрГУ принимало решение о принятии в члены КПСС Н. Н. Беловой. В ходе обсуждения, среди похвал молодому научному сотруднику и депутату, диссонансом выступили слова преподавателя Ф. И. Сурина: «В работе ее как депутата Горсовета имеется ряд недостатков, так я, лично нуждаясь в квартире, попросил ее помочь мне. Она выразила готовность, но усилий особо не прилагала и не добилась квартиры. Мне кажется, что она должна проявлять большую активность в этой работе» (ЦДООСО, Ф. 285, Оп. 3, Д. 139, Л. 124). Он предложил продлить на год кандидатский срок Н. Н. Беловой. Итоги голосования оказались ожидаемыми: «за предложение партийного бюро университета — принять т. Белову Нину Николаевну в члены КПСС и просить Октябрьский райком КПСС г. Свердловска утвердить это решение — голосовало 131 человек, против — 1. За предложение тов. Сурина — продлить ее пребывание кандидатом в члены КПСС еще на один год — голосовало — 1 человек, против 131» (ЦДООСО, Ф. 285, Оп. 3, Д. 139, Л. 125).

В 1958–1959 гг. Н. Н. Белова совмещала доцентскую должность с административной — декана исторического факультета УрГУ. Интересно, что деканом она стала с легкой руки известного археолога Е. Г. Сурова [5, с. 25], который, уезжая на раскопки в Крым, убедил ее временно занять его должность (Архив УрФУ, Ф. Р-2110, Оп. 1, Д. 79, Л. 27). В итоге времененная замена превратилась в постоянную.

Дама Полида

Огромная общественная нагрузка отразилась на научной работе Н. Н. Беловой. Она так и не защитила докторскую диссертацию, хотя активно публиковалась в центральных научных журналах и поддерживала связь с *alma mater*. В частности, именно ей доверила кафедра истории древнего мира и средних веков писать отзыв на кандидатскую диссертацию В. И. Кузищина и других известных ученых.

Н. Н. Белова задала вектор развития антиковедения в УрГУ на много лет вперед. При этом существует лишь написана лишь небольшая, но доброжелательная биографическая справка, основанная на материалах архива УрГУ [\[6, с. 115–116\]](#). Также имеется Р. Г. Пихои: «Доцент Нина Николаевна Белова, преподававшая историю древнего Востока, была специалистом по эпиграфике древнего Рима, занималась вопросами источниковедения поздней римской истории для реконструкции социальной структуры римского общества. Но этого мы тогда не знали. <...> Курс Н. Н. Беловой по эпиграфике был интересен для тех, кто специализировался по античной археологии, но не имел отношения к моим занятиям (древнерусское право. – примеч. К. К.)» [\[7, с. 12, 20\]](#).

Об этом писал М. Я. Сюзюмов, анализируя итоги Всесоюзного совещания историков 1962 г. «Естественным результатом Совещания явился и позорный учебный план для истфаков 1964 года – по этому плану только что поступившие студенты, большей частью с производственным стажем, не умеющие еще записывать лекции и совершенно не приспособленные к чтению научной статьи, должны в три месяца пройти курс Истории древнего Востока, истории Греции и Рима – важнейшие курсы всеобщей истории! Основе всеобщей истории – древней истории – нанесен тяжелый удар» (ГАСО, Ф. Р-802, Оп. 1, Д. 33, Л. 1), [\[8, с. 295–296\]](#).

Действительно, магистральным направлением в истории классической древности и медиевистике уже к 1960-м гг. стало обращение к серии исследований в области различных вспомогательных исторических дисциплин, в том числе, эпиграфики.

Н. Н. Белова работала, как и М. Я. Сюзюмов, над комплексной научной темой «Динамика античного города и генезис феодального» (ГАСО, Р-2110, Оп. 3, Д. 512. Л. 66), а поскольку автор теории континуитета выводил европейский *burg* из античного полиса, то Н. Н. Беловой отводилась ключевая роль исследователя «генезиса генезиса», начала начать муниципальной жизни античности. Н. Н. Белова, по сути, применила теорию континуитета М. Я. Сюзюмова к истории провинции Галлии, проанализировав социальную структуру, административные процессы, аграрные отношения, определившие будущее этого региона на столетия вперед.

Хронологические рамки исследования Н. Н. Беловой охватывают V в. н. э. Это время представлялось М. Я. Сюзюмову ключевым в истории Римской империи. Так, первоначальной темой его докторской диссертации были именно проблемы истории позднего Рима. Так, еще «в течение 1945/6 уч. г. продолжал работу над основной темой «Социальный и культурный кризис в Римской Империи V–VI вв.» (ГАСО, Ф. Р-2162, Оп. 1, Д. 56, Л. 101).

Письмо М. Я. Сюзюмова к Н. Н. Беловой

Свердловск, 19 октября 1971 г.

Глубокоуважаемая дорогая Нина Николаевна,

Обращаюсь к Вам с письмом – надеюсь, не оторву Вас от работ над диссертацией. Желаю самого полного сверхуспеха!

Получил Ваше письмо... но несколько упал духом – оно отражает в Вашей работе о клиентах не Ваше сегодня, а Ваше позавчера.. Немного трудно следить за положениями.... Многое спорно, неполно. Трудно говорить об общественном институте, фактически не давая полного анализа сущности и различных его форм, и развития, и разложения. Все-таки крайне желательно иметь постоянно ввиду древнеримскую и имперскую клиентелу и клиентелу независимой Галлии, и тогда решить по аналогии о характере галльской клиентеле в ее развитии. Нельзя понимать эксплуатацию рабовладельческого периода только как индивидуальную власть над определенным лицом...

Ведь порабощались не только лица, но и целые племена в разных градациях зависимости (соции различного характера, дедитации – совершенно другой, низшей ступени порабощения, хотя и не рабы, но в порабощенной стране: у Ливия, Цицерона и Цезаря есть о них...)

Если говорить о сельских жителях, то нельзя обойтись без них. А в независимой Галлии разве не была постоянная война, с завоеваниями... Независимая Галлия развивалась в той же степени, как Италия раннеримского периода.... Вряд ли можно при определении клиентелы сепаратизировать от городской клиентелы. Ведь тогда были цивитатес – племена вокруг центров-«городов»... И римский гражданин мог жить в деревне оставаясь «горожанином»... И как-то «легко» объяснять городскую клиентелу по карикатурам сатириков! Все-таки нужно считаться с тем, что при выборах магистратов в позднеплеменном = раннерабовладельческом обществе, как в странах Запада нашего времени, были подкубы и всякого рода привлечения мелких людей.... А что касается позднеримской республики и империи – то отчасти (и очень) играло роль безвыходное положение интеллигенции, которая должна была пресмыкаться перед Меценатами! Ведь не было специальных фондов государства для поэтов, философов, историков и т. д.! (Отчасти так же нужно было художникам Возрождения пресмыкаться перед папой и знать, хотя тогда уже были некоторые учреждения...) Но без городской клиентелы ни в генезисе ни в развитии этот институт необъясним и может привести к чисто аграрным выводам, что неправильно.

Еще одно. Вы касаетесь юридических категорий. Но ведь клиентела тесно связана с юридическими институтами римского права – патронат, клиент, прекарий. Вы говорите о моральном принципе зависимости клиента – но моральная норма не приходит ею *[e o ipso* (лат.) – вследствие этого, тем самым], а есть результат длительной традиции социального института. Вы употребляете так неосторожно слово «колонат». Но разве локацио-кондукцию колона не связано с рабовладельческим строем? А если говорить о колонате, то не лучше бы употребить более точные – колони либери, колони адскрипции.

Квази колон не колон – он юридически раб – он только на пекулии, который существовал во все времена рабства (С. J. XI, 48 (47), 19–21) [8, Р. 441–442]. Общины ветеранов – не частное, а весьма широкое явление, которое так содействовало ассимиляции... Конечно, я вполне согласен с положением, что клиентела институт архаического происхождения и был как пережиток в обществе позднеримской империи. Но главное нужно считаться с новыми требованиями...

(ГАСО, Ф. Р-802, Оп. 1, Д. 151, Л. 1-1 об.)

Машинопись, отпуск.

К сожалению, письмо обрывается на полуслове. В личном фонде М. Я. Сюзюмова (ГАСО,

Ф. Р-802) продолжения письма или же ответа Н. Н. Беловой не сохранилось.

«Считаться с новыми требованиями» стало важным прогностическим замечанием. Согласно выкладкам историка права Л. А. Зайцевой, как раз в этот период наступает новый этап развития законодательства в области присуждения степеней [\[9, с. 611\]](#).

В положении 1972 г., которое было принято через полгода после представленного выше письма, к докторским диссертациям требования ужесточались. Так, докторская диссертация «должна быть самостоятельной исследовательской работой, содержащей решение крупной научной или научно-технической проблемы. Включение материалов собственной кандидатской диссертации в докторскую возможно только в том случае, когда дополнительный материал сам по себе представляет вклад в науку, удовлетворяющий требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям» (Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1972. № 6).

Во второй половине 1960-х гг. Н. Н. Белова работала над комплексом проблем, касающихся галлоримской виллы как хозяйственной ячейки, связанной с городом. На материале эпиграфики у Н. Н. Беловой и археологии у Е. Г. Сурова подтверждали теорию диалектического континуитета М. Я. Сюзюмова. Н. Н. Белова рассматривала историю поздней римской республики и Галлию эпохи принципата как историю взаимоотношений Рима и италиков, т. е., борьбы итальянских общин против римско-итальянского рабовладения. Это исследование вывело ее на проблему сущности галльской *civitas*, которая на протяжении своей истории трансформировалась из родоплеменной общины в государственную организацию. «Городской центр становился опорным пунктом романизации и средоточием местной аристократии, на которую опирался Рим в своей провинциальной политике» [\[10, с. 206–207\]](#).

Нина Николаевна способствовала популяризации исторических знаний. Ею были написаны статьи в Советскую историческую энциклопедию: бритты, восстание Боудики, Веледа, Веспасиан, геты, Геродиан, Луций Ицилий, инсубры, кельты, Матернетс . Авторефераты ее статей публиковались в *Bibliotheca classica orientalis*.

Н. Н. Белова была одним из немногих соавторов М. Я. Сюзюмова. Более того, она была единственным ученым на кафедре, который осуществлял своего рода «синтез», «мост» между проблемами, разрабатываемыми византинистом М. Я. Сюзюмовым, археологом Крыма Е. Г. Суровым, медиевистом Н. А. Бортником и даже, в некотором роде, новистом И. Н. Чемпаловым. Так, АДСВ 5, представлял собой публикацию докторской диссертации Н. А. Бортника, а также программную статью Е. Г. Сурова и собственно статью Н. Н. Беловой. Кроме того, она публиковалась с аспирантами кафедры – В. Н. Даниленко и И. В. Пьянковым [\[11, с. 159–163\]](#).

Заключение

«В душе чуть-чуть грустно: лет много, а сделать значительно больше, сделано мало и не совсем то, что надо» – писала директор Херсонесского историко-археологического музея И. А. Антонова к чл.-корр. АН СССР З. В. Уdal'цовой [\[12, с. 302\]](#). Теже слова с полным на то основанием могла повторить и Нина Николаевна Белова. Может быть, именно эта ситуация: когда ум, способности, трудолюбие оказываются растрячены на важные, но несколько сторонние дела, никак не связанные с наукой, станет когда-нибудь источником вдохновения для новой «Цитадели»?! [\[13\]](#) Судьба прекрасной музы Херсонеса: тридцать лет – на переднем крае археологических раскопок – и ни одного мгновения для создания диссертации! – оказалась типичной для поколения, чья юность

совпала с юностью Октября.

Таким образом, биографика историков, входивших в «ближний круг» М. Я. Сюзюмова представляет собой самостоятельную научную проблему. Публикация источников, в данном случае, является единственным действенным противоядием против тенет упоминаний «через запятую» в заметках к очередной юбилейной дате. Кроме М. Я. Сюзюмова, преподаватели кафедры всеобщей истории УрГУ не оставили личных архивов. Сведения о них следует искать в официальных документах, научных публикациях, воспоминаниях. И. Н. Чемпалов, Н. А. Бортник, Н. Н. Белова, Е. Г. Суров, Н. Ф. Шилюк исследовали различную проблематику, однако их объединяло мощное сюзюмовское влияние. Использование архивных материалов является верным способом проследить путь в науку многих специалистов. След, согласно по мудрой казахской пословице, мать дороги.

Библиография

1. Колеров М. А. «Архивная революция» и «оппортунисты» от истории // Родина. 2011. № 11. С. 130–134.
2. Камынин В. Д. Создание источниковой базы о деятельности историков УРГУ им. А. М. Горького (на примере М. Я. Сюзюмова) // Документальное наследие и историческая наука: Материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете (Екатеринбург, 11–12 сентября 2020 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 634–641.
3. Левинская Я. В. К методологии М. Я. Сюзюмова: историографический аспект // Европа в Средние века и Новое время: общество, власть, культура: материалы VIII Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых, Ижевск, 24–25 ноября 2020 г. / отв. ред. и сост. Д. В. Пузанов. Ижевск: ИЦ «Удмуртский университет», 2021. С. 18–24.
4. Price D. Little Science, Big Science. Columbia University Press, 1965. 118 р.
5. Мохов А. С., Капсалыкова К. Р. «Он везде и всюду проявлял себя как неутомимый труженик»: научная биография Евгения Георгиевича Сурова (1912–1975) // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 8 (3). С. 25–25.
6. Черноухов А. Г. Историческое отделение историко-филологического факультета Уральского университета (1945–1956). 180 с.
7. Пихоя Р. Г. Записки археографа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 496 с.
8. Капсалыкова К. Р. «Дни работы совещания считаю «черными днями» для исторической науки»: М. Я. Сюзюмов о Всесоюзном совещании историков 1962 г.// Партийные архивы. Проблемы и перспективы развития: материалы V межрегиональной науч.-практ. конф. Нижний Тагил, 14–16 мая 2019 г. Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. С. 294–303. С. 295–296.
9. Зайцева Л. А. Генезис присуждения ученых степеней в России // Lex Russica. Русский закон. 2006. Т. 65. № 3. С. 601–617.
10. Белова Н. Н., Даниленко В. Н., Суров Е. Г. Изучение древней истории в Уральском государственном университете. С. 206–212.
11. Белова Н. Н., Пьянков И. В. Рец. на кн.: А. Г. Бокщанин. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии // Вестник древней истории. 1962. № 3 (81). С. 159–163.
12. Бессмертная легенда Херсонеса : неопубликованное наследие Инны Анатольевны

Антоновой / сост. Т. А. Прохорова, Т. В. Дианова. Севастополь : Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2022. 794 с.

13. Кронин А. Цитадель. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. 512 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Когда в эпоху Перестройки наметился процесс демократизации и гласности, то в условиях крушения господствовавшей не одно десятилетие официальной коммунистической идеологии это имело двойственные последствия для исторической науки. С одной стороны, снятие цензурных ограничений и постепенное открытие архивных фондов не могло не привести глубокому общественному интересу к прошлому. С другой стороны, нараставшая коммерциализация и погоня за прибылью привела к росту популярности псевдоисториков, публиковавших зачастую откровенно фальсифицированные материалы. Сегодня, когда в условиях возрождения суверенной России наметился очередной всплеск к родной истории, представляется важным показать обратиться к изучению представителей отечественной исторической науки, особенно провинциальным, которые, к сожалению, в силу многих причин остаются практически неизвестными даже в профессиональной среде.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является один из ведущих советских эпиграфистов Нина Николаевна Белова. Автор ставит своими задачами показать биографию ученого, определить ее научные интересы и достижения, рассмотреть характер отношений с коллегами по кафедре всеобщей истории Уральского государственного университета, особенно с М.Я. Сюзюмовым.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать научную биографию уральского историка Н. Н. Беловой. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя более 10 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена материалами периодической печати и воспоминаниями, а также документами из фондов Уральского федерального университета и Государственного архива Свердловской области. Из используемых автором исследований отметим труды В.Д. Камынина и А.Г. Черноухова, в центре внимания которых находятся историки УрГУ. Вызывает интерес включение в библиографию отдельных трудов Н.Н. Беловой. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как исторической наукой, в целом, так и биографиями отечественных историков, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной

информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что хотя список общественных поручений, должностей и обязанностей лишь ненамного уступает списку публикаций Н.Н. Беловой, систематического изложения ее биографии на данный момент нет. Определив указанную лакуну, автор переходит к непосредственному рассмотрению биографии уральского историка. В работе показано, что «огромная общественная нагрузка отразилась на научной работе Н. Н. Беловой. Она так и не защитила докторскую диссертацию, хотя активно публиковалась в центральных научных журналах и поддерживала связь с *alma mater*». В то же время, Н.Н. Белова, как отмечается в рецензируемой статье, «была единственным ученым на кафедре, который осуществлял своего рода «синтез», «мост» между проблемами, разрабатываемыми византинистом М. Я. Сюзюмовым, археологом Крыма Е. Г. Суровым, медиевистом Н. А. Бортником и даже, в некотором роде, новистом И. Н. Чемпаловым». Отмечен в работе и вклад Н.Н. Беловой в популяризацию науки: ее перу принадлежит ряд статей в Советской исторической энциклопедии.

Главным выводом статьи является то, что «биографика историков, входивших в «ближний круг» М. Я. Сюзюмова представляет собой самостоятельную научную проблему».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет определенный читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках изучения отечественных научных школ.

К статье есть отдельные замечания: так, в тексте следовало бы расшифровать упоминаемый сборник АДСВ 5 (это сборник «Античная древность и средние века»), в списке литературы некорректно оформлена 10 сноска (без указания года и места издания), ссылки на архивные источники отсутствуют в списке литературы и т.д. Биографические статьи желательно также сопровождать фотографией рассматриваемой персоны.

Однако, в целом, на наш взгляд, написанная живым языком статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Карпов Г.А. — Система здравоохранения колониальной Кении // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.40520 EDN: QMFYOY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40520

Система здравоохранения колониальной Кении

Карпов Григорий Алексеевич

доктор исторических наук

старший научный сотрудник, Институт Африки, Российской академия наук

123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

✉ gkarlov86@mail.ru

[Статья из рубрики "История этносов, народов, наций"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.2.40520

EDN:

QMFYOY

Дата направления статьи в редакцию:

18-04-2023

Дата публикации:

01-05-2023

Аннотация: Объектом исследования представленной статьи является система здравоохранения колониальной Кении (1890-1950-х гг.). Предмет изучения – состояние здоровья основной массы туземного населения, принципы работы медицинской службы колонии, вопросы управления больницами и пунктами доврачебной помощи, санитарные и профилактические мероприятия. Автор сделал обзор распространения различного рода инфекций и тропических заболеваний, а также способов борьбы с ними. Особое внимание удалено вкладу выходцев из Южной Азии в становление сельской и частной медицины. Методологической базой работы выступили конкретно-исторический и проблемно-хронологический подходы в сочетании с синтезом и сравнительным анализом. Британские власти добились в данной области значительных успехов, хотя в условиях ограниченности ресурсов приоритет был отдан заботе о европейских поселенцах. К рубежу 1950-1960-х гг. практически полностью были искоренены чума, оспа, холера, онхоцеркоз, желтая лихорадка и возвратный тиф, локализованы малярия и сонная болезнь. Вакцинация стала нормой для коренного населения, снижены риски заболевания новорожденных столбняком и полиомиелитом. В специализированных учебных центрах наложен процесс подготовки кадров из числа коренных жителей.

Накопленный базис был впоследствии использован руководством независимой Кении для дальнейшего развития этой сферы.

Ключевые слова:

Кения, Великобритания, миграция, медицина, болезни, инфекции, здравоохранение, колониализм, самоуправление, сегрегация

Сфера здравоохранения в колониальную эпоху истории Кении, с начала 1890-х гг. до 1963 г., относится к одному из самых интересных аспектов прошлого данного региона. Медицина зародилась и поднималась в Восточной Африке фактически с нуля, без обращения к каким бы то ни было локальным врачебным практикам и при полном доминировании западных методик. Хронический дефицит ресурсов, выделяемых на эту область жизни местного общества, предопределил приоритеты ее развития, когда во главе угла стояла забота о белых поселенцах и снижении рисков массовых эпидемий в целом.

Уже с первых лет активного взаимодействия европейцев, индийцев и африканцев в Кении стало очевидным различное понимание этими группами населения основ личной и общественной гигиены, вследствие чего идеи сегрегации быстро набрали популярность. С 1908 г. в городах выделялись кварталы для раздельного проживания по расовому принципу. С 1900 г. по 1913 г. была принята серия решений, ограничивающих перемещение индийцев и африканцев под угрозой тюремного заключения сроком до одного месяца [\[1, п. 82\]](#).

Бытовые контакты между коренными жителями и мигрантами из Европы и Южной Азии, разумеется, пресечь было невозможно. Инфекции и болезни, очевидно, не знали этнических границ. Колониальная администрация вынуждено задумалась и о здоровье кенийцев. Данный человеческий резерв был нужен Империи в экономике и военной сфере. Забота о здравоохранении на локальном уровне в соответствии с принципом «непрямого управления» («British Indirect Rule») была вменена местным органам власти, туземным советам, работающим с серединой 1920-х гг. Уже к рубежу 1920-1930-х гг. отмечалось, что все без исключения местные власти проявляют неподдельный интерес к укреплению здоровья жителей своей территории и распространению санитарных норм среди широких слоев населения [\[2, п. 1703-1704\]](#).

Кенийские реалии обязывали медицинский департамент прибегать к совершенно не тривиальным решениям в области организации системы здравоохранения и продвижения основ гигиены. Стандартный подход, предполагающий открытие широкой сети больниц и подготовку узкопрофильных специалистов, в тех условиях вряд был реализуем. В 1937 г. в Найроби, например, на постоянной основе работало только четыре больницы – для европейцев (на 31 койку), для африканцев (256 коек), инфекционный госпиталь (149 коек) и психиатрическое отделение (256 коек) [\[1, п. 142\]](#). Средства выделялись главным образом на достижение хотя бы минимального уровня доступной доврачебной помощи на местах. Не всегда все проходило гладко, практиковались меры принуждения, в каких-то моментах пришлось пойти на несомненные уступки туземному населению.

Положение дел в начале XX в.

Климат в Восточной и Западной Африке сам по себе вкупе с недостатком информации о

местных болезнях и способах их лечения приводил к тому, что данные территории на рубеже XIX–XX вв. часто именовались в отчетах колониальных чиновников «могилой белого человека» («White Man's Grave») [1, р. 42]. Первым белым поселенцам в Кении пришлось вспомнить, казалось бы, давно побежденные в Европе недуги, в том числе, оспу и чуму.

Сведения о положении дел в этой сфере поступали от случая к случаю и комплексно не анализировались. Например, за пять лет строительства Угандийской железной дороги (1896–1901 гг.) было зафиксировано, что 15% южноазиатских и местных рабочих на этом объекте прошли через госпитализацию. Были периоды, например январь 1897 г., когда в больничном листе числилось до 50% всего штата. Среди персонала волнами распространялась малярия, лихорадка, дизентерия, различные кожные заболевания. 20% завербованных на стройку индийцев были реабилитированы на историческую родину в нетрудоспособном состоянии (инвалидами), 8% – умерло. Госпитали и больницы на линии строительства отсутствовали, были организованы лишь временные палаточные медицинские лагеря. В 1898–1899 гг. уровень смертности в 1 тыс. на 20 тыс. человек в год считался низким [1, р. 59]. По данным на 1923 г., из 14,4 тыс. человек, занятых на строительстве и обслуживании железных дорог, 511 – умерли, а 5,3 тыс. – были госпитализированы, соответственно [4, 1997, р. 70].

Сельское население Кении страдало, главным образом, от малярии, анемии, сонной болезни и кишечных паразитов. Тотальное распространение имела фрамбезия, приводящая к деформации конечностей. В начале XX в. данным хроническим заболеванием было поражено до 90% населения прибрежных и нагорных районов колониальной Кении. Клинические поражения фиксировались у 20–40% носителей, инвалидность достигала 10%. Кикуйю называли фрамбезию «мукари» («mucari») и считали ее совершенно рядовым явлением [3, р. 422].

Первая мировая война способствовала росту интереса к здоровью кенийцев со стороны военных. В 1915 г. первый массовый призыв молодых людей в Кении показал, что 40% из них оказались не пригодны к службе по медицинским показаниям, даже с учетом того, что туземные власти не отправляли на сборные пункты очевидно не подходящий контингент [3, р. 418]. В 1917–1918 гг. из 16,7 тыс. резервистов-кикуйю, которых попытались мобилизовать для восполнения потерь, 10,9 тыс. были сразу комиссованы по медицинским показателям, а из оставшихся примерно каждый пятый (17%) был возвращен к домашнему очагу после 100-милльного марша к Найроби по причине элементарной физической некондиции [4, р. 75].

Даже годные по здоровью бойцы имели все шансы его лишиться без участия в боевых действиях. Основные потери колониальных подразделений на африканском фронте были связаны с плохим снабжением и обычной антисанитарией. К 1917 г. стало ясно, что малярия, дизентерия, проникающие блохи, клещевая и «солнечная» лихорадка («sun fever») выводят из строя гораздо больше личного состава, чем действия противника [1, р. 48].

После завершения Первой мировой войны и стабилизации имперских финансов в 1920 г. было принято решение о расширении финансирования государственной медицины в колонии. Акцент, между тем, был сделан на заботе о колониальных служащих, европейских поселенцах и городских жителях. Главной угрозой здесь считались инфекционные заболевания. Реальный интерес к состоянию здоровья сельских жителей

и местных рабочих администрация колонии не проявляла. Избыток дешевой трудовой силы формировал иллюзию ее бесконечности. Заболевшим кенийцам быстро находили замену из числа их соплеменников. До 1920 г. на 300 тыс. туземцев приходился в среднем один медицинский сотрудник, который мог годами не показываться «на земле» в своей локации. И это был многофункциональный специалист, в обязанности которого входили контроль за состоянием дел в больницах, организация и проведение амбулаторного лечения, борьба с эпидемиями, соблюдение санитарных норм в населенных пунктах и на рынках. Разумеется, такая нагрузка в полном объеме врачам была не под силу, следование должностным инструкциям носило формальный характер [3, р. 419].

С конца 1920-х гг. в рамках борьбы с тропическими болезнями колониальное правительство запустило программы по обследованию здоровья и иммунизации местных жителей посредством прививок. Только с рубежа 1920-1930-х гг., когда поступили первые подробные результаты, стала понятна истинная глубина проблемы. В стране выделялись целые районы, особенно на сахарных плантациях, где кенийцы никогда не ощущали себя хорошо в течение всей жизни, постоянно страдая от одного или нескольких заболеваний. Смертность детей в возрасте до одного года достигала 40% и считалась обычным делом, при катаклизмах (засуха, голод, эпидемия) речь могла идти о 100%. Изучение жителей Западной Кении в 1931–1932 гг. выявило уровень заболеваемости малярией до 17%, трипаносомозом – до 10%, шистосомозом – до 100%, туберкулезом – до 18%, исследования кала дали 78% положительных проб на как минимум одного паразита [2, р. 1710].

Начавшаяся после Первой мировой войны урбанизация вместе с демобилизацией военных спровоцировала распространение венерических болезней, прежде всего, сифилиса. До 1930 г. он встречался редко, к 1940 г. его доля возросла до 36% от числа всех больных в городах. В сельских районах доля зараженных достигала 20%, стали фиксироваться прецеденты врожденного сифилиса. Распространение этого заболевания по этническим группам не было равномерным. Например, в Найроби 45% заразившихся этим недугом женщин имели сомалийское и суданское происхождение, 25% – принадлежали к нанди и луо, 10% – были масаи и камба, 10% – кукуйю, соответственно [3, р. 431].

Занимаясь вопросами здравоохранения, колониальные власти вполне закономерно с 1920-х гг. заинтересовались рационом местного населения. Прямая связь между питанием и состоянием здоровья западным специалистам была известна давно. Количество потребляемых туземцами калорий, как быстро выяснилось, было вполне удовлетворительным, к микроэлементной базе, между тем, возникли вопросы. В 1930-х гг. получил распространение термин «колониальное недоедание» («colonial malnutrition»), обозначающий калораж на грани ухода в голод при нехватке витаминов в сочетании с некоторыми традиционными диетическими ограничениями (не всегда понятными с рациональной точки зрения) для определенных половозрастных групп [4, р. 50].

Диета земледельцев (кукуйю) была описана как преимущественно вегетарианская, с упором на зерновые, фрукты и овес. В повседневном рационе присутствовали бананы, бобовые и картофель. Животными продуктами (молоко и мясо) крестьяне не пренебрегали, хотя в повседневном рационе их не было. Стол скотоводов-масаев включал главным образом белковые блюда на основе молока, крови и мяса в различных

вариантах. Между этими этническими группами были обнаружены различия в массогабаритных показателях, а именно, первые были в среднем на пять дюймов ниже и примерно на 23 фунта легче вторых. Не совпали и наиболее распространенные заболевания. У первых часто встречались запоры и артриты, вторые были более подвержены малярии, кишечным расстройствам, бронхиальным инфекциям и тропическим язвам, соответственно. Повсеместно имела место быть легкая анемия, кариес, проблемы ортопедического характера (не критичная деформация костей) [4, р. 51].

Факт неудовлетворительного состояния здоровья почти всех колонизируемых народов для британских властей был очевиден. Восточная Африка и, в частности, Кения исключением здесь не была. Еще в начале колонизации этого региона стало понятно, что коренное население страдает от множества самых различных заболеваний и не может рассчитывать даже на примитивную медицинскую помощь. Однако к местным чиновникам осознание масштаба данной проблемы и понимание того, что теперь ей надо плотно заниматься, пришло только на рубеже 1920-1930-х гг.

Кенийская медицина 1920-1950-х гг.

С 1920-х гг. в Кении началось постепенное формирование собственно системы здравоохранения. Ставка была сделана на распространение элементарных норм гигиены и профилактику. Такой подход подразумевал несколько параллельно реализуемых программ, а именно: 1) подготовка медицинских работников младшего и среднего звена на местах из числа туземцев; 2) оказание первичной помощи на уровне общины и деревни; 3) борьба с переносчиками (комары, муха цеце, крысы) инфекций (малярия, сонная болезнь и пр.); 4) пропаганда элементарных знаний о гигиене и санитарии; 5) вакцинация [2, р. 1703].

До 1920 г. в резервациях для кенийцев вообще не было государственных медицинских учреждений. К 1932 г. там было открыто 14 госпиталей, работало более 100 амбулаторий, где трудились, в том числе, европейцы (всего 17 врачей, девять медсестер, шесть санитарных инспекторов). Каждая амбулатория функционировала в качестве отделения ближайшей региональной больницы, руководитель которой («European Medical Officer of Health») подчинялся непосредственно директору департамента здравоохранения в Найроби [2, р. 1705].

Происходило планомерное увеличение государственного финансирования. В 1922 г. бюджет медицинской службы составлял 177 тыс. фунтов ст. в год, европейских работников насчитывалось 39 человек, количество диспансеров не превышало 20, учет посещений не производился. В 1924 г. бюджет был даже сокращен (до 124 тыс. фунтов ст.), штат европейцев уменьшился до 32, но выросло количество диспансеров (до 62), стационары обслужили 29,6 тыс. пациентов, а амбулатории – 151 тыс., соответственно, всего было зафиксировано 189 тыс. посещений. В 1932 г., бюджет вырос до 219 тыс. фунтов ст., стационаров работало 109, европейских специалистов – 54, было принято стационарных пациентов – 31,3 тыс., амбулаторных пациентов – 261,7 тыс., а всего посещений насчитали 646 тыс., соответственно. В 1947 г. бюджет превысил 478 тыс. фунтов ст., численность европейского персонала была 54 человека, стационарных пациентов – 156 тыс., амбулаторных – 801 тыс., всего посещений – 1,3 млн, соответственно [2, р. 1706].

С 1922–1923 гг. наблюдался неуклонный рост числа африканских специалистов. Директор медицинской службы в 1920-х гг., Джон Гилкс (John Gilks), уделял огромное внимание этому вопросу. Специально для этой категории работников были внедрены

штатные должности уборщиков, клерков, медсестер, сиделок, «местных санитарных помощников» («Native Sanitary Assistants»), «ассистентов лаборантов» («African Laboratory Assistants») и т. п. В 1931 г. в Найроби для кенийцев открылась школа «Джинс» («Jeanes School») с двухгодичной учебной программой подготовки по таким специальностям [Chaiken, 1998, р. 1707].

Кенийская колониальная медицина практиковала привлечение женщин в качестве младшего медицинского персонала и акушерок. Особенно это было актуально в прибрежных районах, где была заметна доля мусульман, обуславливающая половую сегрегацию при оказании всех видов услуг. В 1935 г. в одном из роддомов Найроби («Lady Grigg Maternity Centre») были организованы курсы, где готовили специалистов по родовспоможению. С конца 1940-х гг. в учебном центре («Mary Griffiin Nurses Home») проходили обучение профессиональные медсестры и сиделки. В 1930-х гг. в государственных медицинских учреждениях работало уже более 1 тыс. местных жителей, пусть и на не всегда высоких должностях. Сфера акушерства стала своеобразной отдушиной для кенийских женщин, где они могли претендовать на достойное социальное положение [5, 2005].

Крепкие телом и духом медицинские работники участвовали в так называемых «медицинских сафари» («medical safaris»). Это были рейды европейских врачей по наиболее отдаленным населенным пунктам для оказания диагностических и лечебных услуг. Проводились они на постоянной основе, с ежемесячной ротацией специалистов, иногда – в форме пеших экспедиций. После завершения работы с пациентами обычно проводилась открытая встреча («baraza») с широкими слоями населения, где пропагандировались основы гигиены. Ошеломляющий эффект имела практика демонстрации всем желающим через микроскоп яиц кишечных паразитов в содержимом выгребных ям. Применение с 1950 г. оборудованных на платформе автомобилей «Ленд Рover» («Land Rover») мобильных диспансеров существенно повысило эффективность такого рода активностей [2, р. 1709].

Для локализации и предупреждения вспышек опасных заболеваний проводились масштабные прививочные кампании. Власти действовали в этом направлении оперативно и последовательно, при необходимости – принудительно. В ответ на вспышки оспы в 1930 г. вакцинировали всех без исключения жителей Момбасы (70 тыс. человек), в 1949 г. – Кисуму (45 тыс. человек), всю Центральную (426 тыс. человек) и Южную Ньянзу (633 тыс. человек), а в целом по стране только за период с 1940 г. по 1945 г. – около 1,4 млн человек, соответственно. В конце 1950-х гг. после регистрации 37 случаев полиомиелита оральную прививку от него получили 60 тыс. детей к северу от Найроби, а в 1960 г. – еще 152 тыс. малышей в Южной Ньянзе, соответственно. В течение 1950-х гг. везде по стране стали нормой прививки от туберкулеза и брюшного тифа. Производство вакцин было налажено в Найроби, когда их не хватало, то дополнительные дозы привозили из лаборатории в Дар-ас-Саламе [2, р. 1711].

С 1922 г. для искоренения фрамбезии стали использоваться инъекции препаратов на основе висмута и мышьяка. К 1930-м гг. счет зафиксированных и пролеченных случаев пошел на десятки тысяч человек. С 1950-х гг., когда начали применять препараты на основе пенициллина, стало можно говорить о победе над этой кожной инфекцией [3, р. 430].

Широкий размах приобрели профилактические мероприятия. Вырубались кустарники, осушались малярийные болота и водоемы, применялись пестициды, сжигались

соломенные хижины, зараженные чумными блохами, вводились штрафы за нарушение санитарных норм. Субсидировалось производство и установка бетонных плит для санузлов. Был введен надзор за состоянием скотобоян, общественных туалетов, рынков и магазинов. Для сельских жителей на ярмарках возводились образцы правильно (с точки зрения гигиенических норм) устроенных домов, зернохранилищ, амбаров, хлевов для скота. Колониальная медицинская служба организовала курсы подготовки «водных техников» («water technicians»), занимавшихся облицовкой источников питьевой воды и ограничением доступа к ним домашнего скота. Специальное обучение проходили мальчики-крысобыи («rat boys»), которым сдельно платили за отлов и уничтожение грызунов [\[2, р. 1711\]](#).

В результате исследования диеты коренных жителей была признана более высокая биологическая ценность именно животного белка (в пику набирающему на Западе движению вегетарианства). Подвергся развенчанию миф о большей пользе и сбалансированности именно традиционного питания по сравнению с едой современных на тот период европейских горожан, насыщенной промышленно переработанными продуктами. Ежедневная кружка молока, если удавалось организовать такой элемент рациона, каждому ребенку в детском саду и начальной школе творила чудеса. Буквально в течение нескольких месяцев кенийские дети набирали вес, исчезала анемия, повышалась успеваемость [\[4, р. 58\]](#).

К 1950-м гг. можно говорить о завершении формирования кенийской государственной службы здравоохранения. Она включала сеть местных станций первичной помощи, амбулаторий и больниц в крупных населенных пунктах. Был накоплен колоссальный опыт по борьбе с тропическими болезнями. Соблюдение санитарных норм и вакцинация стали повсеместным явлением. Был достигнут огромный прогресс в борьбе с практически всеми инфекциями. Контроль за системой осуществляла колониальная администрация, ведущие позиции занимали лица европейского происхождения, на местах к работе широко привлекались местные жители, проходившие соответствующую подготовку.

Вклад южноазиатских специалистов

О присутствии индийский врачей в Восточной Африке было известно довольно давно. С 1883 г. при дворе султана Занзибара работал некий парс, доктор Нариман. В 1890 г. на этом архипелаге практиковали, как минимум, три парса и два гоанца (помимо трех европейцев). В пешей экспедиции 1891 г., исследовавшей маршрут для прокладки железных дорог в Кении, приняли участие семь европейцев, 341 африканец (в том числе 270 носильщиков) и 41 индийский специалист [\[1, р. 54\]](#).

В Британской Индии была налажена подготовка докторов для колоний. В 1939 г. в этой части владений Короны насчитывалось 10 специализированных колледжей и 27 медицинских школ. Их выпускники на конкурсной основе без учета кастовой принадлежности могли стажироваться в европейских университетах. Новоиспеченные врачи из Южной Азии направлялись для работы по владениям Империи [\[1, р. 36\]](#).

Использование в Кении индийских докторов было обусловлено ростом соответствующей эмиграции. Рабочие и строители из Индии привлекались для строительства Угандинской железной дороги (до 20 тыс. человек). В общей сложности на одного европейского медицинского специалиста на этом инфраструктурном объекте приходилось около пяти выходцев из Индии.

С начала 1920-х гг., между тем, фокус деятельности врачей из Южной Азии стал

смещаться из государственного сектора в частный. Только за период с 1920 г. по 1923 г. 44 (из 72) индийских доктора ушли из Колониальной медицинской службы. Впрочем, даже в 1936 г. до трети всех больниц для местного населения фактически управлялись индийцами. По сути, в 1920-1930-х гг. на них держалась вся сельская кенийская медицина [1, р. 121].

Специалисты из Южной Азии обходились бюджету дешевле европейцев. В 1920-1940-х гг. ставка доктора из Европы колебалась от 400 до 600 фунтов ст. в год, а из Южной Азии – от 70 до 200 фунтов ст. в год, соответственно. Кроме этого, для первых были предусмотрены гарантии и компенсации – предоставление государственного жилья, надбавки за выслугу лет, трансфер для членов семьи. Выходцы из Индии ничего подобного не имели [1, р. 100].

Платная медицина стала сферой, где многие доктора из Южной Азии смогли найти свое призвание на новой для себя родине. Индийская община была второй по численности расово-этнической группой колониальной Кении, уступая в этом отношении только коренным жителям. В 1895 г. выходцев из Индии было около 2 тыс. человек, в 1940 г. – не менее 50 тыс., а в 1948 г. – около 100 тыс., соответственно. Британцы не особо жаловали неевропейских коллег по цеху. Например, согласно «Постановлению о практикующих врачах и стоматологах 1910 г.» («1910 Medical Practitioners and Dentists Ordinance») для медицинского образования и степеней, полученных в Великобритании, устанавливается более высокий статус по сравнению с формально одинаковым образованием и степенями, присвоенными в Индии. Только с 1935 г. индийским врачам было разрешено вступать в «Британскую медицинскую организацию» («British Medical Association»), в ее восточноафриканское отделение [1, р. 7].

Пионерами частной южноазиатской медицины в Кении были гоанцы. Первая клиника была открыта ими в Момбасе в 1898 г. До 1920 г. частных врачей-индийцев официально насчитывалось всего семь. К 1932 г. их число увеличилось до 40, в 1940 г. – до 50, в 1960 г. – составило не менее 200, соответственно. Почти все они были выпускниками медицинских образовательных центров Бомбея, каждый третий – происходил из Гоа. В конце 1920-х гг. возникла их первая профессиональная структура в Кении – «Индийская медицинская и стоматологическая ассоциация» («Indian Medical and Dental Association»). К рубежу 1930-1940-х гг. врачи из Британской Индии сформировали влиятельную социальную группу в Найроби и Момбасе [1, р. 7].

Финансовая составляющая в работе частных врачей, разумеется, доминировала, хотя встречались прецеденты и благотворительной активности. Известны случаи, когда оплату они брали не фиксированную, а по возможностям клиентов. В 1921 г. в Момбасе именно специалистами от частной медицины была основана «Социальная лига» («Social Service League»), одна из первых в Кении общественных структур, ориентированная на работу с индийской беднотой. На средства южноазиатской общины в Найроби в 1934 г. открылся первый родильный дом [1, р. 5].

Индийцы сыграли огромную роль на первоначальном, самом трудном, этапе становления западной медицины в Восточной Африке. Они брали на себя работу с контрактной трудовой силой, поднимали сельское здравоохранение, выступали меценатами. Интересно, что доминирование европейского подхода в данной сфере было не бесспорным. Довольно долго в Кении сосуществовали и дополняли друг друга четыре медицинские системы – исламская, традиционная индийская (аюрведа), западная и местная африканская (различные практики коренных народов).

Смежная социокультурная проблематика

Служащие Колониальной медицинской службы привлекались также для решения вопросов, выходящих за рамки их основной деятельности. Большинство практикующих врачей было специалистами общей практики, к которым, грубо говоря, обращались со всеми «болячками». Вопросы здравоохранения здесь пересекались с культурными, социальными и экономическими аспектами.

Традиция поголовного, в норме – обязательного для всех девушек кикую, «женского обрезания» в Кении (обряд «ириу») шокировала европейцев. Из возможных вариантов исполнения данной операции практиковались самые травмирующие и опасные – иссечение и инфибуляция. Об этом явлении власти узнали во многом случайно, когда в больницы при миссионерских станциях стали поступать пациентки в тяжелом состоянии с соответствующими травмами. Один из первых таких случаев был зафиксирован в 1904 г. на медпункте Шотландской церкви [\[6, р. 48\]](#).

Ни о какой гигиене, анестезии и специальных инструментах говорить при проведении ириу не приходилось. Максимум на что могли рассчитывать прошедшие процедуру – это промывание ран водой и смена травяных повязок. Основополагающее значение данного обряда для всей социальной и семейной жизни кенийцев сводило на нет все аргументы врачей о рисках и неблагоприятных последствиях. Допуск европейских специалистов к его проведению был немыслим. Даже инициатива обучения начальным основам хирургии непосредственных исполнителей операции (как правило – старейшин) потерпела фиаско. Данная традиция имела слишком глубокие корни, она сохраняется по настоящее время [\[7, р. 590\]](#).

Европейская медицина в Кении крупно капитулировала также перед катом, легким наркотиком растительного происхождения, произрастающим на большей части материковой Африки. По действию на организм этот стимулятор схож с амфетамином, синтетическим психоактивным веществом. Западные доктора сразу отметили побочные эффекты от его употребления – подавление аппетита, апатию, сонливость, снижение способности к концентрации и умственной активности. При длительном употреблении развивались заболевания желудочно-кишечного тракта и пищеварительной системы, включая стоматит, гастрит, цирроз печени, запоры. Было выявлено, что особенно большой вред данный продукт наносил здоровью сомалийцев [\[8, р. 377\]](#).

Кат был неотъемлемой частью культуры земледельческих общин, например, меру, а с развитием экономики и транспортной инфраструктуры стал важной составляющей колониальной экономики. На местах он часто выступал как твердая валюта, им гасили кредиты, платили за товары и услуги, вплоть до подушевого налога. Его производство и продажа приносили огромную прибыль бюджету. В 1940-1950-х гг. масштаб употребления ката стал вызывать беспокойство на государственном уровне, но все попытки властей запретить данный наркотик оказались безуспешными. Отсутствие очевидного вреда от него вместе с недостатком знаний о его реальных фармакологических свойствах помешали сломать широко распространенное среди коренных жителей (и даже многих европейцев) мнение о том, что он опасен не более, чем чай, кофе, табак или джин. С рубежа 1950-1960-х гг. кат в Кении фактически употребляется свободно и повсеместно [\[8, р. 382\]](#).

Доктора в Кении принимали косвенное участие в решении этической проблематики, в частности, касающейся жестокого обращения с животными. Конечно, и самих британцев

сложно заподозрить в избыточном гуманизме по отношению к местной фауне. Охота среди английской аристократии в колонии считалась чуть ли не обязательным родом деятельности. Но в чем был смысл забить до смерти безобидного поросенка, снять с дамана шкуру живьем или скормить леопарду в клетке щенков, оставалось для колонизаторов совершенно непонятным. Их раздражала необоснованная и необъяснимая бессердечность кенийцев, которую те демонстрировали к братьям нашим меньшим [9, р. 1097].

Для изменения этой модели поведения кенийцев сперва применялись методы пропаганды и просвещения. В 1912 г. было создано «Восточноафриканское общество по предотвращению жестокого обращения с животными» («East African Society for the Prevention of Cruelty to Animals»). С начала 1920-х гг. вступили в силу первые ограничительные нормы (запретили применение носовых колец для быков). За очевидные факты жестокого обращения с животными землевладельцев приговаривали к штрафам, африканских рабочих пороли. Помогало это мало. Вплоть до конца колониального периода переломить ситуацию в этой сфере британские власти не смогли [9, р. 1104].

Были, разумеется, сложности и с восприятием местным населением передовых методов лечения, в частности, прививок. Для кенийцев болезни были неотъемлемой частью окружающей среды. Вакцинация на первых порах казалась для них излишним вмешательством в общий миропорядок, причем это относилось и к людям, и к домашним животным. Периодическая, раз в 5–10 лет, убыль (50–60%) скота от чумы была, конечно, неприятным событием для скотоводческих племен, провоцирующим голод и миграцию, но чем-то экстраординарным в глазах тех же масаев или календжин не выглядела. Предубеждение перед вакцинированием детей и взрослых удалось преодолеть довольно быстро. В скотоводческой сфере подобные мероприятия вплоть до 1950–1960-х гг. считали излишними. Телята, получившие естественный иммунитет, даже ценились на местных рынках выше привитых [10, р. 49].

Не обошло стороной Кению и довольно распространенное на Западе в 1920–1930-х гг. увлечение евгеникой. Тем более, что в Восточной Африке на конкретных живых примерах можно было обнаружить очевидные для адептов данного учения доказательства его справедливости. В 1933 г. было создано «Кенийское общество по изучению расового улучшения» («Kenyan Society for the Study of Race Improvement»), на базе которого проходили тематические публичные лекции [1, р. 70]. Активных членов у этой организации было не много (несколько десятков человек, при общей численности европейской общины более 15 тыс.), хотя некоторые столичные психиатры и врачи на местах были активными пропагандистами идей о расовом превосходстве европейцев над местными жителями и выходцами из Южной Азии. После Второй мировой войны данный тренд, разумеется, сошел на нет [11].

Таким образом, мы видим, что обращение к европейским врачам по проблематике, выходящей за рамки сферы медицины, не всегда было оправдано, редко проходило гладко, часто – на грани конфликта с племенным истеблишментом. Практически все подобные случаи не завершались каким бы то ни было позитивным итогом. Однако отказаться от участия в подобной деятельности они не могли, поскольку в восточноафриканских реалиях первой половины XX в. были одними из немногих носителей актуальных научных знаний, европейской этики и моральных ценностей.

Заключение

Система здравоохранения колониальной Кении зародилась на рубеже XIX–XX вв. Ведущую роль в ее появлении и развитии сыграли колониальные власти и европейские специалисты. Существенное влияние на этот процесс в начале 1900–1920-х гг. оказали врачи южноазиатского происхождения, заложившие основы частной медицины.

К рубежу 1950–1960-х гг. в стране действовал комплекс станций первичной помощи, сельских амбулаторий и госпиталей. Его структура напоминала сеть фельдшерских пунктов, созданную в Российской империи после запуска Земской реформы 1864 г., а также систему фельдшерско-акушерских пунктов и районных больниц, развернутую в СССР.

Население Кении за период с 1926 г. по 1950 г., как минимум, удвоилось и достигло цифры не менее 5,2 млн человек. На этом фоне общий штат медицинской службы был весьма скромен. Численность работающих в моменте европейских докторов никогда не превышала 100 человек, примерно столько же было индийских врачей, африканских специалистов насчитывалось в пределах 1–2 тыс., соответственно. Выделяемый на эту сферу бюджет колебался в пределах 200–400 тыс. фунтов ст. в год.

Система здравоохранения была сегрегирована по расовому принципу. Забота в первую очередь осуществлялась в отношении европейцев, чья доля в общем составе населения никогда не превышала 1%. Местные реалии, где до прихода британцев медицины не было как таковой, диктовали частое обращение к принудительным мерам. Здесь же находятся истоки безусловного и открыто демонстрируемого патернализма по отношению к африканцам, чья знания и опыт в этой сфере по сравнению с европейскими достижениями носили очень условный характер.

Ограниченнность (в годы мировых войн – откровенная нехватка) человеческих и финансовых ресурсов не помешала британским властям добиться в данной области огромных успехов. К концу колониальной эпохи в Кении практически полностью были искоренены чума, оспа, холера, онхоцеркоз, желтая лихорадка и возвратный тиф, распространение туберкулеза, проказы и сонной болезни – локализовано. Прошла апробацию методология осушения и дренажа стоячих водоемов для снижения популяции малярийных комаров. Прививки стали нормой для коренного населения, снижены риски заболевания новорожденных столбняком и полиомиелитом. Велась планомерная агитационная работа по распространению санитарных норм и основ личной гигиены. Удалось выявить прямую взаимосвязь между недоеданием, паразитарными инфекциями и анемией. Открытие медицинских школ позволило наладить процесс подготовки кадров из числа местных жителей. Накопленный за этот период базис впоследствии был успешно использован кенийскими властями для развития сферы здравоохранения в эпоху независимости.

Библиография

1. Greenwood A., Topiwala H. Indian Doctors in Kenya, 1895–1940. The Forgotten History. London, 2015. 266 p.
2. Chaiken M.S. Primary Health Care Initiatives in Colonial Kenya // World Development, 1998. Vol. 26. № 9. P. 1701–1717.
3. Dawson M.H. The 1920s Anti-Yaws Campaigns and Colonial Medical Policy in Kenya // The International Journal of African Historical Studies, 1987. Vol. 20. № 3. P. 417–435.
4. Brantley C. Kikuyu-Maasai Nutrition and Colonial Science: The Orr and Gilks Study in Late 1920s Kenya Revisited // International Journal of African Historical Studies, 1997. Vol. 30. № 1. P. 49–86.

5. Kanogo T. African womanhood in colonial Kenya, 1900-50. Oxford: James Currey; Athens, Ohio: Ohio University Press, 2005. 268 p.
6. Mufaka K. Scottish Mission and the Circumcision controversy in Kenya 1900–1960 // International Review of Scottish Studies, 2003. Vol. 3. P. 47–58.
7. Kiragu S. Conceptualising children as sexual beings: pre-colonial sexuality education among the Gĩkũyũ of Kenya // Sex Education: Sexuality, Society and Learning, 2013. Vol. 13. № 5. P. 585–596.
8. Anderson D., Carrier N. Khat in Colonial Kenya: a History of Prohibition and Control // The Journal of African History, 2009. Vol. 50. Issue 3. P. 377–397.
9. Shadie B.L. Cruelty and Empathy, Animals and Race, in Colonial Kenya // Journal of Social History, 2012. Vol. 45. № 4. P. 1097–1116.
10. Waller R. 'Clean' and 'Dirty': Cattle Disease and Control Policy in Colonial Kenya, 1900–40 // Journal of African History, 2004. Vol. 45. № 1. P. 45–80.
11. Campbell Ch. Race and Empire: Eugenics in Colonial Kenya. Manchester University Press, 2007. 214 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Система здравоохранения колониальной Кении»

Предметом исследования выступает процесс становления системы здравоохранения и особенности его развития в колониальной Кении. Методология исследования базируется на принципах объективности, научности, историзма и системности. В работе, как видно из ее структуры и содержания, использованы конкретные исторические методы исследования: историко-генетический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический.

Актуальность темы. Актуальность исследуемой темы автор объясняет тем, что формирование системы здравоохранения в колониальной Кении «относится к одному из самых интересных аспектов прошлого данного региона». И далее в статье отмечается, что «медицина развивалась при полном доминировании западных методик, без обращения к локальным врачебным практикам». Автор пишет, что особенность системы здравоохранения была в том, что общественное здравоохранение развивали европейцы, а частное – выходцы из Южной Азии. Актуальность темы очевидна и представляет большой интерес с научной и практической точки зрения, для сравнения опыта становления системы земской медицины в нашей стране и системы здравоохранения в Кении, с учетом того, что автор статьи отмечает, что система здравоохранения в Кении по структуре была схожа со структурой Российской системы здравоохранения после земской реформы 1864 г.

Научная новизна заключается в постановке проблемы, а также в том, что в статье качественно проанализирован процесс становления медицины в колониальной Кении, показаны какие меры по профилактике болезней принимались властями, как велась борьба с различными болезнями, какие меры принимались для их искоренения, как шло распространение норм гигиены среди населения. Новизна заключается в том, что по сути это первая специальная работа в нашей стране, которая посвящена становлению и развитию системы здравоохранения в Кении с конца XIX в. до 1963 г.

Стиль работы научный, точный в формулировках. Структура работы направлена на

достижение цели статьи и поставленных в ней задач и состоит из небольшого введения, в котором автор раскрывает причины появления системы здравоохранения в Кении и пишет, что «приоритетом развития медицины в Кении была забота забота о белых поселенцах и снижении рисков массовых эпидемий в целом». Основная же часть статьи состоит из трех разделов, название которых раскрывает их содержание: Положение дел в начале XX в.; Кенийская медицина 1920-1950-х гг.; Вклад южноазиатских специалистов; Смежная социокультурная проблематика. В заключении статьи представлены выводы автора по теме.

Библиография работы состоит из 11 источников (по теме статьи на английском языке. Большинство работ написаны в последние 10 лет, одна работа 1989 и две работы 1998 года). Библиография в полной мере раскрывает предметную область исследования.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи и в библиографии.

Выводы автора вытекают из проделанной работы и объективны. Автор отмечает, что в появлении и развитии системы здравоохранения в Кении важнейшая роль «принадлежит колониальным властям и европейским специалистам. Существенное влияние на этом процессе в начале 1900-1920-х гг. оказали врачи южноазиатского происхождения, заложившие основы частной медицины». Несмотря на все объективные факторы, в том числе и нехватку средств в период Первой и Второй мировых войн британские власти добились в развитии системы здравоохранения в Кении большего успеха и к концу колониальной эпохи практически полностью были искоренены многие инфекционные болезни, преодолены недоверие к официальной медицине со стороны населения. Автор пишет, что «прививки стали нормой для коренного населения, снижены риски заболевания новорожденных столбняком и полиомиелитом. Велась планомерная агитационная работа по распространению санитарных норм и основ личной гигиены. Удалось выявить прямую взаимосвязь между недоеданием, паразитарными инфекциями и анемией. Открытие медицинских школ позволило наладить процесс подготовки кадров из числа местных жителей. Накопленный за этот период базис впоследствии был успешно использован кенийскими властями для развития сферы здравоохранения в эпоху независимости».

Статья имеет признаки научной новизны, будет интересна историкам, культурологам, социологам, медикам и широкой читательской аудитории.

Исторический журнал: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Иликаев А.С. — Мотивы творения мира из яйца в космологических мифах прибалтийско-финских народов, марийцев и удмуртов: сравнительно-сопоставительный анализ // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.40547 EDN: RVNPY URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40547

Мотивы творения мира из яйца в космологических мифах прибалтийско-финских народов, марийцев и удмуртов: сравнительно-сопоставительный анализ**Иликаев Александр Сергеевич**

ORCID: 0009-0003-6773-9053

кандидат политических наук

доцент, факультет философии и социологии, Уфимский Университет Науки и Технологий
450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32

jumo@bk.ru[Статья из рубрики "История этносов, народов, наций"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0609.2023.2.40547

EDN:

RVNPY

Дата направления статьи в редакцию:

22-04-2023

Дата публикации:

01-05-2023

Аннотация: Предметом настоящего исследования являются мотивы мифа творения из яйца у мари (марийцев) и удмуртов. До сих пор миф о творении из яйца (МТЯ) отмечался только у прибалтийско-финских народов, а также мордвы и коми. Анализ марийских и удмуртских космогонических мифов и народных песен выявляет два мифологических мотива, имеющих отношение к МТЯ: 1) кукушка вьет гнездо на дубе с шестью ветвями; 2) утка (гусыня) выводит пять, шесть, семь, двенадцать птенцов прямо на воде (либо на макушке растущей посреди воды, реки травы). Основными выводами проведенного исследования являются следующие положения. У восточных мари образ утки не так популярен и замещается образами кукушки и лебедя. Также в марийском фольклоре упоминаются трясогузка и горностай, что находит параллели в мифах айнов и ненцев. Удмуртские варианты народных песен включают мифологему утки (гуся) с утятами. Миф об орле-творце и двух утках был, возможно, характерен не только для финнов, венгров

и североамериканских индейцев, но и мари. Для удмуртского мифа о творении характерно участие в нем, помимо Инмара и Шайтана, рака, что находит параллель в бурятском космогоническом мифе. Мотив первородного льда и мерзлой изначальной земли, вероятно, был в прошлом распространен у ижоры, мари, части башкир, являющихся потомками финно-угорского населения, нганасан и, таким образом, по всей видимости, присутствовал еще в прауральской мифологии.

Ключевые слова:

творение из яйца, прибалтийско-финские народы, миф о птице, мари, удмурты, утка, гусь, кукушка, лебедь, орел

Почти общим местом этнографической науки стало положение о том, что космогонический миф об утке, которая сносит яйцо (яйца) на лоно первичных вод, так называемый миф о сотворении мира из яйца (МТЯ), прослеживается в основном на материале прибалтийско-финских народных песен (рун). Что касается финно-угорских народов Урало-Поволжья, то данный мотив, по мнению исследователей, присутствует лишь у мордвы и коми. Причем, как отмечает В.В. Напольских, мордовский миф является маргинальной версией МТЯ, поскольку в нем говорится не о рождении мира из яйца, а о рождении богинь. Также мордовский миф обнаруживает близость к эстонским рунам, поскольку в обоих случаях повествуется о мировом древе (кусте) на котором птица вьет гнездо. Что касается мифа коми, то он представляет собой гибрид мифа о творении из яйца и мифа о ныряющей птице (МНП), добывающей землю из-под воды [\[14, с. 30-31\]](#).

В этой связи часто приводят классические строки первой руны «Калевалы»: вот летит красотка-утка, / Воздух крыльями колышет, / Для гнезда mestечка ищет... / Но найти не может места... / Где бы свить гнездо сумела... / Утка, та красотка-птица... / Увидала в синих волнах / Матери воды колено. / Приняла его за кочку... / На колено опустилась / И гнедо себе готовит, / Золотые сносит яйца: / Шесть яичек золотые, / А седьмое — из железа [\[10, с. 39-40\]](#). В.В. Напольских справедливо полагает, что благодаря эпосу Э. Лённрота, сюжет о творении мира из яйца, снесенного уткой, давно заслужил внимание исследователей. Правда, ученые, сосредоточившись на прибалтийско-финских вариантах, отрицали связь данного мифа с мифом о ныряющей птице [\[14, с. 29-30\]](#).

Саамский и карело-финский варианты МТЯ признаются В.В. Напольских самыми архаическими. Их содержание в самых общих чертах таково: утка (гусь) летит над водами древнего океана, находит место для гнездовья (травинку, колено первосущества), сносит несколько яиц из которых возникают земля, небо, светила, а также животные [\[14, с. 28-27\]](#).

Далее, достаточно убедительно, ученый развивает мысль о том, что МТЯ у прибалтийско-финских народов, а также, по всей видимости, у мордвы и коми, не является прауральным по происхождению, в отличие от «нормальных» вариантов МНП, а восходит, в конечном счете, к балто-славянскому, а там к пеласгийскому (догреческому) источнику [\[14, с. 31-36\]](#). При этом В.В. Напольских признает, что совершенно исключать наличие у прауральцев МТЯ нельзя, однако все же склоняется к важности мысли о том, что данный миф невозможно считать не только прауральным, но даже прайфинно-угорским [\[14, с. 36-37\]](#).

На мой взгляд, стоит обратить внимание на ижорский миф. На первый взгляд, кажется, он мало чем отличается от эстонского. Ласточка сносит яйца на кочке среди первичных вод. Ветер смахивает яйца в воду. Птица ищет их, но выгребает из моря куски льда. Последние превращаются в небесные светила [14, с. 29]. Мотив с кусками льда, участвующими в творении мира, у других финно-угорских народов не встречается. Тем не менее, как мне думается, учитывая марийские, башкирские и нганасанские космогонические сюжеты об изначальных снеге и льде (о данных сюжетах речь пойдет ниже), он мог возникнуть у предков ижоры очень давно, еще до того, как прибалтийско-финские народы продвинулись на запад, возможно, в эпоху прафинно-угорской, а то и прауральской общности.

На мой взгляд, обнаружение мотивов МТЯ у марии и удмуртов дает возможность уточнить некоторые, уже устоявшиеся точки зрения на характер прафинно-угорских космогонических представлений, расширив ареал распространения мифа о творении мира из яйца.

Поскольку в традиционных марийском и удмуртском вариантах МНП образ утки-самки как таковой отсутствует (в марийском варианте Керемет имеет облик селезня, в то время как Юмо предстает в антропоморфном облике; в удмуртском тексте вместо водоплавающей птицы фигурируют Шайтан-водяной и рак) [5, с. 327-328], то В.В. Напольских обращает особое внимание на почитание уток у марии и удмуртов. У обоих народов утка, а также гусь являются жертвенными птицами [14, с. 65-66]. Особенно показательно, что удмурты, например, закалывали утку в жертву богам на берегу реки. При этом птицу, еще живую, могли показать Шунды-Мумы, богине солнца, прося взять утку в свои руки [14, с. 66]. В марийской сказке утка пытается украсть клубок ниток, принадлежавший сестрам-лебедушкам кече-ава-ўдыр-влакан (дочерям богини солнца) [13, с. 185].

Тем любопытнее, в свете всего вышесказанного, будет попытаться обнаружить реликты МТЯ у марии и удмуртов (а не просто отголоски в обрядах).

Очевидно, что марийцам был известен миф, аналогичный мордовской балладе об Ине Нармонь. Об этом можно судить, например, по древней народной песне «Попросила я у отца топор с оловянным лезвием...». В песне рассказывается о том, как на конце заросшей травой полосы вырос дуб с шестью ветвями. На него прилетела кукушка и свила гнездо, в котором из трех яиц высидала трех птенцов [18, с. 83-84]. Вроде бы в песне говорится исключительно о кукушке, символизирующей образ вдовы. Но Ю.А. Калиев цитирует такую древнюю восточномарийскую песню: «Отец мой небесный — кукушка, / Моя матушка — кукушино крылышко» [8, с. 119-120]. В первой строфе встречается выражение Юмын куко, что означает, буквально, Небесная кукушка или даже кукушка Юмо. Этот образ аналогичен различным астральным образам в марийской мифологии юмын кайык, йўксö кайык (небесной птицы, небесного лебедя) [8, с. 119-120].

Вместе с тем, по мнению В.А. Акцорина, в сиротской песне горных марии «Оставили за Волгой» присутствует мотив утки-матери, которая откладывает семь яиц: «Отец посадил гусыню на семь яиц, / Из семи гусят одного оставил за Волгой. / — От берега до берега плавай и кричи! — сказали. / Мать посадила утку на семь яиц. / Из семи утят одного оставила за Волгой. / — От берега до берега плавай и кричи! — сказали...». Гусь здесь символизирует мужское начало (как обско-угорский Эква-Пыриш), а утка материнское (как Ильматар, мать воздуха и воды). Исследователь отмечает, что образ утки, замещающий образ женщины, распространен в народной поэзии мордвы, удмуртов,

хантов, манси, коми [\[17, с. 15\]](#); [\[17, с. 190-191\]](#).

Иногда утка сносит не семь, а двенадцать яиц: «Лырык-ларык, утка / Снесла двенадцать яиц. / И снесла, и высидела, / Вывела двенадцать птенцов» [\[18, с. 279\]](#). На мой взгляд, не менее показательно то, что один, а именно седьмой гусенок и утенок остаются отделенными от остальных птенцов. Если шесть гусят и утят дают начало всему остальному миру, то седьмой оказывается особенным творением. Возможно, речь может даже идти о младшем сыне бога, борющимся за старшинство как обско-угорский Эквапырищ, башкирский Шульген, марийский Йын. Думается, числа 3, 6, 7, 12 здесь не случайны. В мордовской мифологии Анге-Патай сносит три яйца, из которых рождаются три богини [\[19, с. 292\]](#). Небесный бог Нишке возглавляет пантеон, состоящий из семи богов [\[19, с. 301\]](#). Семь сыновей было у обско-угорского Нуши-Торума [\[19, с. 371\]](#). Согласно «Записке» Ибн Фадлана (Х в.), южноуральские угры (маджгары, башгиры) поклонялись двенадцати богам [\[21, с. 32\]](#). В марийском космогоническом мифе праматерь-утка Юмын Ава семь раз летает к Земле из своего звездного гнездовья Лудо пыжаш, пока на седьмой раз не решает остаться возле сотворенной Земли [\[7, с. 117-118\]](#). На шестой день восточные марии во время празднования Күсö приносили жертвы богине неба Кую Каве [\[31, с. 187\]](#).

Отождествление утки с женщиной не является чем-то специфически финно-угорским. Нельзя сказать, что нечто подобное не характерно для русских народных песен. Например: «Ой, по морю, по морю, / По синему, по Хвалынскому, / Плыла тута утушка, / Плыла тута серая, / Где ни взялся селезень, / Где ни взялся искрасён» [\[26, с. 30\]](#). При этом мотивы устройства гнезда, откладки яиц, выведения птенцов отсутствуют. Впрочем, сокол в русской традиции чаще сравнивается именно с мужчиной, женихом (ср. сказка «Перышко Финиста ясна сокола»). В марийской сказке когда-то гусь надумывает жениться на утке. Но та, как кажется гусю, оказывается плохой хозяйкой, требуя, чтобы гусь сам постелил им постель. Гусь прогоняет утку. С тех пор утки гнезда вьют сами, сами устилают пухом постель [\[13, с. 346\]](#).

Таким образом, и у марии утка, прежде всего, самка. Селезнями являются Юмо и Йын (Керемет), вылупившиеся из снесенных Юмын-Авой, уткой-матерью, яиц. Данный миф в записях Ю.А. Калиева (1980-е гг.) и М.И. Иванова (2017–2019) был достаточно подробно проанализирован мной в ряде статей и монографии [\[9, с. 172-173\]](#). Он обнаруживает одновременно близость мордовскому и коми варианту, при этом в более поздней по времени записи М.И. Иванова от жителей Марий-Эл содержит уникальные подробности, касающиеся прилета богини Юмын-Аваже, праматери утки (Лудо Ава) из созвездия Утиного гнезда (Лудо пыжаш). В обоих вариантах (восточномарийском и луговомарийском) МНП землю творят совместно Юмо и Йын, при этом оба творца имеют орнитоподобный облик. Создание солнца, луны, ветра, звезд, в определенном смысле, приписывается матери-утке [\[8, с. 123-124\]](#).

Говоря о космогоническом мифе марии с участием Юмо и Йына (Керемета) нельзя обойти вниманием вопрос о времени и географии его бытования. Исходя из анализа этнографической литературы и полученных мной от информатора сведений, можно почти с уверенностью констатировать, что как противостоящие друг другу или тем более связанные родством персонажи Юмо и Керемет сейчас практически неизвестны восточным марии. Кереметы у последних в основном являются локальными родоплеменными божествами, духами или обожествленными основателями деревень [\[20\]](#).

Что касается излагаемого Ю.А. Калиевым мифа о прародительнице утке (оригинал записи на марийском языке мне обнаружить не удалось, имеется только научообразная передача содержания мифа на марийском языке в статье указанного автора в журнале «Ончыко»), то в настоящее время он не фиксируется. Вообще, утку, гуся полноценными мифологическими персонажами (а не просто жертвенными птицами), кажется, марии Мишкинского района (Башкирия) не признают [20], [29, с. 159]. Более того, те же гуси, как подношения богам, в прошлом ценились не очень высоко. По утверждению краеведа А.А. Изильяева, его бабушка утверждала, что гусей в массовом порядке стали использовать в качестве жертвы в 1930-е гг. Во-первых, это было не так обременительно для испытывавшего итак нелегкие времена крестьянского хозяйства. Во-вторых, это предполагало сохранение определенной конфиденциальности отправления «языческого» культа во времена активной борьбы с религией [20].

Более того, носители традиции убеждены, что сюжет о Юмо и Йыне был сконструирован Ю.А. Калиевым [20]. При этом указывается, что установление изображения утки на шесте (в деревне Чураево, Башкирия), муляжа мирового яйца (в Султан-Керемете, деревня Большесухоязовово, Башкирия) стало инициативой представителей местной интеллигенции, а не является продолжением или возрождением какой-то древней традиции [20].

Приводимые в брошюре «Путешествие к восточным марии» мифы «Юмо и Керемет» («Юмо да Керемет»), «Болезни и грехи человека» («Айдемын чирже ден языкше») [22, с. 31-34], «Как создавался мир» («Түнә ышталты же нерген») [22, с. 45-46] тексты мифов, казалось бы, находят параллели не только с записанным в XIX веке сюжете о противостоянии Юмо и Керемета, но и, например, с ижорской руной о сотворении светил из кусков выловленного ласточкой льда из первоначального моря: «Когда-то Мландэ-Кава — жена верховного бога Куго-Юмо, — снесла три яйца: медное, железное и ледяное...» («Алакунам Мланде Ава — Кугу Юмын ватыже кум муным: вүргене, куртньё да ий мунча...») [22, с. 45]. Хотя приведенный текст, возможно, является некоей поздней литературной интерпретацией, все же, думается, предположить наличие такого первоначала как лед для прауральцев не является чем-то невероятным. Известно, что прародина последних отличалась довольно суровыми климатическими условиями, длительными и морозными зимами. Это нашло отражение в данных языка с изобилием наименований для типичных таежных хвойных деревьев [28, с. 146]. Судя по общему названию для рябины, прафинно-угорские народы также первоначально расселялись преимущественно к северу от 57° широты [28, с. 147]. Разумеется возможность заимствования мифа о первоначально холодной земле уральскими народами у аборигенов Сибири совсем отрицать нельзя. Но равным образом поспешно, полагаю, исходя из вышеприведенных примеров, выключать его из состава прауральских и даже прафинно-угорских космогонических сюжетов.

Тем не менее, записи мифа М.И. Ивановым на территории республики Марий Эл убеждают в том, что МТЯ с участием Юмо и Йына марии был известен и не является плодом фантазии и, тем более, фальсификации. В отношении же марии Башкирии стоит напомнить очень глубокое замечание В.Я. Проппа о том, что наиболее архаические варианты как раз-то встречаются намного реже [9, с. 121] и, очевидно, исчезают быстрее. Возможно, в каких-то деревнях старожилы еще помнят хотя бы фрагменты мифа о водоплавающих птицах, творящих мир.

Впрочем, записанные тем же Ю.А. Калиевым мифологические песни о кукушке, лебеде отторжения у носителей традиции не вызывают и признаются за подлинный фольклорный

материал. Более того, во время беседы с краеведом А.А. Изилияевым удалось выяснить следующее. В деревне Верхнесухоязово на могилах было принято ставить высокие (до пяти метров) шесты с кукушками. Сами фигурки кукушек вытаскивались отдельно, представляя собой изображения парящих птиц с немного расправленными крыльями. Также подобные изображения встречались на могилах кладбищ деревень Большесухоязово, Сосновка, Чураево, Тынбаево, Старокульчубаево Мишкинского района (в том числе по материалам Р.Р. Садикова) [\[24, с. 61\]](#). По словам А.А. Изилияева, он спрашивал у своего деда 1939 г. рождения о причине особого отношения к кукушке у марийцев Башкирии. На это исследователь получал следующий ответ. Кукушка откладывает одно яйцо в чужое гнездо. Наш же мир тоже является чужим. Информант, продолжая данную логику, считает возможным говорить о том, что смысл древнего мифа мог заключаться в том, что кукушка приносила яйцо из небесного мира в земной мир. В то время как яйцо созревает внизу, душа после смерти устремляется наверх, в другой мир [\[20\]](#).

Как отмечает А.А. Изилиев, на данный момент изображение кукушки на кладбище деревни Большесухоязово уже не встречается. В начале 2000-х гг. информатор еще видел на некоторых кладбищах изображения кукушек (например, в деревне Чураево). Но шесты с кукушками уже начали исчезать с середины 1950-х гг. [\[20\]](#).

Мне кажется, что записанный материал вполне достаточен для того, чтобы говорить о сохранении у восточных марий (кстати, тоже практически пока в единичном варианте) прозаического МТЯ с участием кукушки. Очевидно, он был близок уже вышеупомянутой древней народной песне «Попросила я у отца топор с оловянным лезвием...» и мордовской балладе об Ине Нармонь.

В любом случае пока еще остаются в живых носители традиции, помнящие рассказы дедов и прадедов, а также старики и пожилые люди, родившиеся в 1930-е гг. или в 1940-е гг., сохраняется возможность обнаружения, записи и введение в научный оборот редких вариантов космогонических мифов марийцев и удмуртов.

Зачастую в марийских песнях первенство отдается гусю, как более значимой, чистой птице: «С длинной шеей белый гусь... / Любит купаться в большой воде. / С синей шеей утка... / Любит купаться в луже» [\[17, с. 374-375\]](#). Иногда кукушка — это «отец» (ача), а лебедь — «мать» (ава): «Отец наш — кукушка, мать — лебедь. / Мы с тобой птенцы кукушки и лебёдушки» [\[11, с. 65\]](#). В басне М. Большакова «Комбо ден лудо» серая утка смеется над белым гусем, ловящим рыбу. При этом сама утка оказывается измаранной засохшей грязью [\[3, с. 108\]](#).

Сохранилась в марийских песнях и следующая, очень важная деталь МТЯ о том, что лебедь, гусыня, утка *вьют гнездо на макушке, растущей посреди воды (реки) травы*. При этом часто название водоема конкретизируется, обеспечивая многообразие локальных вариантов мифа: «Посреди реки Ашият / Выросла водяная трава. / На макушке той травы / Лебедушка, прилетев, свила гнездо. / Гусыня, прилетев, снесла яйцо, / Утка, прилетев, вывела птенцов» [\[18, с. 82\]](#). При этом может подчеркиваться, что гусыня предпочитает проточную воду (йогышо вүд) в то время, как утка стоячую (шинчыше вүд): «Гогочущая гусыня / Любят проточную воду; / Крякающая утка / Любят стоячую воду. / Крылья утки над водой...» [\[19, с. 140\]](#).

Таким образом, здесь, на мой взгляд, можно проследить мотив небесной реки (Юмын Эпэр), которая в марийской астральной картине мира отождествлялась с Млечным Путем

[\[12, с. 19-26\]](#). На древний сибирский миф о летящих на юг с наступлением холодов птицах указывает предание о Кайык комбо корно («Дороге диких гусей») у мари, Линнун рата у финнов, Вирь мацеень ки у эрзи, Луд зазег сюрес у удмуртов [\[19, с. 8\]](#). Оно было распространено практически у всех финно-угорских и соседних с ними народов.

В связи с вышесказанным представляет большой интерес упомянутый В.В. Напольских обычай мамадышских удмуртов приручать, кормить двух лебедей, а потом отпускать их живыми в Вятку. Считалось, что если птицы поплынут вниз по течению, то это будет не к добру. Вверх по реке — значит просьбы молящихся достигнут богов [\[14, с. 76\]](#). Кажется, смысл этого обряда прямо противоположен сибирским представлениям о расположенной на юге, в верховьях мировой реки, стране хозяйки птиц. Поскольку Вятка и Кама текут с севера на юг, получается, что благостные земли перемещаются в прямо противоположную северную сторону. Однако сохранившееся у удмуртов проклятье быть посланным вниз по воде, по-моему, убеждает в обратном. Поскольку проклятье является эквивалентом русского «чтобы тебе умереть», оно прекрасно корреспондирует с обско-угорскими и кетскими поверьями [\[14, с. 76\]](#). Таким образом, древний мифологический смысл обряда в какой-то момент пришел в противоречие с изменившейся географией обитания этноса, но так и не смог измениться под влиянием реальной географии, сохранив географию мифическую.

Основываясь на собственных полевых материалах, Р.Р. Садиков отмечает такую интересную деталь, что в деревне Маядык (Башкирия) старухи марийки в прошлом собирали пух водоплавающих птиц для подушки, которую клали в гроб под голову умершего [\[24, с. 60\]](#).

Близкими к мордовско-марийским вариантам МТЯ являются те марийские песни, где речь идет о том, как птицы, например кукушки, слетаются на макушку березы, выросшей под горой: «Под большущей горой / Клеть на высоких столбах мы поставили. / Перед клетью той / Высокая береза выросла. / На березу, на верхушку, / Двенадцать кукушек слетелись...» [\[19, с. 107-108\]](#).

По мнению А.В. Акцорина, в позднейшие эпохи в качестве народно-поэтических символов или сравнений женщины являются образы сказочной птицы Эфи: «С голосом Эфи сказочной, / С маковым румянцем своим...», а также стрижа, голубя, соловья, скворца, ласточки. Также не лишним будет заметить сходство в описании внешности горномарийской Эфи с описанием внешности мордовской богини Кастанарго, одной из дочерей небесного бога Нишке. Лицо последней сравнивается с красивым яблоком [\[19, с. 301\]](#). Прослеживается и эволюционный путь метафоры-символа образа мужчины: гусь — сова — серебряная кукушка — белая куропатка — скворец — жаворонок и т.д. [\[17, с. 16\]](#); [\[17, с. 376-377\]](#). Здесь также следует заметить, что «девья красота» у русских и апай воштэт удмуртов выступают своеобразными символами. В свадебных или хороводно-игровых песнях они заменяются образами различных птиц: лебёдушки, утицы/утушки у русских, птенца голубя (дыдыкли), одинокого журавля (пал тури), фантастически красивой птицы — павлина (тутыгыш) у удмуртов [\[6, с. 201\]](#). Судя по описанию девьей красоты (удмуртского курника), приводимому Т.Г. Владыкиной со ссылкой на Г.Е. Верещагина, он мог иметь вид конструкции из двадцати прутьев, обвитых разноцветными лентами и лоскутками [\[6, с. 200\]](#). По моему мнению, это напоминает гнездо.

Иногда в одной марийской песне речь идет о гусе, утке и... горностае: «Через село летит гусь, / Через реку плывет утка, / Через Кокшагу идет дорога, / Через дорогу бежит

горностай...» [18, с. 237]. Возможно, здесь имеет место позднейшее «украшательство» и горностай действительно не имеет никакого отношения к древней космогонии (но образ плывущей по реке утки и дороги через реку, думается, не случайны). Тем не менее, укажу на приводимый В.В. Напольским в своей сводке ненецкий миф: «гагара нырнула и через семь дней принесла землю. Горностай приказал ей спать. Она уснула, а когда проснулась увидела готовую сушу» [14, с. 146]. Исследователь справедливо считает образ горностая в данном контексте уникальным [14, с. 146]. Участие животных в космогонических сюжетах больше характерно для мифов североамериканских индейцев.

Наряду с кукушкой в некоторых песнях упоминается трясогузка: «Кукушка яйцо снесла, / Не успела высицедеть птенца. / Хотя трясогузка высицедела. / Все равно кукушонок» [17, с. 182-183]. Согласно марийским приметам, мстя за уничтожение гнезда, трясогузка могла повредить капусту [9, с. 85]. Трясогузка была тотемом фратрии Мось обских угров и носила характерное название ис тэты вой «душу несущая птица» [9, с. 117], [9, с. 49]. Согласно космогоническому мифу айнов, творец Пасе Камуй направляет вниз трясогузку. Трясогузка летит над водой, пока не разгоняет ее в стороны взмахами крыльев и таким образом не создает первую сушу [9, с. 128].

Еще в одной марийской песне речь идет об утке, которая «любит плоты»: «Утка крякает ларт-ларт, / Любят плоты из снопов конопли, / У добрых людей растрепала снопы...» [18, с. 454-455]. Этот вариант как будто бы не имеет никакого отношения к МТЯ. Тем не менее, он обнаруживает интересные параллели с башкирским МНП, в котором сцепившиеся гнезда уток образуют мировой остров. Указанный сюжет также образует параллели с нивхским космогоническим мифом [9, с. 164-165].

Удмуртские варианты песен демонстрируют популярность мифологемы утка (гусь) с утятами. Также в пределах одной песни может указываться разное число птенцов: «Семь снесла гусыня да, / Восемь вылупилось гусят» [23, с. 103]. «Трани да, трани да, свадьба есть, телочка есть, / Утка моя да шесть только [яиц] снесла да, / Шесть только снесла да, из них выведутся ли [птенцы], нет ли да...» [6, с. 140]. «Также имеется мотив снесения яиц на некое возвышенное место: «На вершине высокой да высокой горы / Озерная утка птенцов выводит, ай. / Детки да подрастут да, улетят да насовсем, / Мать останется в слезах, ай» [16, с. 169]. Или на водную растительность: «Дикая гусыня где птенцов выводит? / На берегу реки в осоке. / Дикая утка где птенцов выводит? На месте спущенного пруда в осоке» [6, с. 135]. Покачивание утки на воде имитирует удмуртский танец, во время которого исполнители, парни и девушки, поют: «Гуси плавают, утки плавают, / Глубокие воды им нравятся, нравятся...». По мнению Т.Г. Владыкиной, здесь можно говорить об образе утки как порождающем женском начале [6, с. 139]. Характерно, что заклание утки во время молений Кылдысину всегда предшествовало закланию быка [6, с. 162]. При этом для удмуртов характерно разделение белой и черной утки. В этой связи можно вспомнить мифологизированные истории о сотворении мира светлым богом Ульгенем и владыкой Нижнего мира Эрликом в образе черных гусей, о связи гуся и лебедя с Вышим миром светлых богов у различных тюрко-монгольских народов Сибири [6, с. 138]. Если первая соотносится с небом, Шунды-Мумы, богиней солнца, то вторая со стихией леса [6, с. 98]. Как отмечает Т.Г. Владыкина, образ творцов гусей, которые съели червей, изрывших мировую гору, встречается в удмуртских прибаутках [6, с. 126-128].

В целом удмуртские варианты несколько более описательны. Тучи в них могут

сравниваться с самими птицами: «Темные, темные облака / Плынут, плывут над Камой / Прилетающие весной журавли, / Улетающие осенью гуси» [27, с. 68]. Плынет по течению гусь, / Берега как большие города...» [27, с. 81]. «Ой, вода струится, вода струится да, / С двенадцатью утятами утка плывет. / Крыльями птенцов своих укрывает, / Лисенка опасаясь» [23, с. 49]. В марийских заговорах облака считаются гнездовьями небесных гусей, а журавль вообще не встречается [9, с. 180-181]. В удмуртских песнях, как и в марийских, название водоема может конкретизироваться: «Дикая утка вывела, ой, своих утят / По [реке] Вало плавать» [23, с. 241]. В удмуртской сказке утка помогает герою переправиться через обступившую его со всех сторон воду [6, с. 12].

В восточнославянских песнях ожидаемо такого многообразия мотивов с участием водоплавающих птиц и вообще любых других птиц (кроме жаворонка, кукушки и сокола) не наблюдается. В карпатской колядке речь идет о голубках, которые достают дробный песок и синий (золотой) камень с морского дна. Из песка возникают земля, вода и трава; из камня — небо, солнце, месяц, зарница и звезды [4, с. 356]. В уже приведенной выше русской народной песне присутствует лишь простое сравнение женщины с уткой. Не редки образы птиц в башкирских народных песнях. Чаще всего в них присутствует образ птицы-охотника (сокола) [1, с. 212], преследующего жертву (утку, бекаса) [1, 185-186], олицетворения быстроты, свободы (беркут, ястреб) [1, с. 217, 262]. Одна из башкирских песен, как мне кажется, может неожиданно содержать возможный мотив добывания птицей-демиургом камня со дна моря, как в карпатской колядке: «В воду утешка ныряет, / Чтоб до камня донырнуть...» [1, с. 219]. Резонно вспомнить в этой связи предположение В.В. Напольских, что МНП, по крайней мере его отдельные варианты, могли попасть к славянам напрямую от авар-тюрок в VII в. [14, с. 112].

Вышеприведенные примеры, на мой взгляд, исключают возможность заимствования марийцами и удмуртами сюжетов у славян и тюрок, которые можно интерпретировать как фрагменты МТЯ.

Финский исследователь М. Кууси считал орла (орлицу) в руне о снесении яиц на колено Вяйнямёнена изначальным образом калевальского мифа. В.В. Напольских не соглашается с ним, полагая мифологемы водоплавающих птиц — утки и гусь — более древними [14, с. 30]. В этой связи представляет собой интерес следующая песня луговых марий: «Черный коршун поет... / Реке Юшут поет. / Посреди реки Юшут / Выросла жгучая трава. / Среди жгучей травы / Гусыня яйцо снесла, / Среди жгучей травы / Лебедь птенцов вывела» [18, с. 179]. Здесь заслуживает внимания то обстоятельство, что коршун-сарыч противопоставляется гусыне. Также любопытен образ жгучей, ядовитой травы. Возможно, в последнем мотиве отразились астральные образы марийской мифологии. В этой связи любопытно отметить марийское называние созвездие Козерога — Тулвуй (букв. «факел, головешка»). Также мари была известна яркая звезда Антарес в созвездии Скорпиона — Тул шүдýр (букв. «Огненная звезда») [12, с. 18-26].

Образ орла-творца, по всей видимости, был характерен для мадьярской (южноуральской) мифологии раннего средневековья. На венгерском серебряном диске из захоронения IX века изображен орел, держащий в клюве травинку, а в лапах двух уток. Утка справа сидит спокойно, утка слева подняла голову [14, с. 142], [19, с. 430]. Данный сюжет возможно расшифровать, если обратиться к североамериканскому мифу йокутс (калифорнийских индейцев). Из гнезда на дереве, посреди первичного моря,

орел послал за землей двух уток. Ни одна из них не выжила. Но под ногтями (!) у последней осталось немного земли. Из нее орел создал сушу [\[14, с. 157-158\]](#). Немаловажно, что орел в венгерской мифологии отождествляется с легендарной птицей турул, которая, оплодотворив спящую Эмесе [\[30, с. 94\]](#), фактически становится тотемным символом династии Арпадов.

К изначальным астральным образам марийского космогонического мифа типа МТЯ, находящим параллели в прибалтийско-финских сюжетах, также относятся: созвездие Тельца — Куку (мар. «кукушка»); созвездие Лиры или Ориона — Пызле вондо (букв. «Рябиновый куст»); Плеяды — Ер шүдьыр, Лудо пыжаш шүдьыр (мар. «Звездное озеро», «Утиное гнездо») [\[12, с. 18-26\]](#).

Обозначение Плеяд как Утиного гнезда также характерно для русских, вепсов, коми-зырян, хакасов, тундровых ненцев, манси, хантов. Мордва называет Плеяды Озонянь полк, удмурты — Чёш кар кизили («Звезда утиного гнезда») [\[2\]](#).

Хотя удмуртский миф в записи Б. Мункачи (1887) не сохранил образа орнитоподобного ныряльщика, в нем уцелел такой глубоко архаический доуральский (допрауральский) мотив как упоминание о неудачливом предшественнике добытчика земли [\[14, с. 89\]](#). Когда Шайтан по повелению Инмара ныряет в воды первичного моря, чтобы добыть землю для творения, он никак не может достичь дна. Но вот встречает рака. Узнав, что Шайтан пытается добыть землю, рак очень удивляется, заявляя, что он живет «здесь уже двенадцать лет, но дна еще не видывал» (курсив мой. — И.А.). Однако Шайтан проявляет упорство и опускается под воду дальше, пока благополучно не достигает желанной цели [\[5, с. 328\]](#). В.В. Напольских удачно сравнивает этот удмуртский миф с бурятским мифом об утке Ангир. Рак там называется «рыба-ножницы». Но при этом рак говорит, что весь век живет под водой. Точное указание на срок в двенадцать лет отсутствует [\[15, с. 26-27\]](#).

В 1930-е гг. исследователям удалось записать космогонический миф об Инмаре и Шайтане у удмуртов среди южных удмуртов в Алнашском районе УАССР [\[24, с. 139-140\]](#). Он не содержит подробности насчет встречи Шайтаном рака. Р.Р. Садиков считает вышеупомянутый миф довольно поздним вариантом более древнего предания о сотворении мира водоплавающей птицей, скорее всего уткой. Исследователь также проводит параллели между космогоническими мифами удмуртов, коми, мари [\[24, с. 140-141\]](#). Возможно, в прошлом у удмуртов бытовали мифы собственно о прародительнице-утке. Так представляет, на мой взгляд, интерес фраза, которую произносили удмурты непосредственно перед имянаречением: «ми ветлись-мынились чёж» (букв.: «мы идущую-ходящую утку») [\[24, с. 177\]](#). Р.Р. Садиков считает, что она выражала обещание принести в жертву утку [\[24, с. 177\]](#). Думается, что здесь также мог скрываться сюжет о некой периодически творящей новую жизнь священной птице. Недаром в записанном М.И. Ивановым варианте марийского космогонического мифа о прamatери-утке, Шочын-Ава несколько раз возвращалась на землю, чтобы удостовериться в удачности сотворенного мира.

Выше я уже выделял ижорский МТЯ в отдельный вариант. Прежде всего, он необычен своей концовкой, в которой светила творятся из кусков добытого из первичного моря льда.

Мотив издревле покрытой снегом и льдом мерзлой земли В.В. Напольских считает

нетипичным для прауральских космогонических мифов. Так он отмечает, что изолированное положение нганасанского мифа о том, как Белый человек в союзе с Матерью жизни сражался с первобытными льдами, в начале времен покрывавшими всю землю. Этот мотив не относится к типам МТЯ и МНП. Поэтому, как полагает В.В. Напольских, он мог быть заимствован у туземного населения Сибири и только позже воспринят некоторыми уральскими народами [14, с. 27-28].

Тем не менее миф о первоначально холодной, «неживой» земле можно обнаружить у башкир-гайницев, которые, по мнению Р.Г. Кузеева, считаются потомками тюрканизированного финно-угорского населения Приуралья [13, с. 213]. В этногенетическом предании рода гайна рассказывается о том, как два брата приехали на берега реки Тулва из снежных стран. В то время почва была мерзлой. И только победив хозяйку Тулуа, спрятавшую солнце, братья сделали мир пригодным для жизни людей [1, с. 115-117]; [8, с. 113].

Таким образом, поводя итог вышесказанному, можно предположить, что миф о творении из яйца был характерен не только для прибалтийско-финских народов, а также мордвы и коми. В составе мифа о ныряющей птице его отголоски обнаруживаются у марий, либо у них же, как составная часть культа кукушки. Более похожи на собственно прибалтийско-финские варианты некоторые мотивы марийских и удмуртских народных песен с участием утки (гуся). Отдельную категорию составляют марийские и удмуртские космогонические мифологемы об орле, раке, горностае, ледяном яйце, гнездах-плотах, обнаруживающие большое сходство не только с мифами финнов, венгров, но и с мифами народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Библиография

1. Башкирское народное творчество / Гл. ред. Н.Т. Зарипов; пер. с башк. Т. 8: Песни (дооктябрьский период) = Йырҙар (октябрғә тиклемге осор). Уфа: Китап, 1995. 401 с.
2. Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Космическое яйцо. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 14.01.2023)
3. Большаков М. Комбо ден лудо // Ончыко. 1954. № 2. С. 108.
4. Веселовский А.Н. Народные представления славян. М.: АСТ МОСКВА, 2006. 667 с.
5. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 2018. 400 с.
6. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал / УИИЯЛ УдМФИЦ УрО РАН. Ижевск: Издательство «МонПоражён», 2018. 298 с.
7. Иликаев А.С. Башкирские и марийские мифы о сотворении мира: сравнительный анализ // Многонациональный регион: социальные технологии устойчивого развития. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Академия наук Республики Башкортостан. Уфа: Аэтерна, 2022. С. 111-120.
8. Иликаев А.С. Финно-угорские и марийские мифы о сотворении мира: сравнительный анализ // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году культурного наследия народов России. Йошкар-Ола: Государственное бюджетное научное учреждение при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева», 2022. С. 113-133. doi: 10.51254/978-5-94950-120-

7_2022_05

9. Иликаев А.С. Матриархальные проявления ранних форм религии в космогонических мифах народов Урало-Поволжья: башкиры, марийцы, русские. Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. 336 с.
10. Калевала / перевод с финского Л. Бельского; Вступ. статья М. Шагинян. Москва: Худож. лит., 1977. 574 с. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 12).
11. Калиев Ю.А. Мифы марийского народа. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2019. 447 с.
12. Калиев Ю.А. Об астральных представлениях марийцев // Современные проблемы развития марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1994. С. 18-26.
13. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Китап, 2009. 296 с.
14. Марийские народные сказки. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003. 352 с.
15. Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М.: Институт этнологии и антропологии АН СССР, 1991. 190 с.
16. Напольских В.В. Как Вукузё стал создателем суши: Удм. миф о сотворении земли и древнейшая история народов Евразии: Науч.-попул. соч. / АН СССР, Урал. отд-ние, Удм. ин-т истории, яз. и лит. Ижевск: УИИЯЛ, 1993. 158 с.
17. Нуриева И.М. Песни завятских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. Вып. 2. 332 с. (Удмуртский фольклор).
18. Песни горных мари = Кырык мары халык мырыва: свод марийс. фольклора / Марийс. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории им. В. М. Васильева / Сост.: В.А. Аккорин, К.Г. Юадаров. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. 510 с.
19. Песни луговых мари. Ч. I. Обрядовые песни. Свод марийского фольклора / Сост. Н.В. Мушкина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 592 с.
20. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М.: Изд-во АСТ: Транзит книга, 2003. 463 с.
21. ПМА. Полевой материал автора. Информатор: Изилиев Александр Аркадьевич, 1983 г. рождения, д. Большесухоязово. Беседа проведена 13.02.2023.
22. Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара [Текст] = Ibn Fadlan's Journey: Volga route from Baghdad to Bulghar: каталог выставки / Государственный Эрмитаж, Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль»; Науч. ред. А.И. Торгоев, И.Р. Ахмедов. Москва: Изд. дом Марджани, 2016. 559 с.
23. Путешествие к восточным мари. К 100-летию первого всероссийского съезда мари / Отв. за выпуск Иванова О.М. Уфа: Изд-во «Башкортостан», [без год. изд.]. 54 с.
24. Пчеловодова И.В., Анисимов Н.В. Песни южных удмуртов. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН; Тарту: Эстонский литературный музей, 2020. Вып. 4. 376 с. (Удмуртский фольклор).
25. Садиков Р.Р. Традиционная религия закамских удмуртов (история и современность). 2-е изд., доп. / Ин-т этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН. Уфа: Первая типография, 2019. 320 с.
26. Садиков Р.Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан: (история, культура, демография). Федеральное агентство научных организаций, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской академии наук. Уфа: Первая тип., 2016. 274 с.

27. Собрание народных песен П.В. Киреевского / Предисл., послесл., состав. В.И. Калугина. Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. 462 с.
28. Травина И.К. Удмуртские народные песни. Ижевск: Из-во «Удмуртия», 1964. 228 с.
29. Хайду П. Уральские языки и народы / пер. с венг. Е.А. Хелимского; Под ред. К.Е. Майтинской; Предисл. Б.А. Серебренникова. Москва: Прогресс, 1985. 430 с.
30. ЭрВел Семен (Новиков С.С.) Восточные марийцы. Философия, история, люди. Йошкар-Ола: ГУП «Газета «Марий Эл», 2007. 316 с.
31. Юрасов М.К., Матузова В.И. «Деяния венгров» Магистра П., которого называют анонимом // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2007. № 1 (2). С. 87-98.
32. Paasonen H. Tscheremissische Texte. Suomalais-ugrilainen Seura. Helsinki, 1939. 252 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Мотивы творения мира из яйца в космологических мифах прибалтийско-финских народов, марийцев и удмуртов: сравнительно-сопоставительный анализ».

Предмет исследования обозначен в названии и раскрыт в тексте работы.

Методология исследования базируется на принципах историзма, объективности и системности. В работе использованы общеисторические методы научного исследования: историко- генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный. В работе также использованы этнографические методы исследования (сбор полевого материала).

Актуальность определяется тем, что изучение мифов о сотворении мира из яйца (МТЯ)в космологических мифах прибалтийско-финских народов, марийцев и удмуртов дает возможность дать выявить их общность и специфику

Этим и обстоятельством продиктована тема исследования мифов этих народов в сравнительно-сопоставительном аспекте. Автор пишет, что обнаружение «мотивов МТЯ у мари и удмуртов дает возможность уточнить некоторые, уже устоявшиеся точки зрения на характер прафинно-угорских космогонических представлений, расширив ареал распространения мифа о творении мира из яйца».

Новизна исследования состоит в постановке проблемы, цели и задач исследования. Научная новизна не подлежит сомнению, работа имеет теоретическое значение для предметной области.

Стиль работы академический, написан ясным языком и текст читается легко. Структура работы нацелена на достижение цели и решение поставленных задач. Структура работы логично выстроена и отвечает требованиям к такого рода работам. Название статьи соответствует ее содержанию. При изложении материала автор продемонстрировал результаты анализа историографии проблемы в виде ссылок на актуальные труды по теме исследования. Текст статьи показывает, что автор хорошо владеет материалом, хорошо разбирается в теме исследования и в смежных темах.

Библиография работы состоит из 32 источников. Это фольклорные тексты, работы предшественников и работы по теме и смежным темам последних лет. В их числе следует назвать работу Владыкина В.Е (2018), работы Иликаева А.И., (2022), Калиева Ю.А. (2019), Садикова Р.Р. (2019), Березкина Ю.Е., Дувакина Е.Н. (2023). и т.д. Библиография показывает, что автор в теме исследования разбирается глубоко.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи и в библиографии, которая дает возможность оппонентам и читателям получить ответ на интересующие их вопросы по исследуемой теме.

Выводы автора вытекают из проведенной на высоком научном уровне анализа источников и литературы. Автор в заключении работы пишет, что, подводя итог проделанной работе можно утверждать, «что миф о творении из яйца был характерен не только для прибалтийско-финских народов, а также мордвы и коми. В составе мифа о ныряющей птице его отголоски обнаруживаются у марий, либо у них же, как составная часть культа кукушки. Более похожи на собственно прибалтийско-финские варианты некоторые мотивы марийских и удмуртских народных песен с участием утки (гуся). Отдельную категорию составляют марийские и удмуртские космогонические мифологемы об орле, раке, горностае, ледяном яйце, гнездах-плотах, обнаруживающие большое сходство не только с мифами финнов, венгров, но и с мифами народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». Статья посвящена интересной и актуальной теме, имеет признаки новизны и вызовет интерес читателей журнала.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Старикова Е.В. — Польское восстание 1863–1864 гг. и повстанцы глазами русских военных и чиновников // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.39689 EDN: XDFNUW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39689

Польское восстание 1863–1864 гг. и повстанцы глазами русских военных и чиновников

Старикова Елена Витальевна

соискатель, кафедра истории России XIX века – начала XX века, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27, корпус 4

✉ e.starikova1403@list.ru

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.2.39689

EDN:

XDFNUW

Дата направления статьи в редакцию:

30-01-2023

Аннотация: Статья посвящена изучению проблемы восприятия русскими офицерами и чиновниками участников польского восстания 1863–1864 годов в Царстве Польском и Западном крае. Польское восстание 1863–1864 годов является важнейшей вехой в истории русско-польских отношений и формировании образа поляка в русском обществе. Во внутренних губерниях большинство людей получали сведения о восстании в основном из периодической печати, благодаря которой на уже существовавшее представление о поляках накладывался образ жесткого врага. Но среди русских были и те, кто во время восстания находился в гуще событий. Это были военные и чиновники, направленные в Царство Польское и Западный край. Благодаря личному опыту участников событий формировался гораздо более многогранный образ. Тема взаимного восприятия поляков и русских уже многие годы вызывает научный интерес российских и польских исследователей. В историографии существует большой пласт научных работ, посвященных изучению образов и взаимных стереотипов поляков и русских. Актуальность статьи заключается в отсутствии комплексных исследований, в которых предметом изучения становилось бы личное восприятие русскими офицерами и чиновниками участников восстания. В ходе исследования были изучены воспоминания непосредственных участников событий, которые принимали участие в подавлении восстания и реформировании управления Западного края. В статье делается попытка

показать польских восставших такими, какими их видели русские военные и чиновники. Кроме того, интерес также представляет восприятие ими таких аспектов восстания, как степень его подготовленности, причины побед и поражений повстанцев. Результатом исследования стало конструирование образа повстанца, а также выявление факторов, которые влияли на формирование этого образа.

Ключевые слова:

польское восстание, Царство Польское, поляки, Западный край, образ поляка, образ врага, воспоминания, образ повстанца, восприятие, подавление восстания

Польское восстание 1863–1864 годов является важнейшей вехой в истории русско-польских отношений и формировании образа поляка в русском обществе. Начавшееся для многих внезапно, восстание сразу всколыхнуло русское общество и вызвало сильнейшую волну негодования по отношению к другому народу. На уже существовавшее представление о поляках накладывался образ беспощадного врага.

Но среди русских были и те, кто во время восстания находился в гуще событий. Это были русские военные и чиновники, отправленные для подавления восстания и реформирования местного административного аппарата. Если для тех, кто находился в тылу и узнавал о событиях в Царстве Польском и Западном крае, восставшие представлялись жестокими врагами, то для самих офицеров-участников событий все было далеко не так однозначно. С одной стороны, восстание воспринималось русскими военными как зло, с которым нужно бороться. Но, с другой, столкновения лицом к лицу с повстанцами порой заставляли переосмысливать уже сложившиеся у них представления о восстании.

Тема взаимного восприятия поляков и русских уже многие годы вызывает научный интерес отечественных и польских исследователей. Важной работой, посвященной этой проблеме, является монография А. Кэмпиньского «Лях и москаль: Из истории стереотипа» [1]. На основе художественной литературы и документальных источников автор изучает механизмы формирования стереотипов в культуре двух народов.

Большой вклад в изучение образов и взаимных стереотипов поляков и русских был внесен участниками русско-польских научных конференций, которые проводились в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Итогом их деятельности стало появление сборников статей, посвященных различным аспектам взаимного восприятия поляков и русских на протяжении всей истории их взаимодействия. Среди них стоит назвать сборник докладов «Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание» [2], «Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре» [3], «Поляки и русские в глазах друг друга» [4]. Тема по сей день не утратила актуальности, существует еще множество аспектов, которые требуют дальнейшего рассмотрения для создания глубокого представления о двух культурах.

Представление о поляках в России не было однозначным. С одной стороны, как показано в работе Л. Е. Горизонтова, еще в конце XVIII – первой половине XIX века в России существовали представления о поляках, как о приверженцах революционных идей и действий [5, с. 144–145]. На это оказывала влияние постоянная борьба поляков за независимость и их действия, направленные против России [6, с. 117–118]. С другой

стороны, судьба польского народа, потерявшего независимость, вызывала у части русского общества сочувствие к национально-освободительным стремлениям поляков [\[17\]](#).
[\[192\]](#).

Разразившееся в 1863–1864 годах польское восстание привело к кардинальному ухудшению отношения к полякам в русском обществе. Эти чувства подогревались сведениями о жестокости повстанцев, которые массово тиражировались средствами периодической печати. В то время как большинство людей могло довольствоваться только сведениями из газет, российские военные могли своими глазами увидеть то, что происходило в то время в Царстве Польском и Западном крае. Некоторые из них оставили воспоминания, в которых рассказали о том, что видели, и какое участие принимали в этих событиях.

В ходе исследования были изучены мемуарные источники. Они имеют определенно субъективный характер, но при этом они помогают понять, какие представления и образы существовали в то время, когда жили мемуаристы. Авторы воспоминаний были не только очевидцами описанных ими событий. Во время пребывания в Царстве Польском и Западном крае и после восстания они обменивались мнениями с другими участниками событий. В процессе общения они делились своими наблюдениями, слушали своих собеседников, обсуждали важные для них вопросы. Как отметил А. Г. Тартаковский применительно к мемуаристике в целом, в процессе этого общения личные воспоминания растворяются в «среднем» мнении, которое может быть усвоено как своё собственное [\[8, с. 29\]](#). В связи с этим записки, составленные отдельными авторами, в определенной степени отражают общие идеи,ственные для широкого круга лиц. С другой стороны, всякое суждение, отличное от общих идей, представляет ценность именно как индивидуальное.

В работе рассмотрены воспоминания 11 авторов, описавших события, происходившие в Царстве Польском и Западном крае в период восстания. Большинство авторов во время восстания служили офицерами в различных полках Царства Польского и Западного края. Среди них стоит назвать Л. Л. Драке – офицера 6-го Либавского пехотного полка [\[9\]](#), А. Н. Витмера – офицера Гродненского гусарского полка [\[10\]](#), А. Вязмитинова – офицера Александрийского гусарского полка [\[11\]](#), И. Н. Пономарева – офицера 5-го Литовского уланского полка [\[12\]](#), В. А. Потто – офицер 3-го драгунского Новороссийского полка [\[13\]](#), Д. Г. Анучина – адъютанта главнокомандующего войсками в Царстве Польском [\[14\]](#), В. Щербовича-Вечоры – офицера 23-го Низовского пехотного полка, ординарца генерал-лейтенанта С. Г. Веселитского [\[15\]](#), М. П. Межецкого – полкового адъютанта Нарвского пехотного полка [\[16\]](#). В работе также были исследованы воспоминания И. Г. Ностица, который во время восстания уже имел чин генерал-майора и командовал войсками, действовавшими против повстанцев [\[17\]](#).

Несколько авторов не принимали активного участия в боевых действиях, но участвовали в реформировании управления Западного края. Среди них был Я. Н. Бутковский [\[18\]](#). Отдельно стоит выделить И. В. Любарского, так как он был полковым врачом и не принимал непосредственного участия в сражениях [\[19\]](#). В своих воспоминаниях о службе в Западном крае в период с 1860 по 1864 годы автор дает яркую характеристику повстанческим отрядам, а также описывает настроения в этом крае во время восстания.

Еще одной важной характеристикой источников является то, что большинство изученных

мемуаров создавались спустя значительный промежуток времени после восстания. Но некоторые авторы во время создания мемуаров пользовались своими письмами, написанными во времена восстания [9, № 8, с. 340]. Наиболее приближенные ко времени восстания – рассказ Д. Г. Анутина, опубликованный в 1863 году, а также записки П. А. Потто, опубликованные в период с 1867 по 1870 годы. Некоторые авторы, например, И. Н. Пономарев, И. В. Любарский, Я. Н. Бутковский и другие, включали в свои в записки не только то, что они видели своими глазами, но и вплетали в своё повествование сведения, полученные от других участников событий.

Определить мотивы каждого автора едва ли представляется возможным. Ко времени создания воспоминаний большинство авторов уже были в отставке и для них польское восстание было делом давно минувшим. Едва ли можно упрекнуть авторов либо в стремлении показать свою лояльность властям, либо напротив показать более положительное отношение к восставшим в связи с общественными процессами, которые происходили в стране в исследуемый период. Мемуары, которые были рассмотрены в статье, публиковались в период с 1863 по 1909 год, и за это период в отношении к полякам не произошло кардинальных изменений. В связи с этим можно сделать осторожное предположение, что любое суждение, несущее в себе положительное отношение как со стороны мемуариста, так, в особенности, и других участников событий, заслуживает особого внимания.

В этой статье будет сделана попытка показать польских восставших такими, какими их видели русские военные и чиновники, непосредственные участники событий. Кроме того, интерес также представляет восприятие ими таких аспектов восстания, как степень его подготовленности, причины побед и поражений повстанцев. Также важно изучить, от чего зависело то, или иное восприятие повстанцев.

Жестокость

Восстание началось в ночь с 10 на 11 января 1863 года, когда повстанческие отряды напали на несколько российских гарнизонов. Для описания этих событий авторы воспоминаний используют словосочетания «предательски напали», «произвели резню» [19, № 4, с. 159], «Варфоломеевская ночь» [14, с. 506], для того чтобы подчеркнуть их неожиданность и беспощадность. С самого начала восстания появились сведения о многочисленных жестоких убийствах русских солдат повстанческими отрядами. Жертвами становились не только русские, но и представители местного населения, не желавшие оказывать восставшим поддержку.

Сведения о расправах породили у русских представление о крайней жестокости повстанцев, что нашло отражение в воспоминаниях многих авторов. В большинстве мемуаров авторы приводят яркие описания убийств, произведенных повстанцами, тем самым подчеркивая их необоснованную жестокость по отношению к русским солдатам и местному населению. Так В. А. Потто рассказывает о движении русских войск в направлении Красника в апреле 1863 года и сцен, которые им пришлось наблюдать: «Следы, проходивших здесь мятежников обозначались трупами крестьян, повешенных на деревьях по несколько человек вместе». Автор пишет, что по положению трупов можно было судить о том, что «инсургенты», издевались над мертвыми [13, 1868, № 3, с. 129].

С одной стороны, жестокость «инсургентов» вызвала у военных желание как можно скорее наказать виновных. В. А. Потто пишет, что, видя своими глазами убитых крестьян, солдаты сами ожесточались: «...в сплоченных рядах их слышался ропот негодования, и грозный клик, "что пленных не будет" не раз проносился из конца в конец по отряду»

[\[13, 1868, № 3, с. 129\]](#). О реакции военных на действия повстанцев также упомянул в воспоминаниях И. Н. Пономарев: «До нас все чаще и чаще доходили сведения о зверствах, совершаемых возмущившимися поляками над пленными. Ожесточение в войсках росло и все с нетерпением ожидали встречи с врагом» [\[12, № 9, с. 738\]](#).

С другой стороны, будущая борьба с повстанцами представлялась более сложным делом, чем обычная война. И. Н. Пономарев описал ожидания офицеров от готовящейся партизанской борьбы: «...нападение из-за угла, засады, жестокая расправа мятежников с пленными, отрава – все это вместе взятое входило в план польских начальников» [\[12, № 9, с. 733\]](#).

Устрашающие действия повстанцев оказывали на некоторых офицеров тяжелое психологическое воздействие, с которым они не могли справиться. Одним из них был поручик Бауман, служивший в 4-ом эскадроне Литовского уланского полка. Узнав о жестокости повстанцев, Бауман стал одержим страхом перед ними. Своим сослуживцам он постоянно говорил, «...что его обязательно захватят в плен и подвергнут самым ужасным пыткам» [\[12, № 10, с. 140\]](#). В конце концов, не выдержав психологического давления, поручик Бауман застрелился. Это стало настоящей трагедией для полка [\[12, № 10, с. 141\]](#).

Среди революционных сил существовала особая категория повстанцев, основной задачей которых была борьба с противниками восстания. Среди них были кинжалщики, названные по орудию, которое они использовали, а также жандармы-вешатели. Эта категория, известная своей жестокостью, отдельно описывается многими авторами. С точки зрения И. Н. Пономарева, жандармы-вешатели были хорошо организованы и отличались преданностью своему жесткому делу: «Раз жонд приговаривал кого-нибудь к смерти, то, какие бы он не принимал меры осторожности, казнь приводилась в исполнение» [\[12, № 10, с. 149\]](#). Я. Н. Бутковский считал, что «вешатели» и «кинжалщики» не были борцами за независимость Польши, а являлись лишь палачами, которые выполняли все указания «жонда». Он указывал, что порой жертвами становились ни в чем неповинные люди лишь за то, что они были русскими [\[18, № 11, с. 335\]](#).

С точки зрения И. Н. Пономарева, во многом благодаря существованию этой отдельной категории убийц, польскому революционному движению удавалось подавлять попытки сотрудничества местного населения с властями, тем самым сокращая риски раскрытия революционных организаций. Как указывал автор: «Простой народ при одном их имени трепетал и по их первому требованию отдавал последний свой трудовой грош» [\[12, № 10, с. 151\]](#). Д. Г. Анучин также писал о том, что сельские жители боялись даже думать о доносе на мятежников «...потому что все будет узнано, и если не доносчик, то его семейство или односельцы пострадают жестоко» [\[14, с. 513\]](#).

Зверства «мятежников» порождали в самих русских жестокие чувства. Во время поездки по Западному краю в одном из местечек Я. Н. Бутковский узнал, что повстанцы почти до смерти засекли нагайками сына местной булочницы-немки. После долгих расспросов удалось выяснить, что местный звонарь-шляхтич принимал повстанцев у себя дома, а сама экзекуция над молодым немцем происходила перед окнами его дома. На допрос вместе со звонарем явился местный ксендз. Они оба отказывались что-либо признавать или рассказывать. Автор пишет: «Вся эта история меня волновала, кровь била в виски, и я под влиянием этих зверских сцен сам почувствовал себя зверем» [\[18, № 11, с. 350\]](#). Я. Н.

Бутковский распорядился допросить звонаря, применяя нагайки так же, как это сделали повстанцы с немцем. Никакие увещевания шляхтича и даже угрозы ксендза пожаловаться министру не остановили автора. Я. Н. Бутковский писал, что он ожесточился до такой степени, что даже не слушал просьб жены и детей шляхтича. Этот страшный допрос на всю жизнь запечатлелся в памяти автора. Он пишет: «И до сего дня я не могу без ужаса вспомнить об этой сцене, за которую получил личную благодарность министра, генерал-губернатора, и одобрение всех местных деятелей; но я подвергся также строгому порицанию своих петербургских знакомых. Краска стыда выступает у меня при воспоминании о том, что я мог превратиться в зверя, и я сам не могу решить, так ли я поступил, как следовало в эти критические минуты» [\[18, № 11, с. 351\]](#).

Тяжелое впечатление на авторов производила гибель от рук повстанцев тех людей, которые оказывали помощь русским войскам. Л. Л. Драке пишет, что во время экспедиций по поиску мятежников находили «на лесных дорогах и у усадеб повешенных, с прикрепленным к груди листком бумаги и надписью на ней "здраца ойцизы" (т. е. изменник отечеству); так зверски мстили повстанцы за малейшую услугу нашим экспедиционным отрядам» [\[9, № 9, с. 540\]](#).

То, что русские считали правильными и благородными поступками, рассматривалось польской революционной организацией как предательство национальных интересов. Люди, лишь заподозренные в связях с властями, подвергались расправам со стороны революционной организации. И. Н. Пономарев рассказывает о шляхтиче из Грубешова, сообщившем об отравленном супе. Этот человек был найден повешенным в своем доме за то, что сорвал планы польских революционеров [\[12, № 9, с. 739\]](#). Девушка Маруся, предупредившая русского офицера, чтобы тот не спал ночью перед готовящимся нападением повстанцев, была повешена отрядом, в который входил ее отчим [\[12, № 9, с. 750\]](#). Обе ситуации для автора едва ли постижимы. Он видит долгом русских оказать помощь семьям погибших или отомстить за их гибель.

Авторы также указывали, что по мере ослабления мятежа, жестокость повстанцев только усиливалась и принимала все более жуткие формы. В. А. Потто писал: «Чем безнадежнее становился мятеж, тем чудовищнее делался террор, и над городами и селами, над помещиками и крестьянами, над всем, что так или иначе, касалось рокового польского дела, висел Дамоклов меч и грозил ослушным смертью и разорением» [\[13, 1868, № 12, с. 421\]](#).

Таким образом, с самого начала восстания у русских возникает представление о жестокости повстанцев. Это явление вызывало в авторах разные чувства: на некоторых действия повстанцев наводили страх, в других же порождали желание совершить возмездие над врагом. Отдельно стоит отметить, что понимали русские авторы под жестокостью. Действия поляков в бою не воспринимаются как что-то неправильное или жесткое. Напротив, многие авторы подчеркивают смелость повстанцев или хорошее владение ими оружием. Жестокость для русских – это именно действия повстанцев, направленные против безоружных и слабых.

Неуловимость и информированность

Сложность борьбы с повстанцами, по мнению многих авторов, заключалась в способе организации их действий. Восстание 1863–1864 годов приняло характер партизанской борьбы, поэтому не существовало какой-либо единой армии, повстанцы были объединены в отряды, которые действовали в разных регионах Царства Польского и

Западного края. Значительную часть времени повстанцы проводили в лесах.

Проблемой для русских войск была также высокая скорость перемещений повстанческих «банд». Д. Г. Анучин пишет, что поиск «инсургентов» осложняло и то, что они редко надолго задерживались на одном месте [14, с. 514]. О неуловимости восставших свидетельствует то, что значительную часть времени военные проводили в поисках повстанцев, а не в прямых столкновениях с ними. Л. Л. Драке рассказывает, что «отряды зачастую бродили, особенно по лесным дорогам, как с завязанными глазами и, побродив иногда несколько суток, возвращались на свои стоянки, не встретив ни одного инсургента» [9, № 8, с. 342]. Схожее описание малорезультативных поисков встречается в большинстве воспоминаний.

Поиск повстанцев осложняли и трудности, с которыми сталкивалась русская армия. Так, в некоторых частях даже отсутствовали топографические карты. Л. Л. Драке пишет, что из-за этого приходилось искать проводников «языков» в деревнях и mestechках. Местные жители помогали военным с большой неохотой «из боязни мщения со стороны инсургентов» [9, № 8, с. 342].

Таким образом, постоянные перемещения повстанцев и отсутствие постоянной локации не только осложняло их поиск, но и усиливало представление об их неуловимости.

Многие авторы подчеркивают то, что повстанцы имели серьезную сеть информаторов и сторонников среди местного населения. Л. Л. Драке указывает, что «...в шпионах они недостатка во все время восстания никогда не встречали, агенты у них были всюду и по преимуществу евреи» [9, № 8, с. 341]. В воспоминаниях описываются многочисленные случаи, когда повстанцы были уже будто бы кем-то предупреждены о приближавшихся русских войсках. Так Л. Л. Драке рассказывает о том, что недалеко от Белостока «банда» повстанцев повесила помещицу в ее собственном доме на люстре за отказ выплатить им контрибуцию. Русские войска не успели наказать виновных, так как сведения о происшествии были получены через несколько дней, и «банда уже исчезла» [9, № 8, с. 341]. Д. Г. Анучин пишет, что в разных местностях у революционного комитета были свои агенты, которые постоянно жили на одном месте и не вызывали поводов к подозрению. Благодаря этим агентам, с точки зрения автора, со всех окрестностей собиралось продовольствие, и проводился сбор новых людей для пополнения «банд» повстанцев [14, с. 513].

Пленные поляки во время допросов сообщали, что они получали информацию о всех секретных приказаниях, полученных частями русских войск. Это происходило даже несмотря на то, что ключи от шифрованных депеш менялись каждый день [12, № 10, с. 149]. Д. Г. Анучин также отмечал, что застать поляков врасплох было сложно, так как они почти всегда знали о движении против них войск, и если их позиции были невыгодными, то отступали [14, с. 516].

Организация повстанческих отрядов

Многие стычки с польскими повстанцами приводили к большим жертвам со стороны восставших. Разные авторы приводили множество причин такого положения дел. С точки зрения И. В. Любарского, это происходило из-за того, что «поляки так уж привыкли к долговременным уступкам и покорности русских войск, что – казалось им – и при военных действиях наши роты будут безответно стоять под выстрелами мятежников» [19, № 4, с. 162].

Еще одной причиной поражений повстанцев, с точки зрения русских офицеров, была плохая военная подготовка. «Мятежники» имели мало военного опыта, как правило, были плохо обучены. По мнению Л. Л. Драке, в большинстве своем повстанцы были плохо организованы и руководились «мало сведущими в военном деле помещиками и ксендзами» [\[9, № 9, с. 546\]](#).

Описывая очередную стычку, Александр Вязмитинов упоминает, что среди повстанцев были плохие наездники: «...многие импровизированные кавалеристы свалились, другие, задвинувшие, в надежде усидеть, ноги подальше в стремена, слетев с седел, повисли вниз головами и колотились ими о землю, пока было чем колотиться» [\[11, с. 418\]](#).

Повстанческие отряды производили впечатление организованных «на скорую руку» [\[9, № 8, с. 341\]](#). Вооружение повстанцев тоже зачастую было довольно примитивным. Л. Л. Драке пишет, что в Западном крае отряды были «почти не обучены и кое-как вооружены по преимуществу косами, насаженными на древки (такие инсургенты назывались косиньерами) и малогодными одностволками...» [\[9, № 9, с. 546\]](#). Но, по его наблюдению, были и повстанцы, с которыми приходилось считаться. А. Н. Витмер пишет, что в случае с косиньерами большую роль играло то, как они наносили удар: если удар наносили правильно, он мог привести к тяжелымувечьям, но во время боя это было сделать крайне сложно, и удар чаще всего приходился плашмя, оставляя только синяк [\[10, с. 856\]](#).

Я. Н. Бутковский будучи чиновником, не принимал активного участия в военных экспедициях против восставших, но однажды был свидетелем одной из стычек. О действиях повстанцев он написал: «Все это со стороны инсургентов походило на какую-то ребяческую шалость, но никак не на войну...» [\[18, № 10, с. 93\]](#).

Помимо проблем с вооружением, повстанцы испытывали нехватку в еде. В. Щербович-Вечора указывает, что взятые в плен в 1864 году повстанцы рассказывали, что вторые сутки у них не было горячей пищи, и они утоляли жажду и голод черникой, найденной в лесу. Автор пишет: «И действительно у всех повстанцев, как у живых, так и у мертвых, были совершенно синие от черники губы» [\[15, № 6, с. 729\]](#).

С точки зрения русских военных, восставшие не отличались дисциплиной или высоким моральным обликом. Русские солдаты, побывавшие в плену, а также арестованные повстанцы сообщали, что восставшие «пьянятся, так как водка у них всегда в изобилии» [\[14, с. 516\]](#). И. Н. Пономарев приводит рассказ гусарского унтер-офицера, побывавшего в плену у повстанческой «банды»: «Насколько я мог заметить, у них в отряде превеликое пьянство происходит, а насчет дисциплины у них плохо, хотя они и величают начальство "пан пулковник", "пан поручник", но субординации нет, одним словом сброд» [\[12, № 9, с. 741\]](#).

Русские военные, как правило, довольно низко оценивали действия начальников повстанческих отрядов. Руководство повстанцев, по мнению А. Вязмитинова, не имело единства: «Начальники ихссорились между собой и обвиняли друг друга в измене» [\[11, с. 417\]](#). И. Н. Пономарев в воспоминаниях описывает впечатления военных, которые участвовали в сражении под Люблином: «...польская молодежь дралась с большой отвагой, но их начальство, не знакомое с тактикой, делало промахи на каждом шагу; совершенно зря посыпало людей на верную смерть, издали следя за ходом битвы, и при малейшей опасности удирало с поля сражения, бросая своих подчиненных на произвол судьбы» [\[12, № 9, с. 743\]](#). В глазах русских офицеров рядовые повстанцы были отважны,

что нельзя было сказать об их начальстве. Русских военных поражало, что среди сражающихся было много совсем молодых повстанцев лет 14–15. По мнению русских военных, для руководителей эти дети были «пушечным мясом» [\[12, № 9, с. 744\]](#).

Описание повстанческих соединений у многих авторов имеют схожие характеристики. Непременным является использование понятия «шайки», подчеркивающее преступность их деятельности и одновременно их неорганизованность. Военные в своих воспоминаниях воспроизводят образ чего-то трусливого, для большинства описаний характерны такие глаголы как «удирать», «улепетывать», «шататься». К одной из «шаек» автор подобрал следующую характеристику: «...разогнаны, как стадо индеек» [\[11, с. 420\]](#).

Отдельного описания заслуживает внешний вид повстанцев, который запомнился многим авторам. Как правило, они не имели какого-то единого обмундирования. Повстанцы были одеты довольно пестро, и их внешний вид оказывал влияние на представление об их неорганизованности. Один гусарский унтер-офицер описал отряд повстанцев, взявший его в плен: «Оказалось, что мы находимся в лесу среди какого-то оборванного сброда, но были и франты, в таких же венгерках, как и наши гусарские» [\[12, № 9, с. 740–741\]](#).

С точки зрения военных и чиновников повстанческие отряды были плохо организованы, а их участники не были обучены военному делу. Если сведения о жестокости и информированности повстанцев русские военные получали в основном от внешних источников, то степень организованности повстанцев они видели своими глазами. Во время стычек у русских возникало представление о чём-то хаотичном, разнородном, даже жалком. На это впечатление накладывали отпечаток отсталое вооружение повстанцев, их внешний вид и сведения о низком моральном уровне, царившем в рядах повстанцев.

Отношение к поверженному противнику

Во время восстания русским военным приходилось сталкиваться с пленными повстанцами. Такие встречи с пленными и ранеными очень сильно запоминались русским офицерам, что находит подтверждение в тех многочисленных подробностях, описанных в воспоминаниях. Именно эти встречи оказали влияние на формирование нового взгляда на повстанцев, которые теперь не могли восприниматься однозначно как враги.

За пределами полей битв русским военным удавалось ближе пообщаться с участниками восстания. А. Вязмитинов приводит рассказ о молодом пленном поляке Иосифе Острогожском, с которым он познакомился. Автор пишет, что молодой человек был общительным, превосходно говорил по-русски, и в целом производил положительное впечатление. Впоследствии выяснилось, что пленный повстанец был воспитанником инженерного училища и как бывший военный, нарушивший присягу, должен был быть предан военному суду. Автор пишет: «Странно – чем возбудил этот повстанец мое в нем участие? Если бы месяц тому назад мы встретились бы с ним где-нибудь в поле или в лесу, я, конечно, убил бы его, если бы ему не удалось предупредить меня и убить меня. А теперь у меня защемило сердце, при виде бледного откинувшегося на подушку молодого человека. Я старался успокоить его, как мог» [\[11, с. 414\]](#). Таким образом, мы видим, что молодой повстанец уже не мог восприниматься автором, как однозначный противник, он вызвал в нем искреннее сочувствие. Автор даже пообещал молодому человеку сохранить его секрет [\[11, с. 414–415\]](#). Впоследствии А. Вязмитинов узнал, что военно-судной комиссии стало известно о том, что молодой человек был офицером. Его

приговорили к смертной казни, которую потом заменили ссылкой [\[11, с. 416\]](#).

Среди участников восстания было много молодых людей. На русских военных производил неизгладимое впечатление юный возраст повстанцев. И. Н. Пономарев так описал впечатления после стычки с повстанческим отрядом: «Среди убитых и раненых я встретил много юношей, далеко не достигших двадцати лет» [\[12, № 10, с. 148\]](#). Неоднократно во время стычек в плен к русским попадали бывшие офицеры русской армии, сбежавшие на сторону восставших. Об одном таком случае, произошедшем недалеко от города Сербца, рассказывает И. Н. Пономарев: «Бежавшие офицеры-поляки были очень юные. Они, окруженные конвоем, сидели в повозке, не смев взглянуть в глаза окружающим. Их лица были бледнее полотна. Им была хорошо известна ожидавшая их участь» [\[12, № 10, с. 146\]](#).

А. Вязмитинов подчеркивает милосердие русского начальства по отношению к повстанцам: «Когда наступило сведение счетов за старые грехи, то притянуты были к ответу далеко не все, за кем эти грехи водились. На минувшие шалости многих мы смотрели сквозь пальцы» [\[11, с. 419\]](#). Так, например, один добровольно сдавшийся повстанец был взят на службу чертежником. М. П. Межецкий также приводит в воспоминаниях историю о добровольно сдавшемся повстанце. Это был молодой помещик Шавельского уезда Станкевич. Он рассказал о тяготах и голоде, сопровождавших его во время пребывания среди повстанцев. Боясь мести за свое бегство со стороны «инсургентов», он просил заключить его в тюрьму. Так как Станкевич сдался добровольно, он попал под амнистию, объявленную правительством, и после окончания восстания был выпущен из тюрьмы. После этих событий Станкевич лично благодарили Межецкого за помощь [\[16, с. 850-851\]](#).

Отдельно следует сказать о пленных руководителях повстанческих отрядов. Именно руководители отрядов вызвали наибольшее негодование в среде русских военных. Но порой случалось, что после личной встречи с этими людьми, русские офицеры уже могли проявлять к ним милосердие. А. Н. Витмер описывает подготовку к казни руководителя повстанческого отряда Кононовича. В описании мятежника мы не видим ненависти со стороны автора. Он скорее испытывает жалость к поверженному противнику. Автор рассказывает, что, заметив, что Кононович замерз, дал ему свое пальто. За этот поступок А. Н. Витмер подвергся упрекам со стороны товарищей, на что он ответил: «Да, господа, ведь он бывший офицер нашей службы и молодец при том; хоть он и враг наш, но, бесспорно молодец, и, наконец, я не мог видеть старика, дрожащего от холода» [\[10, с. 871\]](#).

А. Н. Витмер описывает, что Кононович произвел на него приятное впечатление своим спокойствием и умом, а также тем, что тот показал себя хорошим военным. Но автор отмечает, что, хоть и с сожалением, но вынужден был смириться с тем, что Кононович передан военному суду, так как тот командовал «бандой», из-за которой русские войска понесли потери [\[10, с. 872-873\]](#). Военному суду был передан также бывший русский офицер Садовский, с точки зрения автора «ничтожный фанатик», который бежал к повстанцам, не подав перед этим в отставку. По его мнению, этот человек заслуживал высшей кары. Но среди приговоренных был и молодой человек – Лабенский. А. Н. Витмер пишет, что передача Лабенского под военный суд вызывала у него и его товарищей ужас. Он был взят без оружия, и, хотя арестованные вместе с ним Кононович и Садовский показали, что он не служил с ними, но поступил донос одного из повстанцев, в котором сообщалось о важной роли Лабенского в «банде». Автору было

ужасно жаль молодого человека, и он пытался отговорить командующего, но все-таки все приговоренные были казнены [\[10, с. 874-876\]](#). Рассуждая об этих событиях, автор для себя признает необходимость смертной казни по отношению к людям, посягнувшим на чужую жизнь. Но при этом А. Н. Витмер считает недопустимой казнь за политические убеждения, какой он считал казнь Лабенского, и в которой он не видел никакого смысла и пользы, а, возможно, только вред для самих русских, которые этой жестокостью настраивали против себя других поляков. Воспоминания А. Н. Витмера были созданы через много десятилетий после польского восстания, но он пишет, что еще тогда, в молодости, он попытался поставить себя на место поляков: «...я задавал себе вопрос: если бы я был поляком и колебался, – идти мне «до лясу», или нет, – что бы я сделал после казни красивого юноши, пламенного энтузиаста? И в душе моей прочел твердый ответ: немедленно взялся бы за оружие, чтобы отомстить за невинную смерть и умереть так же красиво, как умер он» [\[10, с. 881\]](#).

В свою очередь граф И. Г. Ностиц содействовал в том, чтобы был смягчен приговор по отношению к одному из лидеров повстанческих отрядов – Рогинскому. Свою мотивацию автор описывает следующим образом: «Во внимание чистосердечного раскаяния Рогинского и сделанных им показаний, желая спасти жизнь этого двадцатилетнего энергического юноши, я препроводил его в Варшаву и ходатайствовал у Великого Князя наместника о даровании ему жизни» [\[17, с. 571\]](#).

Наиболее тяжелое впечатление производили раненые люди. Во время преследования повстанческого отряда в одном из помещичьих домов были обнаружены раненые повстанцы. Среди них был мальчик-калека 15 лет, который вызвал симпатию среди русских военных. Для них он был просто ребенком, а не повстанцем. В. Щербович-Вечора приводит в воспоминаниях следующую сцену: «...казачий офицер, слушавший с большим вниманием рассказ мальчика, заметил на его столике папирус и, вынув из своего кисета горсть табаку, положил на столик и сказал, "Ах, ты, щенок! Да тебе не воевать, а кашу есть следовало бы! Ну, на тебе! Покури". Мальчик слегка улыбнулся и склонил голову в знак благодарности. Обращение казачьего офицера к мальчику-калеке, высказанное, несмотря на кажущуюся резкость в словах, с оттенком такого добродушия, на которое способен только русский, по природе незлобивый человек, произвело на всех офицеров сильное впечатление...» [\[15, № 6, с. 741\]](#). Впоследствии, после расспросов хозяйки дома, стало известно, что это место с самого начала восстания является лазаретом для раненых повстанцев и, что оно существует с ведома правительства. Этот Бранщицкий лазарет существовал «на случайные добровольные пожертвования», вносимые чаще всего руководителями русских военных отрядов, которые проходили через Бранщик в соседние леса в поисках отрядов повстанцев. В качестве примера В. Щербович-Вечора приводит командаира Кексгольмского гренадерского полка генерала Ралля, который пожертвовал в пользу раненых 25 рублей [\[15, № 6, с. 742\]](#).

О еще одном повстанческом лазарете рассказывает Д. Г. Анучин. Это место также произвело крайне тяжелое впечатление на многих русских военных. Лазарет располагался в доме в городе Избица. Здесь было много людей со страшными ранами, большинство из которых едва ли имели шансы выжить. Д.Г. Анучин пишет, что вид этого лазарета представлял собой картину, которую вряд ли можно забыть. Автор описывает виденное им в доме так: «Многие из них плакали, рассказывая, как их обманывали насчет общего восстания в Польше. Сцена была столь тяжела, что у стоявшего сзади меня казака, уложившего не одного повстанца, по загорелому лицу текли слезы» [\[14, с.](#)

[\[536\]](#). Командующий войсками генерал Костанда выделил деньги для лазарета, и попросил военного доктора осмотреть раненых. Анучин пишет, что умирающие повстанцы были на попечении местных дам и городского фельдшера. Несмотря на усердие последних, большинство раненых не выздоравливали [\[14, с. 536\]](#).

Д. Г. Ануchin приводит еще одну историю, связанную со встречей с раненым повстанцем. Автор во время обхода города обнаружил в одном из домов в Брдуве сильно раненого повстанца и пообещал тому, что вызовет доктора. Далее он описывает реакцию этого человека: «Надо было видеть, какой луч надежды заблистал в его глазах; он завертелся на постели и силился достать со стола стоявшую на нем кружку с молоком. Я думал, что он желает пить и поспешил поднести ему кружку; но он одной рукой схватил мою руку, а другой подавал мне кружку, чтобы я отпил молока. Больше ему нечего было отблагодарить за мое участие к нему. Зарыдав, он упал на подушки. Несчастные жертвы!» [\[14, с. 540\]](#). Именно жертвами этих страшных событий, а не врагами видели военные раненых и плененных повстанцев.

Заключение

Восстание 1863–1864 гг. было одним из сильнейших потрясений в истории Российской империи во второй половине XIX века. Оно вызвало широкий общественный резонанс и оставило большой след в жизни участников этих событий. Этим можно объяснить то, что даже спустя десятилетия авторы воспоминаний так подробно описывают свои чувства и эмоции, которые были вызваны уже далекими для них событиями.

Несмотря на то, что слухи о готовящемся восстании ходили уже в конце 1862 года, оно в какой-то степени застало русских врасплох. Хотя предстоящая борьба представлялась крайне тяжелым делом, начало восстания привело к росту боевого духа среди военных. Во-первых, это было связано с крайней жестокостью повстанцев, о которой русские военные узнавали из разных источников и которой находили новые подтверждения. Это вызвало желание как можно скорее наказать виновных. Во-вторых, в годы, предшествовавшие восстанию, русские военные подвергались всевозможным унижениям со стороны местного населения [\[17, с. 569\]](#). Эти унижения в большинстве случаев оставались безнаказанными. Начало восстания дало в какой-то степени чувство облегчения. Русские военные осознали, что закончилось время «попустительства» [\[19, № 4, с. 161\]](#), и они смогут вести борьбу по правилам военного времени. Восстание виделось русским офицерам проигрышным делом для повстанцев. Это мнение разделяют все авторы. Различались же представления о силе восставших и времени, которое понадобится на его подавление.

Борьба с повстанцами, с точки зрения русских военных, имела ряд сложностей. Во-первых, это было связано с разветвленностью революционной организации: повстанческие соединения существовали по всей территории Царства Польского, а также в Западном крае. Во-вторых, восстанию сочувствовали значительные слои населения, оказывавшие повстанцам весомую помощь: им предоставляли денежную и материальную поддержку, давали убежище в частных домах, а также своевременно сообщали о действиях войск. В-третьих, восстание имело характер партизанской борьбы. Повстанцы совершали нападения на отдельные русские отряды, а в случае невыгодной для них обстановки, они уходили в леса, где их было крайне сложно найти.

С точки зрения военной подготовки русские офицеры, в большинстве случаев, невысоко оценивали действия повстанцев. Значительная часть людей, которые были в рядах

«мятежников», не имели боевого опыта. Многие авторы писали об отсталом вооружении, которым пользовались восставшие, а также о низком уровне организации повстанческих «банд». В воспоминаниях можно увидеть двойственность образа повстанческих отрядов. Часто они описываются авторами как нечто крайне жалкое, плохо организованное. Но также отмечалась отвага и искренняя преданность идеи среди многих повстанцев, что не могло не вызывать у русских военных уважение.

Наиболее яркое впечатление о восставших складывалось после личных встреч с ними – преимущественно пленными и ранеными повстанцами. Раненые люди, как правило, вызывали среди военных сочувствие и желание оказать им посильную помощь. В такие моменты повстанцы, против которых военные боролись, уже не могли восприниматься однозначно как враги. Сильное сочувствие вызывали также юные повстанцы. Русские военные крайне сожалели о том, что молодые люди по своей неопытности и восприимчивости оказались втянуты в эти страшные события.

Таким образом, в воспоминаниях русских военных можно увидеть многогранный образ повстанцев. Он складывался как на основе получаемых ими сведений из разных источников, общественных настроений, так и личного опыта. Но если в обществе доминировал крайне отрицательный образ повстанцев, то для офицеров и чиновников, которые были в эпицентре восстания, этот образ был богаче и был наполнен различными оттенками. Взгляды авторов, которых разделяла с повстанцами значительная дистанция, в большей степени совпадают с распространенными в обществе. Но чем теснее были контакты авторов с повстанцами, тем более человечным становится описанный ими образ.

Библиография

1. Andrzej Kepiński. Lach i Moskal : Z dziejów stereotypu. Warszawa. 1990.
2. Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание / Сост. А. В. Липатов, И. О. Шайтанов. М., 2000.
3. Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / Отв. редактор В. А. Хорев. М.: Индрик, 2002.
4. Поляки и русские в глазах друг друга / Отв. ред. В. А. Хорев. М.: Изд-во "Индрик", 2000.
5. Горизонтов Л. Е. Поляки и нигилизм в России. Споры о национальной природе «разрушительных сил». // Автопортрет славянина. М.: Изд-во "Индрик", 1999.
6. Фалькович С. М. Основные черты польского национального характера в представлениях русских. (Эволюция стереотипа) // Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków: zbiór studiów. Поляки глазами русских – русские глазами поляков. Warszawa. 2000.
7. Фалькович С. М. Влияние культурного и политического факторов на формирование в русском обществе представлений о поляках // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М.: УРСС, 1998.
8. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика (Опыт источниковедческого изучения). М.: Наука, 1980.
9. Драке Л. Л. Пережитое. (Отрывочные воспоминания за 25 лет службы) // Русская старина. 1907. № 6. С. 552–570; № 7. С. 105–110; № 8. С. 336–342; № 9. С. 537–548; № 10. С. 117–127; № 11. С. 389–394.
10. Витмер А. Н. Из польского восстания 1863 года // Исторический вестник. 1909. № 9. С. 855–881.

11. Вязмитинов А. Последняя польская смута. Эпизоды усмирения мятежа. 1863 г. // Русская старина. 1886. № 8. С. 401–420.
12. Пономарев И.Н. Воспоминания о польском мятеже 1863 года // Исторический вестник. 1897. № 9. С. 726–750; № 10. С. 140–164.
13. Потто В. А. Походные записки о кампании 1863 г. против польских мятежников // Военный сборник. 1867. № 8. С. 289–312; № 9. С. 169–190; № 10. С. 365–393; № 11. С. 131–166; 1868. № 3. С. 107–144; № 11. С. 153–188; № 12. С. 401–434; 1869. № 6. С. 183–220; № 7. С. 131–164; № 8. С. 305–341; 1870. № 1. С. 179–219; № 3. С. 187–230.
14. Анучин Д. Г. Двадцать дней в лесу. (Рассказ очевидца) // Военный сборник. 1863. № 8. С. 505–549.
15. Щербович-Вечора В. Воспоминания о польском восстании 1860–1864 годов // Исторический вестник. 1894. № 4. С. 184–202; № 5. С. 478–498; № 6. С. 725–751.
16. Межецкий М.П. Воспоминания из беспокойного времени на Литве в 1861–1863 годах // Исторический вестник. 1898. № 9. С. 825–858.
17. Ностиц И.Г. Из воспоминаний графа И.Г. Ностица о польском восстании 1863 года // Русский архив. 1900. Вып. 8. С. 559–571.
18. Бутковский Я.Н. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1883. № 10. С. 78–105; № 11. С. 325–365.
19. Любарский И.В. В мятежном крае. (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1895. № 3. С. 813–839; № 4. С. 156–176; № 5. С. 445–464.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Польское восстание 1863–1864 гг. и повстанцы глазами русских военных и чиновников //

Исторический журнал: научные исследования

История восстания в Польше в 1863–1864 гг. неплохо изучена в русскоязычной литературе. Особенное внимание уделяли этим событиям в 1960-х гг., когда отмечали столетие восстания и в связи с историей политической катарги и ссылки. Однако проблема взаимоотношений между конкретными участниками боевых действий в процессе вооруженного подавления движения поставлена в литературе только в последнее двадцатилетие. В данном исследовании внимание акцентировано на взаимном восприятии поляков и русских, что автор рассматривает под углом формирования стереотипов, что можно оценивать как новую тему. Новым является также выбор источников, опубликованных в исторических журналах, которые в советской литературе относили к правому крылу российской периодики, но которые публиковали немало воспоминаний. Задача статьи «попытка показать польских восставших такими, какими их видели русские военные и чиновники, непосредственные участники событий» в целом решена. Первый тезис статьи («восстание сразу всколыхнуло русское общество и вызвало сильнейшую волну негодования по отношению к другому народу») постепенно опровергается дальнейшим изложением. Автор постепенно подводит читателя к выводу, что с одной стороны, «восстание воспринималось русскими военными как зло, с которым нужно бороться», с другой, столкновения «порой заставляли переосмысливать уже сложившиеся у них представления о восстании». Автора интересует восприятие

военными чинами как подготовлено восстание, в чем причины побед и поражений повстанцев. Мемуаристы отмечали плохую военную подготовку, проблемы с вооружением, отсутствие топографические карт, нехватку еды, неряшливую разносортную одежду повстанцев. Такая характеристика позволила показать специфику восстания. В отличие от традиционных разделов, в статье выделены части с такими названиями как «Жестокость», «Неуловимость и информированность», «Организация повстанческих отрядов», «Отношение к поверженному противнику». Следовательно, автора в большей степени интересуют психологические оценки восприятия повстанцев, нежели военная сторона: «Действия поляков в бою не воспринимаются как что-то неправильное или жесткое [...]. Жестокость для русских – это именно действия повстанцев, направленные против безоружных и слабых». Общие выводы статьи сформулированы скорее с точки зрения военной истории, но автор показывает и великолудшие русских военных: пленные вызвали искреннее сочувствие. Сделаны объективные выводы, что русские военные видели сложности в разветвленности революционной организации; наличие повстанческих соединений на всей территории Царства Польского, а также то, что в Западном крае восстанию сочувствовали и оказывали весомую помощь разные слои населения; восстание имело характер партизанской борьбы. Библиографический список к статье содержит источники и новейшую литературу первой трети XXI в., посвященную анализу польского национального характера. Изложенная точка зрения автора на восприятие русскими военными польских повстанцев имеет право на существование и привлечет внимание читателей.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Бурдин Е.С. — Политика и взгляды П. Ф. Унтербергера в отношении корейских мигрантов на Дальнем Востоке Российской империи // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.39972 EDN: VXLBL URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=39972

Политика и взгляды П. Ф. Унтербергера в отношении корейских мигрантов на Дальнем Востоке Российской империи

Бурдин Евгений Сергеевич

аспирант, кафедра социально-гуманитарных наук, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС

680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровский, ул. Муравьева-Амурского, 33

✉ burdin-1955@mail.ru

[Статья из рубрики "История этносов, народов, наций"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.2.39972

EDN:

VXLBL

Дата направления статьи в редакцию:

14-03-2023

Аннотация: Объектом исследования является миграционная политика Российской империи на Дальнем Востоке. Предметом выступают взгляды и подход военного губернатора Приморской области (1888–1897 гг.) и генерал-губернатора Приамурского края (1905–1910 гг.) П. Ф. Унтербергера к переселению из Кореи и хозяйственной деятельности корейцев в Приамурском крае. Цель исследования – анализ политики П. Ф. Унтербергера по урегулированию корейского вопроса на Дальнем Востоке России. Автор подробно рассматривает оценки регионального администратора относительно степени ассимиляции корейских переселенцев с русским населением, раскрывает его подход к принятию корейцев в русское подданство. Особое внимание уделяется негативным аспектам хозяйственной деятельности корейцев на российском Дальнем Востоке и политическим рискам в связи с их пребыванием в России, которые П. Ф. Унтербергер выделил в своих очерках. Научная новизна исследования состоит в выводе о ключевой роли чиновника в разработке мероприятий дальневосточной администрации по оформлению правового статуса корейцев в России. Определены основные причины негативного отношения администратора к переселенцам из Кореи. Сформулированы главные принципы, которыми руководствовался чиновник при проведении политики по урегулированию корейской проблемы. Автор подчеркнул, что взгляды, изложенные П.

Ф. Унтербергером в своих работах, противоречат основным принципам национальной политики РФ. Отдельные формулировки чиновника по современным меркам являются неполиткорректными и не могут использоваться ни в официальных документах, ни в научных или публицистических материалах.

Ключевые слова:

ассимиляция, губернатор, колонизация, корейцы, подданство, Приамурский край, дальневосточная администрация, корейский вопрос, инородцы, присяга

Введение

П. Ф. Унтербергер, занимавший посты военного губернатора Приморской области (1888–1897 гг.) и генерал-губернатора Приамурского края (1905–1910 гг.), сыграл важную роль в развитии дальневосточной окраины Российской империи и по праву имеет звания почётного гражданина городов Хабаровска и Владивостока. Являясь убежденным последователем идей Н. Н. Муравьева-Амурского, он, как военный инженер, внёс крупный вклад в сооружение оборонительных укреплений г. Владивостока и строительство дорог. П. Ф. Унтербергер выступал в поддержку создания Китайско-Восточной железной дороги и стоял у истоков начала строительства Амурской железнодорожной магистрали. Во время проведения аграрной реформы П. А. Столыпина он приложил большие усилия к обустройству в крае новосёлов из центральных губерний. Под фокусом его внимания постоянно находились проблемы в сферах образования и здравоохранения.

В период руководства Приамурским генерал-губернаторством на долю П. Ф. Унтербергера выпало время крупных социально-политических потрясений в стране, которыми были Русско-японская война 1904–1905 гг. и Первая русская революция 1905–1907 гг. Выступая проводником интересов самодержавия, П. Ф. Унтербергер на данном историческом отрезке зарекомендовал себя как непримиримый борец с антиправительственными проявлениями.

Однако для исследователей истории формирования корейской диаспоры на Дальнем Востоке России П. Ф. Унтербергер интересен прежде всего как региональный администратор, проводивший политику ограничения переселения из Кореи, а также усиления контроля за осевшим на Дальнем Востоке корейским населением.

Труды П. Ф. Унтербергера

Прежде всего, ценными источниками сведений о взглядах и подходе П. Ф. Унтербергера к урегулированию корейского вопроса являются написанные им очерки «Приморская область 1856–1898 гг.» [1] и «Приамурский край 1906–1910 гг.» [2].

В первой книге генерал-губернатор сделал вывод о непригодности корейцев, как колонизационного элемента, для освоения районов Приморской области. По его мнению, государственные интересы требовали закрепления там коренного русского населения, которое смогло бы противодействовать мирному нашествию «жёлтой расы» и обеспечить стратегические интересы России на тихоокеанском побережье.

Чиновник указал на чуждость для русского населения уклада жизни, привычек, менталитета и способов ведения хозяйства, присущих корейскому населению. Низкую

степень ассимиляции корейцев и сохранение ими национальных традиций П. Ф. Унтербергер объяснил их постоянной связью с соотечественниками, регулярно приходящими на заработки в Россию из Кореи. В этой связи он поставил под сомнение успехи миссионерской деятельности в корейской среде, отметив, что большинство корейцев не знало русского языка и только немногие миссионеры владели корейским. В очерке отмечено низкое количество браков между русскими и корейцами, что объяснялось различиями в быту, кухне и способах обработки земли. Основанные в корейских поселениях русские школы, по мнению чиновника, существовали «для вида», тогда как большинство мальчиков, в действительности, обучалось корейской грамоте [1, с. 114–115].

Характеризуя повсеместную практику сдачи русским населением земельных наделов в аренду корейцам, генерал-губернатор указал, что она привела к утрате привычки к сельскохозяйственному труду, развитию лени и пьянства в среде дальневосточного крестьянства. В контексте земельного вопроса им также отмечены случаи самовольного захвата корейцами участков земли в отдалённых районах, где отсутствовал административный надзор.

В очерке П. Ф. Унтербергер выступил против принятия корейцев в российское подданство. С точки зрения чиновника, данный акт уравнивал инородцев в правах с остальным русским населением и обеспечивал им покровительство российских властей со всеми сопутствующими материальными благами. Однако сами корейцы в его представлении воспринимали присягу на верность России только как формальность. С учётом этого, он ожидал, что при возникновении осложнений с другими государствами, корейское население будет руководствоваться соображениями собственной выгоды и поддержит более сильную сторону. Таким образом, приведение к присяге приносило бы одностороннюю выгоду корейцам и не способствовало реализации российских интересов. [1, с. 116]. В свете перечисленных обстоятельств П. Ф. Унтербергер считал, что в отношении корейских жителей следует проводить курс, ориентированный только на государственные интересы. Эту позицию он объяснял тем, что корейцы являются самовольно перешедшим в Россию «пришлым народом», перед которым правительство не имеет никаких нравственных обязательств.

Более детально свои взгляды на корейскую проблему П. Ф. Унтербергер осветил в очерке «Приамурский край 1906–1910 гг.» [2]. В нём он выступил с более жёстких позиций, отметив, что русская колонизация Приамурского края будет идти низкими темпами до тех пор, пока там не будет ограничен «труд жёлтых» [2, с. 82]. С точки зрения чиновника, на Дальнем Востоке следовало создать «крепкий, однородный, и дружный славянский оплот», способный выстоять против «выступлений жёлтой расы» [2, с. 83]. Автор выразил уверенность в необходимости государственных мер поддержки русских колонистов и предостерёг правительство от пассивного ожидания того, что «жёлтый рабочий» будет вытеснен русским [2, с. 82]. Более того, генерал-губернатор подчеркнул, что на случай военных действий России выгоднее иметь на Дальнем Востоке неосвоенные пустующие земли, чем территории, занятые «жёлтым элементом» [2, с. 86].

П. Ф. Унтербергер обратил внимание на факт нахождения в Приамурском крае большого количества корейцев – иностранных подданных, численность которых он оценил в 30 тыс. человек. Как и в предыдущем очерке он вновь отметил имеющийся в крае негативный опыт корейской аренды земли (развитие пьянства и тунеядства в среде русского населения) [2, с. 72], а также многочисленные случаи захвата инородцами

пустопорожних казённых участков. В данном контексте он подчеркнул, что не только крестьяне-землепашцы, но даже корейские рабочие при первой же возможности также старались «сесть на землю» [\[2, с. 83\]](#).

Ввиду того, что корейцы «тысячелетия» жили обособленной жизнью у себя на родине, генерал-губернатор в своей книге скептически оценил возможность их обрушения в ближайшем будущем. Корейские культура и менталитет в его понимании настолько отличались от славянской, что надеяться на скорое смешение корейского и русского населения было бессмысленно. В подтверждение автор вновь указал на единичные случаи браков между русскими и корейцами, низкий процент корейских мужчин, знающих русский язык, а также практически полное отсутствие говорящих по-русски кореянок [\[2, с. 83\]](#). Кроме того, генерал-губернатор выразил сомнения в том, что прохождение корейской молодёжью военной службы сможет ощутимо содействовать ассимиляции. Свою позицию он обосновал тем, что после трёх лет службы молодые корейцы возвращались в свои поселения, где вновь попадали в «чисто корейскую обстановку» [\[2, с. 84\]](#).

В очерке о Приамурском крае П. Ф. Унтербергер выступил категорически против инициативы принятия в российское подданство всех корейских переселенцев, незаконно осевших в России после аннексии Кореи Японией. От корейцев, которые в его понимании мало противились порабощению их отечества, не следовало ожидать самопожертвования в интересах России. В этом смысле чиновник повторил тезис о том, что основная цель инородцев при получении российского подданства состоит в улучшении своего материального благосостояния [\[2, с. 84\]](#).

Касаясь темы развития антияпонского движения в Корее П. Ф. Унтербергер заметил, что параллельно с ним в стране зародилось и течение в поддержку Японии. На фоне этого он предположил, что при проведении японским правительством мудрой колониальной политики, следующие поколения корейцев могут смириться с фактом аннексии их государства и занять более лояльную позицию по отношению к захватчикам. К тому же Япония, по мнению чиновника, «по своим расовым особенностям» имела больше шансов слиться с Кореей и вызвать симпатии у её населения. Учитывая тесные контакты проживающих в России корейцев с их родственниками на исторической родине, чиновник не исключил, что с течением времени прояпонские взгляды могут распространиться и в среде корейского населения Приамурского края. В случае развития такой тенденции, российское правительство при конфликте с Японией рисковало не встретить «самоотверженного патриотизма» в среде русско-подданных корейцев [\[2, с. 85\]](#).

П. Ф. Унтербергер также подверг критике мнение о необходимости приведения к присяге корейцев-иностранных подданных с целью исключить риски вмешательства Японии, которая после аннексии Кореи может заявить о своей юрисдикции над проживающими в России корейскими жителями. По этому поводу генерал-губернатор заметил, что для корейцев, не имеющих русского подданства, Петербург может определять такие условия проживания, которые соответствуют российским интересам в крае и не противоречат торговым и политическим договорам с Японией. Приняв же корейцев в подданство, дальневосточная администрация будет вынуждена наделить их землёй «дабы не создавать бездомного пролетариата». При этом, если на первоначальном этапе корейское население согласится даже на отдалённые и малопригодные для русского сельского хозяйства наделы, лишь бы получить подданство, то впоследствии будет обязательно ходатайствовать об улучшении своих земельных условий. Это неизбежно

приведёт к сокращению земельного фонда для русских колонистов [\[2, с. 86\]](#).

В развитие темы П. Ф. Унтербергер также отверг предложение о приведении к присяге только ныне живущих в России корейцев с дальнейшим закрытием границы для всех вновь прибывающих. Неэффективность подобной меры он объяснил, во-первых, невозможностью остановить потоки миграции из Кореи из-за слабого контроля за общей границей, во-вторых – отсутствием у российской администрации возможности точно установить личность и время перехода в Россию каждого конкретного корейского переселенца. Привлечение же к решению этой задачи переводчиков из корейской среды он признал нежелательным из-за рисков возникновения злоупотреблений [\[2, с. 86\]](#).

Наряду с этим П. Ф. Унтербергер посчитал нецелесообразным реализовывать инициативу о создании корейских обществ, призванных повысить сплоченность корейских жителей и укрепить «патриотические связи» между корейцами и русскими. По замыслу авторов идеи, указанным обществам следовало предоставить право на создание школ с преподаванием на корейском языке, а также проведение церковных служб на корейском языке. Предполагалось, что их функционирование позволит противодействовать негативному влиянию на корейское население представителями других стран. Однако с точки зрения генерал-губернатора, появление подобных объединений привело бы к противоположному эффекту, а именно – развитию в среде корейцев национального сепаратизма. Ввиду отсутствия среди российских чиновников лиц, знающий корейских языков, административный контроль за обществами был бы ослаблен. Как результат, основной целью объединений в перспективе могло стать продвижение экономических интересов корейцев в крае в т. ч. путём возбуждения различных ходатайств перед дальневосточной администрацией. При отклонении указанных коллективных обращений в обществах могли развернуть агитацию враждебные России элементы [\[2, с. 89\]](#).

И, наконец, П. Ф. Унтербергер вновь усомнился в эффективности работы миссионеров Русской православной церкви в корейской среде. Как отметил чиновник, из-за языкового и культурного барьера миссионерам при изложении основ православия не удавалось существенно повлиять на духовную жизнь корейцев. Те же в большинстве своём воспринимали акт крещения как «наружный обряд» и легко теряли связь с христианством на фоне слабого пасторского надзора и постоянных контактов с корейцами, исповедующими другие религии. Случаи же массового перехода корейцев в православие генерал-губернатор объяснил их стремлением ускорить указанным образом приведение к русской присяге [\[2, с. 89\]](#).

Обзор иных источников и литературы

Ввиду большого вклада П. Ф. Унтербергера в формирование курса дальневосточной администрации в отношении миграции из Кореи, политика и личные взгляды чиновника на корейский вопрос затрагиваются в большинстве работ по истории переселения корейцев в царскую Россию.

Среди дореволюционных работ повышенный интерес исследователей вызывают сведения о позиции П. Ф. Унтербергера, содержащиеся в отчёте члена Амурской экспедиции В. В. Граве [\[3\]](#).

В отчёте В. В. Граве содержится весьма характерная для П. Ф. Унтербергера прагматичная оценка причин промедления дальневосточной администрации относительно приведения к присяге корейцев, осевших в России до 1884 г. По его мнению, власти сознательно меддили с этим вопросом, поскольку неопределённый правовой статус

инородцев давал возможность высыпать неблагонадежных лиц за границу, а также эффективно влиять на ситуацию в корейских поселениях (создание русских школ, распространение русского языка). К тому же корейцы без подданства могли привлекаться к уплате налогов наравне с другими иностранцами [\[3, с. 132\]](#).

С назначением П. Ф. Унтербергера генерал-губернатором Приамурского края В. В. Граве связывает завершение периода благосклонного подхода властей к корейскому населению. Под его руководством дальневосточная администрация предприняла ряд ограничительных мер в отношении осевших в регионе инородцев. Так, была осуществлена проверка прав корейцев 1-й категории (осевших до 1884 г.) на получение подданства, остановлена выдача разрешений на найм корейцев на работы на приисках и рыбном промысле, а также запрещена сдача казенных земель в аренду русско-подданным корейцам. Кроме того, была предпринята серия мелких ограничительных мер в отношении корейских школ, объединений и каботажа, тогда как для проживающих в России китайцев по аналогичным вопросам принимались положительные решения.

Для иллюстрации взглядов П. Ф. Унтербергера В. В. Граве приводит тезисы его докладной записки министру внутренних дел от 8 марта 1908 г. (РГИА ДВ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 37. Л. 2–3). В ней чиновник отметил склонность корейцев при первой возможности прочно оседать на земле. По мере «переполнения» своих наделов они расселялись по краю и, арендая земли, создавали новые «очаги» для переселения корейцев-иностранных подданных. В записке подчеркивается, что властям чрезвычайно трудно было бороться с этой тенденцией. Причина в том, что русское население, видя в корейцах дешёвую рабочую силу и «выгодных арендаторов», весьма охотно «принимало» их на свои земли. Однако в условиях, когда задачей государственной важности являлось заселение края русским населением, захват корейцами обширных территорий был тождественен ослаблению позиций России на тихоокеанском побережье [\[3, с. 34\]](#).

В записке министру внутренних дел генерал-губернатор также отметил низкую степень ассимиляции корейцев с русским населением и выразил сомнения в их преданности в случае столкновения с Японией или Китаем. По оценке чиновника, в условиях военных действий противник мог широко развернуть в корейской среде шпионскую деятельность.

После краткого изложения отдельных тезисов из очерка «Приморская область 1856–1898 гг.» В. В. Граве приводит содержание своей личной беседы с П. Ф. Унтербергером, состоявшейся 18 октября 1910 г. Генерал-губернатор тогда отметил, что «жёлтая опасность сильно грозит Приамурью, поэтому необходимо принимать против неё радикальные меры, стараясь всеми силами бороться с представителями жёлтой расы... Но нельзя принимать против них резких мер, а надо постепенно вытеснять их из края». Чиновник сообщил, что по его указанию уже введён запрет на осуществление казённых работ иностранными рабочими. Следующими необходимыми шагами он наметил «правильную организацию» перевозки на Дальний Восток русских рабочих и, наконец, введение запрета на найм предпринимателями азиатских подданных [\[3, с. 136\]](#).

На взгляд П. Ф. Унтербергера, после введения ограничений на работу иностранцев на частных предприятиях край с лёгкостью освободился бы от присутствия китайцев. Их чиновник охарактеризовал как «бродячий элемент», который уйдёт при отсутствии в нём надобности. Однако ситуация с корейцами в документе описана иначе. С точки зрения П. Ф. Унтербергера, корейцы во отличие от китайцев стремились закрепиться и не ограничивались только работой по найму. Они строили жилые дома, обустраивали

огороды и пашни. Поэтому после введения запрета на использование их труда следовало ожидать, что они останутся в Приамурье [\[3, с. 136\]](#).

Таким образом, В. В. Граве пришёл к заключению о том, что именно из-за стремления выходцев из Кореи прочно обосноваться в России генерал-губернатор придерживался жёсткой позиции в отношении корейцев и был более лоялен к находящимся в крае китайцам. В то же время член Амурской экспедиции в своей книге заметил, что П. Ф. Унтербергер признавал за корейскими жителями их способность вести земледелие на таких участках, разработка которых русскому крестьянину была не под силу. Но в этом же обстоятельстве он видел и опасность, т. к., осваивая неудобные участки, корейцы впоследствии захватывали и соседние хорошие районы. Как следствие, к ним подселялись их родственники и знакомые, в результате чего в крае образовывалось новое корейское поселение. Учитывая это, генерал-губернатор считал ошибочными планы переселенческого Управления, намеревавшегося передать корейцам земли, не пригодные для русской колонизации. Реализация этой меры, по мнению чиновника, через 10 лет могла привести Россию «к новой Цусиме». [\[3, с. 136-137\]](#).

В завершение рассмотрения взглядов П. Ф. Унтербергера исследователь процитировал его слова: «Я не враг корейцев... но не могу согласиться с мнением моих предшественников, считавшим что пустынный Край нужно впереди всего заселить, хотя бы и корейцами. Я предпочитаю пустыню, но русскую, чем Край возделанный, но корейский. Придёт время Край заполнится русскими, запасы земли будут возделаны, но уже ими, а не корейцами. Правда, это произойдёт может и через 100 лет, но по крайней мере у меня не будет на душе, что я дал расхитить русскую землю каким-то желтолицым» [\[3, с. 137\]](#).

Один из первых советских исследователей корейского вопроса в России С. Д. Аносов [\[4\]](#) относит П. Ф. Унтербергера к противникам заселения Дальнего Востока корейцами и использования их труда в крае. Обобщая сведения, содержащиеся в очерках самого генерал-губернатора и трудах В. В. Граве, С. Д. Аносов делает вывод о том, что, признавая пользу корейцев на первых этапах освоения края, чиновник видел основную угрозу российским интересам в стремлении корейцев прочно осесть на землю, а также их низкой способности к ассимиляции с русским населением. Перечисленные обстоятельства способствовали образованию в крае этнического анклава, наличие которого затрудняло русскую колонизацию из-за сокращения земельных фондов [\[4, с. 11\]](#).

С. Д. Аносов называет П. Ф. Унтербергера решительным противником принятия корейцев в русское подданство, считавшим, что такой шаг потребует их дальнейшего наделения землёй и приведёт к упрочнению их положения в крае. Как отмечает исследователь, генерал-губернатор считал стремление корейцев перейти в русское подданство «чисто внешним» и даже приведённых к присяге инородцев рассматривал как более близких к Японии, чем к России. В этой связи чиновник считал более целесообразным оставлять дальневосточные земли пустующими, чем заселять их неблагонадёжным элементом [\[4, с. 11\]](#).

По мнению С. Д. Аносова, в царской России существовали две основные точки зрения на переселение из Кореи. П. Ф. Унтербергер, выступавший против использования корейского труда при колонизации Дальнего Востока, был ярким представителем одной из них. Сторонниками противоположного подхода автор считает членов Амурской экспедиции, чьи выводы легли в основу лояльной политики к корейцам, которую

проводил генерал-губернатор Н. Л. Гондатти [\[4, с. 10, 15\]](#).

Похожие идеи высказывает современный казахстанский исследователь Г. Н. Ким [\[5\]](#). При классификации дореволюционных источников историографии переселения корейцев на российский Дальний Восток он относит П. Ф. Унтербергера к монархическому направлению. По мнению исследователя, авторов этой группы объединяет исключительно утилитарный подход к корейскому вопросу, а также желание видеть русскую колонизацию дальневосточной окраины страны.

Взгляды П. Ф. Унтербергера в контексте выводов Амурской экспедиции также рассматриваются в статье Е. Л. Ли [\[6\]](#). Автор характеризует позицию членов экспедиции как более взвешенную и считает, что её труды позволили в некоторой степени нивелировать укоренившееся представление о нависшей над краем «жёлтой опасности», которое сформировалось под влиянием П. Ф. Унтербергера.

Свое мнение Е. Л. Ли аргументирует заключениями членов экспедиции, в частности, С. П. Шликеvича [\[7\]](#). Он полагал, что в то время, как русская колонизация шла по направлению от центра к окраине, следовало допустить корейскую колонизацию в обратном направлении, т. е. от самых отдалённых дальневосточных рубежей к центру. В результате русские переселенцы приходили бы не в пустыню, а в обжитые районы, где имелись запасы продовольствия и скота [\[7, с. 129-130\]](#).

Наряду с этим Е. Л. Ли отмечает, что до Амурской экспедиции преобладали взгляды о невозможности ассимиляции корейцев с русскими, о чём в своих очерках рассуждал П. Ф. Унтербергер. Однако анализ С. П. Шликеvича показал существование не культурной, но хозяйственной ассимиляции двух народов. Это нашло выражение в быстром внедрении в корейское сельскохозяйственное производство культур, ранее не возделывавшихся ими. При этом имело место и обратное движение, когда русские крестьяне использовали нетипичные для них методики земледелия и выращивали новые культуры (соя, рис) [\[6, с. 37\]](#).

К тому же Е. Л. Ли указывает на разработку членом экспедиции В. Д. Песоцким [\[8\]](#) комплекса рекомендаций, которые были призваны задействовать потенциал корейского населения в российских интересах, минимизировав риски, выделенные в т.ч. П. Ф. Унтербергером.

В классической работе Б. Д. Пака [\[9\]](#) курсу генерал-губернатора посвящён отдельный параграф под названием «Унтербергер и его антикорейская политика». Автор характеризует П. Ф. Унтербергера как сторонника заселения Приамурья русским населением и отмечает, что со временем его назначения генерал-губернатором Приамурского края стало особенно заметно негативное отношение дальневосточной администрации к наплыву корейского населения в край после Русско-японской войны 1904–1905 гг. В подтверждение этого им приводятся выдержки из трудов С. Д. Аносова, В. В. Граве, а также рабочая переписка и распоряжения П. Ф. Унтербергера.

Для иллюстрации взглядов чиновника Б. Д. Пак изложил содержание Всеподданнейшего отчёта генерал-губернатора Унтербергера за 1906–1907 гг. (АВПРИ. Ф. «Тихоокеанский стол, 1896–1908». Д. 1089. Л. 39.). Данный документ во многом повторил тезисы докладной записки министру внутренних дел от 8 марта 1908 г. Однако новым моментом стал тезис о том, что в результате сдачи земель в аренду корейцам царское правительство в случае войны рискует столкнуться в регионе с малодушным и

расслабленным русским населением, которое не окажет поддержки войскам, а будет скорее обузой.

Среди конкретных ограничительных мер П. Ф. Унтербергера в отношении корейцев автор выделяет установление запретов на сдачу иностранцам казённых земель для поселения, найм иностранных рабочих на казённые работы. В данном контексте также отмечены его требования к руководству Приморской области заменить труд корейцев на казённых предприятиях, концессиях и «арендах казённых земель», прекратить предоставление льгот «жёлтым» и предпринять решительные меры к прекращению наплыва корейцев. Для реализации указанных мероприятий генерал-губернатор распорядился за счёт сборов с китайцев и иностранных корейцев учредить в Приморской и Амурской областях дополнительные должности 19 полицейских чиновников, 8 толмачей и 101 сотрудника конной полиции [9, с. 99]. Кроме того, при П. Ф. Унтербергере военный губернатор Приморской области и чиновники различного уровня получили право применять аресты и взыскание штрафов в отношении корейцев – иностранных подданных, совершивших незначительные проступки [9, с. 99].

Наряду с этим Б. Д. Пак называет П. Ф. Унтербергера инициатором созыва в г. Хабаровске в 1908 г. совещания губернаторов и представителей торгово-промышленных и земледельческих кругов Приамурского края. Рассмотрев «жёлтый» и корейский вопросы, участники мероприятия признали нежелательной корейскую аренду земли, получившую сильное распространение на Дальнем Востоке страны. Причинами такого решения были названы несоответствие этого явления интересам укрепления хозяйственности и трудолюбия в среде крестьянства, а также использование арендаторами хищнических приёмов обработки земли [9, с. 99].

Участники мероприятия выступили за скорейшую разработку правил, ограничивающих аренду земли подданными Китая и Кореи, сокращение азиатской рабочей силы на частных и казённых предприятиях, а также переселение вглубь края русско-подданных корейцев, проживающих в приграничных районах [9, с. 100]. По мнению Т. Н. Сорокиной, правила преследовали две цели – создать препятствия к дальнейшему наплыву населения из соседних азиатских стран и усилить контроль приамурской администрации над находящимися в крае иностранными подданными [10, с. 69].

Предложения участников совещания, созванного с подачи П. Ф. Унтербергера, встретили поддержку правительства. В результате, 21 июня 1910 г. был утверждён «Закон об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве». Данный акт запретил передачу иностранным подданным казённых подрядов и поставок, ограничил их найм на казённые работы, а также сдачу им в аренду казённых и оборочных земель. Подробные сведения о роли П. Ф. Унтербергера в принятии закона от 1 июня 1910 г. содержатся в статье М. Б. Аверина [11]. Таким образом, Б. Д. Пак делает вывод о том, что политика П. Ф. Унтербергера по урегулированию корейского вопроса строилась на откровенно великородственных и расистских взглядах, которые пользовались поддержкой у шовинистически настроенной части русской буржуазии.

Вместе с тем весьма интересным является упоминание исследователем о роли П. Ф. Унтербергера на прошедшем в 1886 г. в г. Хабаровске 2-м съезде губернаторов и других представителей местных властей Приамурского края. Ссылаясь на работу И. Надарова [12], Б. Д. Пак отмечает, что работавшая в рамках съезда комиссия нашла пребывание

корейцев в крае бесполезным и даже вредным вследствие истощения ими земель. При этом съезд проигнорировала реплику «полковника Унтербергера», поинтересовавшегося, какими данными оперировала комиссия при рассмотрении вопроса о вреде корейцев и насколько сильный они наносят ущерб почве по сравнению с русскими и китайцами. В этом смысле П. Ф. Унтербергер также спросил, не будет ли преждевременным выселение корейцев с их текущих мест проживания [9, с. 59–60; 12 с. 22].

На наш взгляд, изложенные материалы дают основания предполагать, что в период 2-го съезда П. Ф. Унтербергер, ещё не бывший тогда даже военным губернатором Приморской области, предложил более детально изучить аспекты хозяйственной деятельности корейцев в крае с целью избежать принятия необдуманных мер в их отношении. Если следовать выводам Б. Д. Пака, то П. Ф. Унтербергер фактически был одним из немногих участников мероприятия, косвенно выступивших в защиту интересов корейского населения. Данный малоизвестный факт идёт вразрез с преобладающей в большинстве работ точкой зрения о ярых антокорейских взглядах чиновника.

О ключевой роли П. Ф. Унтербергера в выработке подхода дальневосточной администрации к проживающим в Приамурском крае корейцам свидетельствует монография А. И. Петрова [13]. Наряду с трудами Б. Д. Пака данное исследование по праву считается ещё одной классической работой по истории корейцев в Российской империи. Для понимания вклада П. Ф. Унтербергера большую ценность имеют представленные в книге материалы о процессе разработки Приамурским генерал-губернаторством мероприятий в рамках реализации устной (джентельменской) договорённости, достигнутой представителями России и Кореи в ходе переговоров о подписании русско-корейского договора о приграничных сношениях 1888 г. Благодаря этой договорённости, корейское правительство де-факто признавало в качестве полноправных российских подданных тех корейцев, что осели в нашей стране до 1884 г. и были приведены к русской присяге. В рамках указанной договорённости приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф в 1891 г. направил в адрес военных губернаторов Приморской и Амурской областей циркуляр № 2977 от 21 июня, который предписывал разделить всех проживающих в крае инородцев на 3 категории. Корейцы 1-й категории подлежали принятию в российское подданство. Представители 2-й группы в течение двух лет были обязаны ликвидировать свои хозяйства, освободить занятые казённые земли и выселиться. Корейцы же 3-й категории признавались временно находящимися в России с целью заработка. Именно на основе этого циркуляра в последующие годы определялся правовой статус корейских жителей в Приамурье.

При изучении большинства работ по истории переселения корейцев в дореволюционную Россию может сложиться впечатление, что основным разработчиком указанной классификации был приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф [9, 5]. В ряде исследований её первоначальный автор вообще не указывается [4, 14]. Однако в монографии А. И. Петрова упоминается представление № 2277, которое П. Ф. Унтербергер, занимавший тогда пост военного губернатора Приморской области, 23 февраля 1891 г. направил А. Н. Корфу. В данном документе он предложил разделить корейских жителей на три категории и представил на рассмотрение порядок действий властей по отношению к каждой из них. Исследователь указывает, что предложения П. Ф. Унтербергера были незначительно доработаны в канцелярии Приамурского генерал-губернатора, после чего были разосланы на места в виде упомянутого выше циркуляра № 2977 [13, с. 106].

Таким образом, представленные А. И. Петровым сведения дают основания утверждать, что именно П. Ф. Унтербергеру с высокой степенью вероятности принадлежит первоначальная идея о категоризации проживающих в крае корейцев и именно им разработаны правила, впоследствии введённые в отношении представителей каждой категории.

Доктор исторических наук Н. И. Дубинина [15] в своём документально-историческом повествовании освещает взгляды П. Ф. Унтербергера на корейский вопрос в период его генерал-губернаторства. Согласно заключению автора, чиновник в целом уделял повышенное внимание проблеме наплыва азиатских подданных в Приамурский край, но наибольшую озабоченность испытывал именно в связи с массовым притоком корейцев. В книге коротко освещены выделенные генерал-губернатором негативные моменты пребывания корейского населения на Дальнем Востоке страны: низкая степень ассимиляции с русскими даже после перехода в российское подданство и принятия православия, негативное влияние корейской аренды земель на трудовые способности и моральный облик русского сельского населения.

Представляется, что отдельно следует рассмотреть оценки взглядов П. Ф. Унтербергера на корейский вопрос, содержащиеся в статье Ж. Г. Сон [16]. По мнению автора, за время руководства Приморской областью и до назначения приамурским генерал-губернатором произошла трансформация подхода чиновника к переселению из Кореи. В течение 10 лет на посту приморского губернатора П. Ф. Унтербергер был вполне лоялен к корейцам и, как считает исследователь, даже защищал их от выселения из Посытского участка вглубь области. Данный тезис подтверждает отношение военного губернатора Приморской области П. Ф. Унтербергера по вопросу о переселении корейцев в Приамурское генерал-губернаторство от 18 марта 1889 г. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 94. Л. 19 – 20об.). В этом документе чиновник высказал мнение о нецелесообразности выселения корейцев из приграничных районов до момента, пока не будут исследованы их предполагаемые новые места проживания по р. Амуру и притокам р. Уссури, а также выделены средства из казны под нужды переселения. Более того, в письме губернатор выразил обеспокоенность, что в результате выселения инородцев в Посытском участке может не остаться жителей, способных отбывать земские натуральные повинности, которые в то время успешно исполняли местные корейцы. В заключение чиновник также прямо отметил пользу, приносимую корейским населением для экономики Южно-Уссурийского округа. В частности, указал на выращивание корейцами ярицы, пшеницы и овса, что избавляло местные власти от необходимости выписки этой продукции из-за границы и Одессы.

Однако, с точки зрения Ж. Г. Сон, после Русско-японской войны позиция П. Ф. Унтербергера изменилась. Причиной этого стало широкое уклонение корейских крестьян от исполнения подводной повинности в период военных действий. О данной проблеме чиновник упоминает в письме председателю Совета министров П. А. Столыпину по корейскому вопросу (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 676. Л. 1 – 4об.). Принимая во внимание позицию П. Ф. Унтербергера на 2-м съезде губернаторов и других представителей местных властей Приамурского края (1886 г.), а также его письмо от 18 марта 1889 г., мнение Ж. Г. Сон о трансформации взглядов чиновника на корейскую проблему в сторону постепенного ухудшения представляется вполне убедительной. Однако представление военного губернатора П. Ф. Унтербергера по вопросу о принятии корейцев в русское подданство от 6 ноября 1890 г. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 94. Л. 36 – 38.) наглядно доказывает, что уже на посту руководителя Приморской области чиновник не испытывал каких-либо симпатий к выходцам из Кореи.

Так, П. Ф. Унтербергер в представлении рекомендовал отложить приведение к присяге корейцев, осевших в России до 1884 г., мотивируя это тем, что им недостаточно глубоко на практике изучены бытовые условия их жизни. Данный акт он предложил отложить до момента, пока российские власти не будут полностью уверены в полной солидарности интересов корейцев с российскими устремлениями в крае. Такую необходимость он объяснил тем, что большая часть корейского населения проживает на границе с «государством, с которым у него несравненно более общего, как в верованиях, так и в бытовых условиях, чем с нами» [\[17, с. 75\]](#). В письме он выразил сомнения в лояльности корейцев России и выразил уверенность, что у них отсутствует понимание «святости присяги». В контексте этого он предположил, что в случае недовольства русско-подданных корейцев каким-либо решением российских властей, они выселятся за границу.

На наш взгляд, наибольшую значимость для понимания взглядов П. Ф. Унтербергер предсталяет ещё один аргумент против приведения корейцев к русской присяге, приведённый им в представлении от 6 ноября 1890 г. «Если бы тогда, при столкновении с Китаем, неприятель вырезал бы ту или другую корейскую деревню, жители которой пользовались лишь правом жить на русской земле, но не правом быть русскими подданными, то это не могло бы лечь на нас таким гнетом, как в том случае, если бы это совершилось в одной из коренных русских деревень» [\[17, с. 75\]](#). Исходя из этого чиновник предлагал взять за правило, не принимать корейцев в русское подданство, а лишь дозволять им жить в России на «известных правах», за которые они должны выполнять «известные обязательства». Представляется, что содержание письма от 6 ноября 1890 г., а также использованные в нём формулировки являются убедительным доказательством отсутствия у П. Ф. Унтербергера какого-либо благосклонного отношения к корейцам в его бытность военным губернатором Приморской области.

Заключение

Анализ научных работ, архивных материалов и очерков самого П. Ф. Унтербергера позволяет с уверенностью назвать его убеждённым противником переселения корейцев в Россию и использования корейского труда при освоении богатств дальневосточного края. Вклад чиновника в разработку мероприятий по упорядочению правового статуса корейских жителей, а также предпринятые им шаги на посту приамурского генерал-губернатора дают веские основания считать его главным инициатором политики ограничения наплыва переселенцев из Кореи и ужесточения административного контроля над корейскими жителями края.

Обобщая вышеизложенные материалы, можно выделить следующие основные причины негативного отношения чиновника к переселенцам из Кореи:

1. Склонность корейских переселенцев быстро оседать в русских пределах, в т. ч. посредством самовольного захвата пустующих казённых земель. Данное обстоятельство создавало предпосылки к переселению новых партий мигрантов, стихийному образованию новых корейских моноэтнических поселений и сокращению земельных фондов для русских колонистов.
2. Негативное влияние корейской аренды земли на моральный облик и способность русское крестьянства к ведению сельского хозяйства.
3. Неспособность российских рабочих конкурировать с корейцами, готовыми выполнять работы на более худших условиях.

4. Низкая степень ассимиляция корейцев, что находило отражение в плохом знании русского языка, малом количестве смешанных браков. Причину этого чиновник видел в длительном периоде изоляции корейского государства, особенностях культуры и менталитета, а также постоянных контактах с соотечественниками из-за рубежа.

5. Формальное отношение корейского населения к принятию российского подданства и православия. Чиновник был убеждён, что при приведении к присяге корейцы руководствовались не политическими взглядами, а материальными соображениями. Принятие же православия рассматривалось ими как способ ускорить получение подданства России.

Исходя из этого П. Ф. Унтербергер декларировал необходимость проведения политики в отношении корейцев на основе следующих принципов:

1. Отказ от принятия корейцев в подданство. По мнению чиновника, приведение инородцев к присяге не приносило пользы российскому государству, но требовало от властей обеспечить корейцев землёй и давало им возможность коллективно отстаивать свои экономические интересы.

2. Отстранение корейцев от работы на казённых и частных предприятиях с целью поддержки положения русских рабочих.

3. Усиление административного контроля над обосновавшимися в России корейцами.

4. Отказ от создания на территории Российской империи корейских общественных объединений с целью не допустить возникновения и развития в корейской среде сепаратистских настроений и враждебной агитации.

В современном понимании взгляды, изложенные П. Ф. Унтербергером в своих работах, противоречат основным принципам национальной политики РФ. Отдельные формулировки чиновника по современным меркам являются неполиткорректными и не могут использоваться ни в официальных документах, ни в научных или публицистических материалах.

Однако следует учитывать, что чиновник написал свои труды в социально-политических условиях Российской империи второй половины XIX – начала XX. В то время подобные взгляды на национальный вопрос были распространены и не воспринимались как проявление экстремизма и ксенофобии.

Несмотря на критику П. Ф. Унтербергера, следует, тем не менее, отметить его основополагающий вклад в формирование политики властей по урегулированию корейского вопроса. Предложенный им подход к распределению корейцев по категориям активно применялся в том числе и в периоды благосклонного отношения дальневосточной администрации к корейцам, которыми обычно называют времена генерал-губернаторства С. М. Духовского, Н. И. Гродекова и Н. Л. Гондатти.

Библиография

1. Унтербергер П. Ф. Приморская область 1856–1898 гг.: Очерк. СПб. Типография В. Ф. Киршбаума, 1900. VIII, 324 с.
2. Унтербергер П. Ф. Приамурский край 1906–1910 гг.: Очерк. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1912. 497 с.
3. Граве В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье: отчет уполномоченного М-ва ин. дел В. В. Граве. СПб., 1912. 489 с.

4. Аносов С. Д. Корейцы в Уссурийском крае. Владивосток: Книжное дело, 1928. 86 с.
5. Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. Вторая половина XIX в. –1945 г.-Кн. 1. Алматы: Дайк-пресс, 1999. 424 с.
6. Ли Е. Л. «Желтая угроза» или «желтый вопрос» в трудах Амурской Экспедиции 1910 г. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 3(14). С. 29–40.
7. Шликевич С. П. Колонизационное значение земледелия в Приамурье. ТАЭ. Вып. 5. СПб. 1911. 142 с.
8. Песоцкий В. Д. Корейский вопрос в Приамурье. Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора, 1913. 188 с.
9. Пак Б. Д. Корейцы в Российской империи / Издание второе, исправленное: Монография. Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт, 1994. 238 с.
10. Сорокина Т. Н. Российские чиновники о китайской и корейской идентичности в Приамурском крае в начале XX в.: к постановке проблемы // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования: Программа и тезисы. материалы международ. науч. конф., Томск, 14–15 октября 2014 г. Томск: Издательство Томского университета, 2014. С. 69–70.
11. Аверин М. Б. Совет министров Российской империи и закон 1910 Г. "об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве" / М. Б. Аверин, В. В. Романов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2021. – № 4(60). – С. 16-24.
12. Надаров И. П. Второй Хабаровский съезд [губернаторов и других представителей] 1886 г. Владивосток: тип. Штаба портов Вост. океана, 1886. 79 с.
13. Петров А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60-90-е годы XIX века. Владивосток: ДВО РАН, 2000. 304 с.
14. Ким Сын Хва Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата: Наука, 1965. 251 с.
15. Дубинина Н. И. Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер. Документально-историческое повествование. Хабаровск: Риотип, 2008. 400 с.
16. Сон Ж. Г. Корейцы: миграция по пути длиной в полвека (1864–1918) // Миграция корейцев на русский Дальний Восток: российско-корейские отношения. 1821–1918 гг. Документальная история. М., 2017. 722 с.
17. Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – нач. XX вв.): документы и материалы в 2-х кн. Книга 1. Владивосток: РГИА ДВ, 2004. 404 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью "Политика и взгляды П. Ф. Унтербергера в отношении корейских мигрантов на Дальнем Востоке Российской империи".

Предмет исследования - политика и взгляды П.Ф. Унтербергера по вопросу корейских мигрантов на Дальнем Востоке.

Методология исследования. В основе методов и методической базы исследования лежат специально-исторические методы: сравнительно-исторический и системно-

сопоставительный, а также принципы объективизма и диалектики.

Актуальность исследования не вызывает сомнений, т.к. в настоящее время в нашей стране в обществе нет однозначного отношения к привлечению иностранных мигрантов на работу в Россию, адаптации мигрантов в России, вопросами получения гражданства мигрантами. Актуальность темы определена также тем, что российская политика в этом регионе и сейчас осуществляет многие из тех задач, какие существовали в конце ХХI- начале ХХ в. Поэтому изучение деятельности российской администрации Дальнего Востока в конце XIX - начале ХХ вв. может содействовать совершенствованию дальневосточной политики России и в настоящее время.

Научная новизна определяется тем, что в рецензируемой статье сделана попытка показать отношение военного губернатора Приморской области (1888–1897 гг.) и генерал-губернатора Приамурского края (1905–1910 гг.) П. Ф. Унтербергерана вопрос переселения корейцев на Дальний Восток и его дальневосточной политике в целом. Новизна определена также тем, что автор рецензируемой работы дает довольно подробный и качественный анализ литературы, посвященной деятельности П.Ф. Унтербергера.

, Стиль статьи академический, ясный. Структура работы состоит из введения (здесь автор рецензируемой работы отмечает некоторые биографические данные П.Ф. Унтербергера и его политических взглядов), труды П. Ф. Унтербергера (речь идет о двух его очерках Приморская область 1856–1898 гг.» и «Приамурский край 1906–1910 гг.»), обзор иных источников и литературы и заключения. Структура работы логически выстроена с учетом цели и задач рецензируемой статьи. Представляется оправданным, что в рецензируемой работе автор анализирует два очерка П.Ф. Унтербергера «Приморская область 1856–1898 гг.», опубликованную в 1900 г. и «Приамурский край 1906–1910 гг.»), опубликованную в 1912 г., и следующем разделе дает анализ работ исследователей, которые писали в целом о корейской миграции на Дальний Восток с XIX в. по настоящее время, т.к. справедливо отмечает автор рецензируемой работы, т.к. практически во всех этих работах затрагиваются «политика и личные взгляды» П.Ф. Унтербергера, видного российского чиновника.

Библиография работы солидная и по ней видно, что автор хорошо разбирается в теме и предмете исследования. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Выводы статьи обоснованы и вытекают из проделанной работы автором рецензируемой статьи.

Статья написана на актуальную тему, несомненно будет интересна не только исследователям, занимающимся проблемами миграции, но и широкому кругу читателей. Статья имеет признаки новизны.

Англоязычные метаданные

Crypts in the History of the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin: Discovery, Origin, Dating.

Artemov Nikolai

Postgraduate student, Department of Archaeology, Lomonosov Moscow State University

125475, Russia, Moscow region, Moscow, Klinskaya str., 14k1, sq. 231

 frutsport@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the crypts recorded during earthworks in the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin and next to it. In different years, brick, white stone and underground crypts were recorded in the cultural layer on this territory. These funerary structures are atypical both for temples-tombs of the XIV- XV centuries North-Eastern Russia, as well as for the medieval dirt cemetery, which was located on this site before the construction of the cathedral.

The subject of the study is the origin of these crypts and the history of their discovery. The purpose of the study is to review the history and details of the discovery, summarize all known information about the objects of research and, based on this information, propose hypotheses about the origin and dating of these burial structures.

The results of the study were the generalization of information about the crypts, the interpretation of their origin and dating. The results obtained can be applied in the field of studying the history of the formation of the oldest cult center of Moscow.

The scientific novelty of the article is the generalization of fragmentary information about the crypts found in the underground space of the Assumption Cathedral and next to it. For the first time, the question of the origin of these crypts is considered, on the basis of which their typology and dating are proposed. The brick and white-stone crypts found near the cathedral, apparently, were disposable structures. In this case, their origin is connected with the secondary reburial of the disturbed remains of a medieval cemetery located on this site before the construction of the Assumption Cathedral. The time of construction of the white stone crypt can be attributed to the 1470s, the brick one - to the middle of the XIX century. The crypt found directly under the floors of the cathedral should be dated to the end of the 1470s. This structure, apparently, marks the burial place of the only prince buried in the temple - Yuri Danilovich.

External crypts will be considered in the article in the order of their discovery. The intra-temple crypt will be considered last.

Keywords: burial, burial structure, vault, headstone, brick tomb, crypt, Assumption Cathedral, Moscow Kremlin, reburial, cemetery

References (transliterated)

1. Artemov N.S. Nekropoli Moskovskogo Kremlja: istoriya i etapy polevykh arkheologicheskikh issledovanii // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2023. №1. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.37350 EDN: KOXHTR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37350 (data obrashcheniya: 15.01.2023 g.).
2. Artemov N.S., Denisov A.V. Tserkov' i nekropol' Kosmy i Damiana v Nizhnikh

- Sadovnikakh: khronologiya i topografiya // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. №3 (53). S. 7-22. DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-07-22
3. Belen'kaya D.A. Arkheologicheskie nablyudeniya v Uspenskom sobore v 1966 g. // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. № 167: Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy. T. 4: Drevnosti Moskovskogo Kremla. M.: Nauka, 1971. S. 158-163.
 4. Belyaev L.A. Opyt izucheniya istoricheskikh nekropolei i personal'noi identifikatsii metodami arkheologii. M.: IA RAN, 2011.
 5. Belyaev L.A. Rodovaya usypal'nitsa knyazei Pozharskikh: 150 let izucheniya. M.: IA RAN, 2013.
 6. Belyaev L.A., Grigoryan S.B., Shulyaev S.G. Nekropol' Smolenskogo sobora Novodevich'ego monastyrya XVI-XVII vv. Issledovaniya 2017-2018: metody i rezul'taty // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2019. № 4 (78). S. 5-20.
 7. Vladimirskaya N.S. Arkheologicheskoe izuchenie severnoi chasti Sobornoi ploshchadi Moskovskogo Kremla // Uspenskiy sobor Moskovskogo Kremla: materialy i issledovaniya / otv. red. E.S. Smirnova. M.: Nauka, 1985. S. 13-18.
 8. Voskresenskaya letopis' / podgotovlena k izdaniyu Tsepkovym A.I. M.: RINFO, 1998.
 9. Vygolov V.P. Arkhitektura Moskovskoi Rusi serediny XV veka. M.: Nauka, 1985.
 10. Drevnosti rossiiskago gosudarstva. Otdelenie I. Sv. ikony, kresty, utvar' khramovaya i oblachenie sana dukhovnago / Kom. izd. S. Stroganov, M. Zagorskin, I. Snegirev, A. Vel'tman. M.: Tipografiya Aleksandra Semena, 1849.
 11. Markov V. Uspenskiy sobor v Moskve. Ustroistvo ego otopleniya. Ottiski iz «Russkogo Arkhiva» (1908 g. kn. 3 i 4). M.: Sinodal'naya tipografiya, 1908.
 12. Mel'nik A.G. Ossuarii Rostovskogo Uspenskogo sobora // Soobshcheniya Rostovskogo muzeya. Rostov, 1994. Vyp. 6. S. 185-189.
 13. Panova T.D. «Srednevekovyi pogrebal'nyi obryad po materialam nekropolya Arkhangel'skogo sobora Moskovskogo Kremla» // Sovetskaya arkheologiya. 1987. №4. S. 110-122.
 14. Panova T.D. Otchet ob arkheologicheskikh nablyudeniyakh v Moskovskom Kremle v 1988 g. M.: 1988. Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. №14518.
 15. Panova T.D. Pogrebal'nye kompleksy na territorii Moskovskogo Kremla // Sovetskaya arkheologiya. 1989. №1. S. 219-234.
 16. Panova T.D. Nekropoli Moskovskogo Kremla. M.: Federal'noe gosudarstvennoe uchrezhdenie "Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik "Moskovskii Kreml'", 2002.
 17. Panova T.D. Kremlevskie usypal'nitsy. Istoryya, sud'ba, taina. M.: Indrik, 2003.
 18. Panova T.D. Tsarstvo smerti: pogrebal'nyi obryad srednevekovoi Rusi XI-XVI vv. M.: Radunitsa, 2004.
 19. Panova T.D. Istoricheskaya i sotsial'naya topografiya moskovskogo kremla v seredine XII-pervoi treti XVI veka. M.: TAUS, 2013.
 20. Raskopki v" Kreml' // Svetil'nik / red. S.I. Vashkov. №4-5. 1913. S. 39-40.
 21. Raskopki v" Kreml' // Izvestiya Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii. Pribavlenie k" vypusku 52-mu. Khronika i bibliografiya / Pred. kom. A.A. Bobrinskii. SPb.: Tipografiya Glavnago Upravleniya Udelov", 1914. S. 113-114. URL: <https://www.prilib.ru/item/1057295> (data obrashcheniya: 15.01.2023 g.).
 22. Snegirev I.M. Moskva. Podrobnoe istoricheskoe i arkheologicheskoe opisanie goroda. Tom vtoroi. M.: Izdanie A. Martynova, 1873.

23. Sklep" pod" Bol'shim" Uspenskim" soborom" // *Svetil'nik* / red. S.I. Vashkov. №1. 1913. S. 44.
24. Shelyapina N.S. Otchet ob arkheologicheskem nablyudenii za zemlyanymi rabiotami v Moskovskom Kremle v 1963-1965 gg. M.: 1968. Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. №3578.
25. Shelyapina N.S. Otchet ob arkheologicheskem nablyudenii v Moskovskom Kremle v 1967-1969 gg. M.: 1969. Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. №3964.
26. Shelyapina N.S. Arkheologicheskie nablyudeniya v Moskovskom Kremle v 1963-1965 gg. // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. № 167: Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy. T. 4: Drevnosti Moskovskogo Kremla. M.: Nauka, 1971. S. 117-157.
27. Shelyapina N.S. Nadgrobiya XIII-XIV vv. iz raskopok v Moskovskom Kremle // Sovetskaya arkheologiya. 1971. №3. C. 284-289.
28. Shelyapina N.S. K istorii izucheniya Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremla // Sovetskaya arkheologiya. 1972. №1. S. 200-214.
29. Shelyapina N.S. Arkheologicheskie issledovaniya v Uspenskom sobore // Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremla. Materialy i issledovaniya. Vypusk 1. M.: Iskusstvo, 1973. S. 54-63.
30. Shelyapina N.S. Arkheologicheskoe izuchenie Moskovskogo Kremla: Drevnyaya topografiya i stratigrafiya: dissertatsiya, predstavленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.06. M.: 1974. RGB. OD Dk 74-7/655.

About the single combat of Prince Mstislav and Rededya: a comparative historical analysis of the culture of single combats in Ancient Rus at the end of X - the first half of XI centuries

Chasovitina Olga Vladimirovna

postgraduate student, Faculty of History, Department of Russian History to the beginning of the Nineteenth Century, Lomonosov Moscow State University

27, building 4, Lomonosovsky Prospekt, Moscow, 119192, Russia

✉ ovchasovitina@gmail.com

Abstract. The article examines the story of the "Tale of Bygone Years" about the single combat of Prince Mstislav and Rededya as an evidence of ancient Russian military culture of single combats. The evidence is correlated with other written and archaeological sources to establish its connection with the actual political history. For comparative study, the evidence is correlated with other Old Russian written sources about single combats and contemporary narrations about single combats in the monuments of Byzantine historiography. During the comprehensive study of the text of Mstislav's prayer, the evidence of the military veneration of the Mother of God in Byzantium and in Russia, including references to prayers to the Mother of God, is considered. The conducted research allows us to conclude about the influence of the Byzantine military tradition and religious culture on the military culture of Russia. The relationship is most clearly traced in the religious appearance of the single combat, while the chronicle narration in question is attributed to the earliest evidence of the military veneration of the Mother of God in Russia. There are similar ideas about single combats as events that deserve to be preserved in historiography. It is not easy to determine the relationship between the organization and conduct of single combats, due to the scarcity of chronicle data. The Byzantine influence, presumably, was expressed both in the rethinking of ideas about

single combats, and in the veneration of the Mother of God as an assistant or intercessor in the event of war.

Keywords: kasogs, Byzantium, Leo the Deacon, pre-Mongolian period, single combat, military culture, The Tale of Bygone Years, Medieval Russia, Ancient Rus, Tmutarakan

References (transliterated)

1. Lev VI Mudryi. Taktika L'va / Izd. podgot. V.V. Kuchma; otv. red. N.D. Barabanov. SPb.: Aleteiya, 2012. 368 s.
2. Lev Diakon. Istorya / per. M.M. Kopylenko; otv. red. G.G. Litavrin. M.: Nauka, 1988. 237 s.
3. Mikhail Psell. Khronografiya / per. Ya.N. Lyubarskogo. M.: Nauka, 1978. 319 s.
4. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mlađshego izvodov / Pod red. A.N. Nasonova. M., L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. 640 s.
5. Povest' vremennykh let / Pod red. V.P. Adrianovoi-Peretts. SPb.: Nauka, 1996. 667 s.
6. Prodolzhatel' Feofana. Zhizneopisanija vizantiiskikh tsarei / per. Ya.N. Lyubarskogo. SPb.: Aleteiya, 2009. 400 s.
7. Slovo o polku Igoreve / Pod. red. V.P. Adrianovoi-Peretts. M., L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. 483 s.
8. Borovkov D.A. Mezhdunyazheskie otnosheniya na Rusi kontsa X – pervoi chetverti XII veka i ikh reprezentatsiya v istochnikakh i istoriografii. SPb.: Aleteiya, 2015. 232 s.
9. Gippius A.A. Do i posle nachal'nogo svoda: rannaya letopisnaya istoriya Rusi kak ob'ekt tekstologicheskoi rekonstruktsii // Rus' v IX-X vekakh: arkheologicheskaya panorama. M., Vologda: Drevnosti Severa, 2012. S. 37-63.
10. Dolgov V.V. Poedinki v drevnerusskoj voinskoj kul'ture // Voenno-istoricheskiy zhurnal. 2014. №6. S. 57-60.
11. Zverev S.E. Voennaya ritorika Srednevekov'ya. SPb.: Aleteiya, 2011. 206 s.
12. Kapten G.Yu. Problema sakralizatsii voiny v vizantiiskom bogoslovii i istoriografii. SPb.: Izdatel'stvo RKhGA, 2020. 263 s.
13. Laushkin A.V. Ustraivali li triumfy russkie knyaz'ya domongol'skogo vremeni? // Rossiiskaya istoriya. 2022. № 3. S. 3-14.
14. Likhachev D.S. «Slovo o polku Igoreve» i kul'tura ego vremeni. L.: Khudozhestvennaya literatura. Leningradskoe otdelenie, 1978. 359 s.
15. Makarova T.I. Tserkov' sv. Bogoroditsy v Tmutarakani // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. 2005. Vyp. XI. S. 377-405.
16. Maksidov A.A. Kasozhskii knyaz' Rededya: real'nosti letopisnogo syuzheta // El'brus. 2000. №1 (12). S. 61-69.
17. Mikheev S.M. «Kto pisal "Povest' vremennykh let"?» M.: Indrik, 2011. 280 s.
18. Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi. M.: Nauka, 1968. 472 s.
19. Stepanenko V.P. Voennyi aspekt kul'ta Bogomateri v Vizantii (IX-XII vv.) // Antichnaya drevnost' i Srednie veka. Vyp. 31. 2000. S. 198-221.
20. Tatishchev V.N. Istorya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen neusypnymi trudami cherez tridtsat' let sobrannaya i opisannaya pokoinym tainym sovetnikom i astrakhanskim gubernatorom, Vasiliem Nikitichem Tatishchevym. Kn. 2. M.: naopechatana pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 1773. 536 s.
21. Trofimova N.V. Fol'klornye obrazy i motivy v drevnerusskom voinskom povestvovanii //

- Literatura Drevnei Rusi i Novogo vremeni. Sbornik materialov IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Drevnerusskaya literatura i literatura Novogo vremeni», posvyashchennoi pamyati professora Nikolaya Ivanovicha Prokof'eva. M.: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2017. S. 38-47.
22. Trofimova N.V. Poetika drevnerusskogo voinskogo povestvovaniya. M.: MPGU, 2017. 278 s.
 23. Trubetskoi N.S. Rededya na Severnom Kavkaze // Etnograficheskoe obozrenie. 1911. № 1-2. S. 229-238.
 24. Turchaninov G.F. Letopisnyi Rededya i cherkesskoe «redade» // Uchenye zapiski Kabardinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. 1947. T. II. S. 246-247.
 25. Khrapunov N.I. Izvestiya o Krymskom pokhode Vladimira Monomakha v istochnikakh Novogo vremeni // Antichnaya drevnost' i Srednie veka. Vyp. 46. 2018. S. 241-260.
 26. Chkhaidze V.N. Tamatarkha. Rannesrednevekovyi gorod na Tamanskem poluostrove. M.: TAUS, 2008. 328 s.
 27. Shakhmatov A.A. Povest' vremennykh let. T. 1: Vvodnaya chast'. Tekst. Primechaniya. Petrograd: Arkheograficheskaya komissiya, 1916. VIII, LXXX, 402 s.
 28. Shakhmatov A.A. Razyskaniya o drevneishikh russkikh letopisnykh svodakh // Shakhmatov A.A. Iстория russkogo letopisaniya. T. 1. Kn. 1. SPb.: Nauka, 2002. S. 20-358.
 29. Kariakidis S. Accounts of single combat in Byzantine historiography // Acta Classica. Vol. 59. 2016. S. 114-136.
 30. Oakley S.P. Single combat in the Roman Republic // Classical Quarterly. 1985. Vol. 35. S. 392-410.
 31. Wiedemann T. Single combat and being Roman // Ancient Society. 1996. Vol. 27. S. 91-103.
 32. White M. Military saints in Bizantium and Rus, 900-1200. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. XV, 255 c.

The Network of Railway Settlements of the Tobolsk Province in the Late XIX - Early XX Century

Akberdeeva Dinara Il'gizarovna

Junior Research Assistant, Tobolsk Scientific Station of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

626152, Russia, Tyumen region, Tobolsk, Academician Yuri Osipov str., 15

✉ akberdeeva.dinara@mail.ru

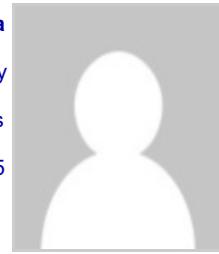
Zagorodnyuk Nadezhda Ivanovna

PhD in History

Senior Researcher, Tobolsk Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

626152, Russia, Tyumen region, Tobolsk, Academician Yuri Osipov str., 15

✉ niz1957@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of mass sources – archival documents of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897 and information published by the Tobolsk Provincial Statistical Committee for 1903 and 1909, the number, typical diversity, and

population of settlements formed in the exclusion zone of the Perm-Tyumen and West Siberian railways on the territory of the Tobolsk province is determined.

A set of statistical methods was used to analyze the sources. A comprehensive interdisciplinary approach allows not only to identify the historical and genetic features of individual documents, but also to give a certain assessment of their representativeness and information potential for specific historical research.

Intensive construction of railways has led to the emergence of new types of settlements: stations, independent settlements at stations and on the railway line, barracks and semi-barracks, booths, barracks, guard houses, etc. In 1897, at least 128 railway settlements were functioning on the territory of the province, which was about 2.5% of the total number of all settlements in the studied region. More than two thousand people lived in them permanently and temporarily; on average, there were 18 people per settlement. The major settlements were the Tyumen and Kurgan stations. It is concluded that the primary materials of the 1897 census have the most complete information. In connection with the further construction of the Trans-Siberian railway at the beginning of the XX century, there is an increase in the population of stations and pier settlements, their merger, the emergence of new types of railway settlements.

Keywords: settlement, Population Census, dvornost settlements, population of settlements, the scale settlement network, the size of settlements, typical structure, railway, Tobolsk province, Network of railway settlements

References (transliterated)

1. Belousov S.S. Vliyanie zheleznykh dorog na razvitiye poselencheskoi seti v Astrakhanskoi gubernii (poslednyaya chetvert' XIX-nachalo XX vv.) // Bylye gody. 2020 № 57 (3). S. 1264–1269.
2. GA v g. Tobol'ske. F. I152. Op. 35. D. 841.
3. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 1360.
4. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 1361.
5. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 1362.
6. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 1363.
7. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 1364.
8. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 1365.
9. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 1904.
10. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 1905.
11. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 1906.
12. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 1907.
13. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 1908.
14. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 1909.
15. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 1910.
16. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 1911.
17. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 1912.
18. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 1913.
19. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 3265.
20. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 3286.
21. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 3287.

22. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 3631.
23. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 3632.
24. GA v g. Tobol'ske. F. I417. Op. 2. D. 3633.
25. Koptelov V. T. Zheleznaya doroga Ekaterinburg – Tyumen' – Omsk: ocherki istorii Tyumenskogo otdeleniya dorogi. Tyumen': Vektor Buk, 2001. 168 s.
26. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. / pod red. [i s predisl.] N. A. Troitskogo. T. 78: Tobol'skaya guberniya. – 1905. – [4], XLVI, 247 s.
27. Putevoditel' po Velikoi Sibirskoi zheleznoi doroge: [1900] / Pod red. A. I. Dmitrieva-Mamonova i inzh. A. F. Zdzyarskogo. – Sankt-Peterburg: M-vo put. soobshch., 1900. – [2], IV, 600 s.
28. Spisok naseleynykh mest Tobol'skoi gubernii / Sost. Gub. stat. kom. po rasporyazheniyu g. tob. gubernatora, po svedeniyam, dostavl. volost. pravl. v 1903 g. i prover. s perepis. materialom. – Tobol'sk: Gub. tip., 1904. – [5], IX, 341 s.
29. Spisok naseleynykh mest Tobol'skoi gubernii: [Sost. po svedeniyam na 15 iyulya 1909 g., poluch. ot uezd. ispravnikov i volost. pravl.]. – Tobol'sk: Tob. gubern. stat. kom., 1912. – [1], 634, IX s.
30. Tatarnikova A. I. Naselennye punkty Tobol'skoi gubernii: administrativnyi i samovol'nyi sposoby obrazovaniya i osobennosti razvitiya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2019. № 1. S. 17–27.

Sanskrit titles of two Pagan kings in Pali and Sanskrit inscriptions

Zaitsev Ivan Alekseevich

PHD student, department of Southeast Asia history, IAAS MSU

125222, Russia, Moscow region, Moscow, Zelenogradskaya str., 18

 gorniy_strannik@mail.ru

Abstract. This article deals with the issue of recording royal titles in inscriptions in the languages of the Indian cultural tradition: Sanskrit and Pali. Using the example of a study of sources, the phenomenon of using the notation of titles is demonstrated, taking into account the use of Sanskrit spelling norms in inscriptions in the Pali language written using the Mon script. Such a phenomenon is of a non-permanent, variable in nature, which indicates the absence of a clear standard for recording the royal title in Pagan.

The significance of this phenomenon is betrayed by the fact that Pagan was a political center that was under the overwhelming influence of Theravada Buddhism, which suggested an orientation towards the Pali language as one of the main languages of the canon and political culture.

Possible reasons that prompted the Pagan rulers to use Sanskrit titles include the support of Brahmin cult shrines, which influenced the description of the figure of the ruler. The presence of such a phenomenon allows us to clarify some of the conclusions of historiography about the use of specific writing systems for recording texts in specific languages.

Keywords: brahmins, Sanskrit, Orthography, Title, material, Pagan, King, Pali, Inscriptions, influence

References (transliterated)

1. Aung-Thwin, M (1985). *Pagan: The Origins of Modern Burma*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
2. Berkwitz S (2019). Divine Kingship in Medieval Sri Lanka: Dynamics in Traditions of Power and virtue in South Asia // *Entangled religions*, № 8.
3. Crosby, K (2004). The Origin of Pāli as a Language Name in Medieval Theravāda Literature. *Journal of the Centre for Buddhist Studies, Sri Lanka*, (2). P. 70-116.
4. Duroiselle, C. (1921). *A List of Inscriptions Found in Burma. Part I. The List of Inscriptions Arranged in the Order of Their Dates»*. Rangoon: Archaeological Survey of Burma.
5. Edgerton, F. (1953) *Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary*, 2 Vol. New Haven: Yale University Press.
6. Epigraphia Birmanica: being lithic and other inscriptions of Burma (1919). Ed. by Chas. Duroiselle and Taw Sein Ko. Vol. 1, pt. 1. Rangoon: Supt., Govt. Print.
7. Frasch, T.(1996). *Pagan: Stadt und Staat*. Stuttgart: F. Steiner.
8. Frasch, T. (2017). A Pāli Cosmopolis? in Sri Lanka at the Crossroads of History, edited by Zoltán Biedermann and Alan Strathern, London: UCL Press. P. 66-74.
9. Griffiths, A. Lammerts C. (2015). Epigraphy: Southeast Asia. *Brill's Encyclopedia of Buddhism*, vol. 1. P. 988-1009.
10. Frash, T. (2018). "Myanmar Epigraphy – Current State and Future Tasks" // Writing for Eternity: A Survey of Epigraphy in Southeast Asia. Paris: Études thématiques. EFEO. P. 1-28.
11. Heim, M. (2004) Theories of the Gift in South Asia. Hindu, Buddhist, and Jain Reflections of dana. New York: Taylor & Francis Books.
12. Luce, G. (1966) The Career of Htilaing Min (Kyanzittha). *Journal of the Royal Asiatic Society* (1-2) P. 53-68.
13. Luce, G. (1969-1970). Old Burma--Early Pagan. 3 vols. Locust Valley & New York: J. J. Augustin; Artibus Asiae,
14. Lammerts, C.D. (2018) *Buddhist Law in Burma: A History Dhammasattha Texts and Jurisprudence, 1250–1850*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
15. Mendelson, M (1975). *Sangha and the State in Burma. A study of Monastic sectarianism and lordship*. New York: Cornell University Press.
16. Mra U, Aut khvak rup pā̄ cha tu tau myā akro (1961). 2 vols. Yangon: Dept. Of Archaeology, 1961. [Mra, U. Votive tablets of Burma (1961). 2 vols. Yangon: Dept. Of Archaeology.
17. Pollock, S (2006). *The Language of the Gods in the World of Men: Sanskrit, Culture, and Power in Premodern India*, Berkeley, University of California.
18. Ray, N (1936). *Sanskrit Buddhism in Burma*, Leiden: Phd thesis.
19. Sanderson, A. (2009). *The Śaiva Age: The Rise and Dominance of Śaivism during the Early Medieval Period in Development of Tantrism*, edited by Shingo Einoo. Institute of Oriental Culture Special Series. Tokyo: Institute of Oriental Culture, University of Tokyo. P. 41-349.
20. Singh, A. (1991) *Development of Nāgarī script*. Delhi: Parimal Publications.
21. Skilling P. (2005). *Buddhist Sealings: Reflections on Terminology, Motivation, Donors, Status, School-Affiliation, and Print-Technology*. *South Asian Archaeology 2001: Proceedings of the Sixteenth International Conference of the European Association of*

- South Asian Archaeologists. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, P. 677-685.
22. Than Tun. (1955) The Buddhist Church in Burma during the Pagan Period (1044-1287). Ph.D. thesis. University of London.

Demographic reconstruction of the Halaf culture society on the territory of the Eastern Euphrates

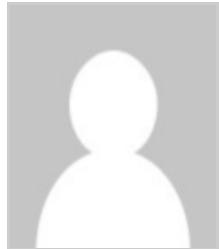
Bobrov Vladimir Vasil'evich

Doctor of History

Chief Scientific Officer, Institute of Human Ecology, FRC CCC SB RAS; Kemerovo State University

650000, Russia, Kemerovo region, Kemerovo, Sovetsky Ave., 18

✉ bobrov4545@mail.ru

Majar Fadel

Postgraduate student, Department of Archaeology, Kemerovo State University

650000, Russia, Kemerovo - Kuzbass region, Kemerovo, Krasnaya str., 6

✉ fadel.rf987@gmail.com

Abstract. The study of the problem of the population of the Halaf culture in the 6th millennium BC in the territory of the North-Eastern Syria is conducted for the first time in order to study the demographic situation of this region in the Late Neolithic. The statistical approach in paleodemographic reconstruction is the basis of the scientific procedure, because it's source are the materials of the settlements. It also includes methods used in both Russian and foreign archeology. The basis was taken as the average population density, proposed by foreign anthropologists for the Neolithic in the Eastern Mediterranean, which was compared with the indicators of the southern part of Western Europe and Southwestern Iran. According to the calculations, 30-35 thousand people lived in the territory of northeast Syria during Halaf culture. These results were verified by the method of C. Reed and R. Braidwood, using the method of population density per settlement area by C. Renfrew as well as an indicator of natural annual population growth. This verification confirmed the obtained quantitative indicators of the Khalaf population in Eastern Euphrates. A variant of determining the population of the Halaf settlement of Sabi Abyad I by the residential buildings of the "Burnt Village", which makes up 1/10 of the area of the monument, is proposed. This result can be an independent baseline for the reconstruction of the paleodemographic characteristics of the Late Neolithic culture of Mesopotamia. Conclusion based on the obtained paleodemographic data: Despite the high infant mortality, Khalaf society is characterised as developing. For comparison, this article presents the demographic indicators of the modern Syrian Arab Republic

Keywords: archaeology, settlements, methods, Syria, Eastern Euphrates, Mesopotamia, paleodemography, Halaf culture, Neolithic, population size

References (transliterated)

1. Munchaev R. M., Gulyaev V. I., Bader N. O. Pervye rossiiskie arkheologi v Mesopotamii. M.: TAUS, 2013. 244 s.
2. Munchaev R. M., Merpert N. Ya. Rannezemledel'cheskie poseleniya Severnoi

- Mesopotamii. Issledovaniya sovetskoi ekspeditsii v Irake. M.: Nauka, 1981. 319 s.
3. Merpert N. Ya., Munchaev R. M. Pogrebal'nyi obryad plemen khalafskoi kul'tury (Mesopotamiya) // Arkheologiya Starogo i Novogo Sveta. M.: Nauka, 1982. S. 28–49.
 4. Bader N.O. Drevneishie zemledel'tsy Severnoi Mesopotamii: issledovaniya Sovetskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v Irake na poseleniyakh tell' Magzaliya, Tell' Sotto, Kyul'tepe. M.: Nauka, 1989. 368 s.
 5. Oates D. The Excavations at Tell Brak, 1976 // Iraq. 1977. Vol. 39 № 2. Pp. 233–244.
 6. Amirov Sh. N. Khaburskaya step' Severnoi Mesopotamii v IV – pervoi polovine III tys. do n. e. M.: TAUS, 2010. – 412 s.
 7. Meijer D. J. W. A Survey in Northeast Syria // Orbis Biblius Orientalis. Istanbul Leiden, 1986. Rp. 31–45.
 8. Monchambert J. Y. Le Moyen Khabour: Prospection Preliminaire a la construction D'un Barrage // Annales Archeologiques Arabes Syriennes, 1983. Vol. 33. № 1. Pp. 233 – 237.
 9. Wilkinson T. J. The Development of Settlement in the North Jazira between the 7th and 1st Millennia BC // Iraq, 1990. Vol. 52. Pp. 49–62.
 10. Amirov Sh. N. Topografiya arkheologicheskikh pamyatnikov Khaburskikh steppei // Vestnik drevnej istorii, 2000. № 2. S. 30–46.
 11. Munchaev R. M., Merpert N. Ya., Bader N.O., Amirov Sh. N. Tell' Khazna II – rannezemledel'cheskoe poselenie v Severo-Vostochnoi Sirii // Sovetskaya Arkheologiya. 1993. № 4. S. 25–42.
 12. Munchaev R. M., Amirov Sh. N., Suleiman A. Poseleniya Tell' Khazna I i Kashkashok III v Severo-Vostochnoi Sirii – srovnitel'nyi analiz // Rossiiskaya Arkheologiya. 2011. № 2. S. 27–42.
 13. Tsuneki A., Miyake Y., Excavations at Tell Umm Qseir in Middle Khabur Valley, North Syria: Report of the 1996 Season. Tsukuba: Department of Archaeology; Institute of History and Anthropology; University of Tsukuba, 1998. Vol. 1. – 219 p.
 14. Amirov Sh. N. Khalafskaya kul'tura Severnoi Mesopotamii v svete sovremennykh issledovanii // Vostok (Oriens). 2019. № 6. S. 6–22.
 15. Stein G.J. Tell Zeidan. Oriental Institute Annual Report 2009–2010. Chicago: Oriental Institute, 2009. Pp. 105–118.
 16. Robert B., Blanc C., Chapoulie R., Masetti-Rouault M. G. Characterising the Halaf-Ubaid Transitional Period by Studying Ceramics from Tell Masaikh, Syria. Archaeological Data and Archaeometric Investigation // Proceedings of the 4th International Congress of the Archaeology of the Ancient Near East, 29 March–3 April 2004, Freie Universität Berlin. Otto Harrassowitz Verlag, 2008. Vol. 2. – Pp. 225–234.
 17. Cruells W., Molist M., Tunca Ö. Tell Amarna in the General framework of the Halaf Period // Peeters Publishers. 2004. Pp. 261–282.
 18. Al-Radi S., Seeden H. The American University of Beirut Rescue Excavations at Shams ed-Din Tannira // Berytus, 1980. Vol. 28. Pp. 88–126.
 19. Mellart Dzh. Drevneishie tsivilizatsii Blizhnego Vostoka / per. s angl. i kommentarii E. V. Antonovoi. Moskva: Nauka, 1982. 149 s.
 20. Munchaev R.M. «Yarymskaya epopeya» // Pervye rossiiskie arkheologi v Mesopotamii. M.: TAUS, 2013. S. 9–15
 21. Masson V. M. Ekonomika i sotsial'nyi stroi drevnikh obshchestv: (V svete dannyykh arkheologii). L.: Nauka, 1976. 192 s.
 22. Masson V. M. Istoricheskie rekonstruktsii v arkheologii. Frunze: Izd-vo FAN, 1996. 103

c.

23. Shnirel'man V. A. Demograficheskie i etnokul'turnye protsessy epokhi pervobytnoi rodovoi obshchiny // Istorya pervobytnogo obshchestva. Epokha pervobytnoi rodovoi obshchiny. M.: Nauka. 1986. S. 427–489.
24. Kislyi A. E. Paleodemografiya i vozmozhnosti modelirovaniya struktury drevnego naseleniya // Rossiiskaya arkheologiya, 1995. № 2. S. 112–122.
25. Matveeva N. P. Rekonstruktsiya sotsial'noi struktury drevnikh obshchestv po arkheologicheskim dannym. Tyumen': Izd-vo Tyumenskii gos. un-t, 2007. 206 s.
26. Berseneva N. A. Sotsial'naya arkheologiya: vozrast, gender i status pogrebennyykh sargatskoi kul'tury. Ekaterinburg: Izd-vo UrO RAN, 2011. 204 s.
27. Palaeodemography: age distributions from skeletal samples Edited by Robert D. Hoppa and James W. Vaupel, Cambridge University Press, 2002. 259 p.
28. The Neolithic Demographic transition and its consequences / Ed. J.-P. Bocquet-Appel, O. Piar-Yosef. Springer Science & Business Media. 2008. 542 p.
29. Kozintsev A.G. Perekhod k zemledeliyu i ekologiya cheloveka // Rannie zemledel'tsy. L.: Nauka, 1980. S. 6–33.
30. Watson P. J., Leblanc S. A. Excavation and Analysis of Halafian materials from South-eastern Turkey: the Halafian period re-examined // Unpublished conference paper presented at the Seventy-Second Annual Meeting of the American Anthropological Association. New Orleans, 1973. Pp. 117–133.
31. Akkermans P.M.M.G. Villages in the steppe – later Neolithic settlement and subsistence in the Balikh Valley, Northern Syria // Archaeological Series 5. Ann Arbor: International Monographs in Prehistory, 1993. – 363 p.
32. Renfrew C. Approaches to social archaeology. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1984. 430 p.
33. Otte I., Smits E., Akkermans P.M.M.G Human skeletal remains and burial practices // In: Excavations at Late Neolithic Tell Sabi Abyad, Syria The 1994 – 1999 Field Seasons. Belgium: Brepols Publishers, 2014. Pp. 217–232.
34. Akkermans P.M.M.G. Burying the dead in Late Neolithic Syria // In: Cordoba J M, Molist M, Perez C, Rubio I, Martinez S, (eds). Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Madrid: Universidad Autónoma of Madrid. 2008. –Pp. 621–645

Comparative analysis of aviation losses of the Leningrad Front during the blockade

Prigodich Nikita Dmitrievich

PhD in History

Senior Lecturer, National Research ITMO University, Senior Researcher, Saint Petersburg State University

197101, Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg, Kronverksky Ave., 49, letter A

✉ ndprigodich@gmail.com

Vasil'ev Andrei Vladimirovich

PhD in History

Associate Professor, ITMO University

197101, Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg, Kronverksky Ave., 49, letter A

Abstract. The subject of the research in this article is the loss of aviation forces on the Leningrad Front during the blockade. The authors consider in detail the statistical data on losses in the composition of the aviation defending Leningrad from the perspective of an integrated approach to the study of the history of the blockade of the city as a single unbroken process, which is an important expansion of scientific knowledge about the affected problem. In addition, this study is based on the materials of the Leningrad Front Air Force headquarters, which are being introduced into scientific circulation for the first time. Particular attention is paid in the article to the comparative analysis of losses among personnel with aircraft losses for the same period. The main conclusions of the presented study demonstrate that the periods of increasing losses of personnel and materiel are naturally associated with the stages of massive counter-offensive operations in September 1942, January and September 1943, in January 1944. However, the data provided also indicate a number of unique provisions. As a result, the presented information allows us to somewhat expand the available data on the actions of aviation in the defense of Leningrad. The use of statistical materials allows us to ask some important questions, the scientific answer to which will be inextricably linked to the more general problems of the history of the defense and blockade of Leningrad during the Great Patriotic War.

Keywords: Baltic Navy, Air defense, offensive, losses, Leningrad Front, aviation, Air Force, Leningrad, defense, blockade

References (transliterated)

1. Blokada v resheniyakh rukovodyashchikh partiynykh organov Leningrada. 1941–1944 gg. Sb. dokumentov. Postanovleniya byuro leningradskikh gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanii / otv. sost. K.A. Boldovskii. V 3-kh chastyakh. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2019-2022.
2. Stenogrammy zasedanii ispolkoma Leningradskogo gorodskogo Soveta: zapisи obsuzhdenii, zamechanii k proektam, resheniya noyabr' 1941-dekabr' 1943 gg.: sbornik dokumentov / otv. sost. N. Yu. Cherepenina. V 2-kh t. SPb.: Art-Ekspress, 2017-2018.
3. Leningrad. Voina. Blokada / sost. P. V. Ignat'ev, E. L. Korshunov, A. I. Rupasov. V 5-ti t. SPb.: Galart, 2018-2020.
4. Oborona Leningrada 1941-1945: dokumenty i materialy / otv. red. A. K. Sorokin. M.: Rospen, 2019.
5. Blokada Leningrada v dokumentakh rassekrechennykh arkhivov / Obshch. red. N. L. Volkovskogo. M.: AST; SPb.: Poligon, 2004.
6. Sobolev G. L. Leningrad v bor'be za vyzhivanie. Iyun' 1941 – yanvar' 1944. V 3-kh t. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2013-2017.
7. Hass J. K. Wartime Suffering and Survival. The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941-1944. Oxford: Oxford university press, 2021.
8. «Ya znayu, chto tak pisat' nel'zya». Fenomen blokadnogo dnevnika / Sost. A. Yu. Pavlovskaya. SPb.: Izd-vo Evropeiskogo un-ta. 2022.
9. Pyankevich V. L. Lyudi zhili slukhami: neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada. SPb.: Vladimir Dal', 2014.
10. Khodyakov M. V. Ierarkhiya prodovol'stvennogo snabzheniya v blokadnom Leningrade // Rossiiskaya istoriya. 2019. № 3. S 163-166.
11. Boldovskii K. A. Blokadnyi Leningrad: novye istochniki i issledovaniya (2015-2021) //

- Rossiiskaya istoriya. 2022. № 3. S. 135-145. DOI 10.31857/S0869568722030104.
12. Prigodich N. D. Tylovoe obespechenie deistvii aviatsii Leningradskogo fronta v period blokady Leningrada // Noveishaya istoriya Rossii. 2017. № 4 (21). S. 32-44.
 13. Mosunov V. A. Tanki v bitve za Leningrad. M.: Yauza, 2018.
 14. Inozemtsev I. G. Pod krylom – Leningrad. M.: Voenizdat. 1978.
 15. TsAMO. F. 362. Op. 6169. D. 56. L. 5-142.
 16. Prigodich N. D. Aviapromyshlennoe proizvodstvo v Leningrade v period blokady (po materialam gorkoma VKP(b)) // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2021. № 3. S. 130-137. DOI 10.7256/2454-0609.2021.3.36087.
 17. TsAMO. F. 362. Op. 6169. D. 41.
 18. TsAMO. F. 362. Op. 6169. D. 2.

Financial aspects of the construction of the Trans-Siberian Railway: the structure of budget expenditures

Shilnikova Irina

PhD in History

Associate Professor, Department of Social and Economic History of Russia, Institute for Social Sciences,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russia, Moscow region

✉ shilnikova.i@gmail.com

Abstract. The article deals with issues related to the financing of the construction of the Trans-Siberian railway in the late XIX - early XX centuries. In the course of the study, the total cost of construction was determined, as well as the reasons for the differences in the amounts spent for individual sections of this railway were identified. The comparison of planned and actual expenses, both total and for individual items, was carried out, as well as the reasons for overspending the originally planned amounts and the circumstances that made it possible to reduce costs for certain types (stages) of work were identified. The structure of expenses is determined, the share of various items in the total amount of construction costs is estimated. A comparison of the cost structure of different parts of the Trans-Siberian Railway is carried out. The basis of the source base of this study is the materials of reports on the construction of individual lines of this railway. In the structure of expenses for all sections of the road, the most significant items are allocated, which take over the bulk of the allocated funds. At the same time, the existing differences can be explained, first of all, by the conditions of construction work, the need to construct various infrastructure facilities, bridges, tunnels. Despite the presence of miscalculations at the planning stage during the construction of the West Siberian, Tomsk branch of the Middle Siberian, both sections of the Ussuri Railway, the cost amounts did not exceed the initial estimates.

Keywords: transport policy, railway construction, Trans-Siberian Railway, Siberia, Chinese Eastern Railway, West Siberian Railway, Circum-Baikal Railway, Russian empire, Russian history, Ussuriysk Railway

References (transliterated)

1. Solov'eva A.M. Zheleznodorozhnyi transport Rossii vo vtoroi polovine XIX v. M., 1975. 315 s.

2. Persianov V.A., Kurbatova A.V., Kurbatova E.S. Zheleznaya doroga k Tikhomu okeanu (k 100-letiyu Transsibirskoi magistrali) // Vestnik universiteta. 2017. № 3. S. 64 – 70.
3. Pak B.B. Stroitel'stvo Amurskoi zheleznodorozhnoi magistrali (1891-1916). Irkutsk, 1995. 131 s.
4. Vivdych M.A. Zheleznodorozhnoe stroitel'stvo na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX veka // Gumanitarnyi vektor. 2011. № 3 (27). S.41-42.
5. Illarionov A.A. Istoricheskii opyt gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v transportnom osvoenii Primor'ya (na primere sooruzheniya Ussuriiskoi zheleznoi dorogi) // Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2014. № 2. S.51-59.
6. Transsibirskaya i Baikalo-Amurskaya magistrali – most mezhdu proshlym i budushchim Rossii. M., 2005. 348 s.
7. Migulin P.P. Russkii gosudarstvennyi kredit: opyt istoriko-kriticheskogo obzora. T.3. Vyp. 3: Zheleznodorozhnye zaimy i zheleznodorozhnaya politika, 1893 – 1902. Khar'kov, 1903. S. 439–798.
8. Korelin A.P. S.Yu. Vitte – finansist, politik, diplomat. M., 1998. 462 s.
9. Otchet po postroike Zapadno-Sibirskoi zh[eleznoi] d[orogi]. 1892 – 1896 gg. SPb., 1898. 165 s.
10. Prilozheniya № 1 k otchetu po postroike Zapadno-Sibirskoi zheleznoi dorogi. 1892 – 1896 g. SPb., 1898. 1665 s.
11. Prilozheniya № 4 k otchetu po postroike Zapadno-Sibirskoi zheleznoi dorogi. 1892 – 1896 g. Poyasnitel'nye zapiski. SPb., 1898. 203 s.
12. Otchet po postroike Tomskoi vetyi Sredne-Sibirskoi zheleznoi dorogi. 1895-1896 g. SPb., 1901. 868 s.
13. Otchet po postroike Severno-Ussuriiskoi zh[eleznoi] dor[ogi]. 1894 – 1897. SPb., 1900. 308 s.
14. Prilozheniya k otchetu po postroike Severno-Ussuriiskoi zh[eleznoi] dor[ogi]. 1894 – 1897. SPb., 1900. 1200 s.
15. Otchet po postroike Yuzhno-Ussuriiskoi zh[eleznoi] dor[ogi]. 1891 – 1894. SPb., 1900. 199 s.
16. Otchet po postroike Krugobaikal'skoi zheleznoi dorogi. 1900 – 1905 gg. SPb., 1908. 408 s.
17. Otchet po postroike Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi (po zheleznodorozhnomu predpriatiyu). 1897-1903 gg. SPb., 1905. 116 s.
18. Shil'nikova I. V. Organizatsiya vodosnabzheniya na transsibirskoi magistrali v kontse XIX – nachale KhKh v. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istorya. 2022. № 5. S. 46–66.

Roman Republican Statehood in the works of S. I. Kovalev

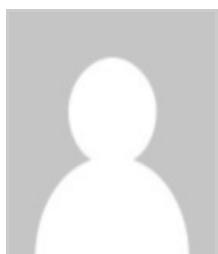
Vasil'ev Andrei Vladimirovich

PhD in History

Associate Professor, Department of the History of Ancient Greece and Rome, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, office 48

✉ Ander-Vaas@yandex.ru

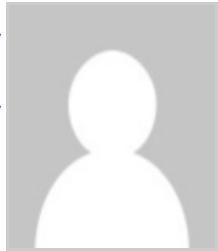
Prigodich Nikita Dmitrievich

PhD in History

Senior lecturer, Centre of Social Sciences and Humanities, Faculty of Technological Management and Innovations,
ITMO University

191187, Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg, Tchaikovskystr., 11/2, room 1-C

 ndprigodich@itmo.ru

Abstract. The subject of this article is the scientific work of the outstanding Soviet historian of antiquity S. I. Kovalev, related to the history of the Roman Republic and its state institutions. The authors analyze the hypotheses expressed by Kovalev on the most controversial problems of the history of republican statehood and compare them with the theories that existed at that time in Western historiography, as well as pre-revolutionary Russian historiography. The authors refer not only to the works of the Soviet scientist himself, his predecessors and contemporaries, but also to archival materials, namely to the correspondence of S. I. Kovalev with his foreign colleagues. The appeal to the study of Soviet historiography of ancient history is currently becoming more and more relevant among Russian antiquarians, but there is still no detailed analysis of S. I. Kovalev's scientific work in Russian historiography. The authors show the validity of many assumptions made by S. I. Kovalev for the level of development of scientific knowledge in the study of the history of ancient Rome in the middle of the XX century, as well as the continuity of many of its provisions from the hypotheses of the outstanding pre-revolutionary Russian antiquarian I. V. Netushil. In addition, the paper demonstrates the groundlessness of the widespread point of view about the complete isolation of Soviet historical science from the global one.

Keywords: dictatorship, theory of formations, Netushil, magistrates, statehood, Roman republic, historiography, soviet classical studies, Kovalev, oligarchy

References (transliterated)

1. Frolov E.D. Russkaya nauka ob antichnosti (istoriograficheskie ocherki). SPb: Izdatel'stvo SPbGU, 1998.
2. Skvortsov A.M. Sovetskii istorik Sergei Ivanovich Kovalev: stanovlenie uchenym // Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii. 2017. 2. S. 170-177. URL: https://magistravitaejournal.ru/images/2_2017/Skvortsov.pdf (data obrashcheniya: 04.04.23).
3. Kovalev S.I. Iстория античного общества. Ch. 2. Эллинизм. Рим. L.: Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1936.
4. Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. II. Leipzig: Hirzel, 1874.
5. Dement'eva V.V. Gosudarstvenno-pravovoe ustroistvo antichnogo Rima: rannyaya monarkhiya i respublika. Yaroslavl': Izd-vo YarGU, 2004.
6. Kovalev S.I. Iстория Рима. L.: Izd-vo LGU, 1946.
7. Netushil I.V. Ocherk rimskikh gosudarstvennykh drevnostei. Khar'kov: Tip. A. Darre, 1894.
8. De Francisci P. Primordia civitatis. Romae: Apollinaris, 1959.
9. Momigliano A. Praetor Maximus e questioni affini // Studi in onore di G. Grossi. Vol. I. 1968. P. 161-175.
10. Magdelain A. Praetor Maximus et Comitatus Maximus // Iura. 20. 1969. P. 257-286.
11. Bernardi A. Dagli ausiliari del rex ai magistrati della res publica // Athenaeum. XXX. 1952. P. 3-58.

12. Ihne W. Forschungen auf dem Gebiet der römischen Verfassungsgeschichte. Frankfurt am Main: HJ. Kessler, 1847.
13. Schwegler A. Römische Geschichte. Bd. III, Tübingen: Laupp, 1858. S. 379.
14. Beloch K.-J. Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege. Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter & co., 1926.
15. Fritz K.von The Reorganisation of the Roman Government in 366 B.C. // Historia. 1950. 1. P. 3-44.
16. Bunse R. Das römische Oberamt in der frühen Republik und das Problem der "Konsulartribunen". Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 1998.
17. Dement'eva V.V. Vozniknovenie kollegial'nosti rimskikh magistratov // Issledon: Al'manakh po drevnei istorii i kul'ture. 2003. 2. C. 72-90.
18. Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik. Berlin-Leipzig: Teubner, 1912.
19. Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart: Metzler, 1920.
20. Kovalev S. I. Mif ob Iisuse Khriste. L., 1954.
21. Kovalev S. I. Osnovnye voprosy proiskhozhdeniya khristianstva // Ezhegodnik Muzeya istorii religii i ateizma. T. II. 1958. C. 3-25
22. Kovalev S. I., Kublanov M. M. Nakhodki v Iudeiskoi pustyne: otkrytiya v raione Mertvogo morya i voprosy proiskhozhdeniya khristianstva. M., 1960.
23. OR RNB. Kovalev S. I. F. 1433, ed. khr. 45.
24. OR RNB. Kovalev S. I. F. 1433, ed. khr. 68.

Musical and creative life in the Tarsky Priirtyshie in the second half of the 20th century: periods, communities, personalities

Tikhonov Aleksandr Aleksandrovich □

Head of the Department of scientific, methodological and educational work in Multimedia historical park "Russia - my history" (Omsk)

644074, Russia, Omsk region, Omsk, ul. 70 Let Oktyabrya, 25, building 2, of. Historical Park

✉ tihonovboss@mail.ru

Abstract. The author examines the theatrical life in a small town on the example of the city of Tara, Omsk region. The theatrical life of the second half of the XX century is studied in dynamics, the key creative associations, personalities, periods are identified. In this article, we rely on such concepts as "local history" (meaning the consideration of the theatrical life of a separate locus - the Tarsky Priirtyshie region through the influence of individuals, associations and processes on the cultural process, referring both to written sources and historical memory), "cultural nest", "cultural environment" (as a complex of social and cultural characteristics, preferences, connections in the territory under consideration, in the local space).

Three main stages of the development of the theatrical life of the Tarsky Priirtyshie region are identified. The first stage of the 1940s - 1950s, the time of work in the Container of the theater under the direction of Evgeny Prosvetov. It is characterized by the appearance of a professional theater troupe in a small provincial town, involving residents of Tara in theatrical life; the second stage - the 1960s - 1990s – the time of the functioning of the people's theater in Tara, the wide involvement of city residents in the creative environment, the emergence of theatrical traditions and connections with professional theater figures from the regional center. The third stage - since the beginning of the 2000s - is the time of the

appearance of a professional theater in Tara and its development, taking into account the theatrical traditions of the city. The cultural life of the Tarsky Priirtyshie region is considered through the study of the interaction of creative associations, cultural institutions and individual ascetics.

Keywords: music community, cultural space, amateur performance, musical group, small town, cultural life, cultural nest, Tarskoe Priirtyshye, local history, succession generations

References (transliterated)

1. Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX-XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug', 2011. 560 s.
2. Sokolova E.V. Formirovanie kul'turnogo prostranstva malykh gorodov srednego Priirtysh'ya v 1920–1980-e gg.: Dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2008. 255 s.
3. Sedel'nikova N.A. Oblastnoe kraevedenie kak sotsiokul'turnyi fenomen (na materialakh srednego Priirtysh'ya. 1930-e — 1980-e gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2010. 202 s.
4. Piksanov N.K. Oblastnye kul'turnye gnezda: Istoriko-kraevednyi seminar. Moskva; Leningrad: Gos. izd-vo, 1928. 148 s.
5. Shmidt S.O. Put' istorika: izbrannye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii. M., 1997. 612 s.
6. Bulygina T.A., Malovichko S.I. Novaya lokal'naya istoriya: novye issledovatel'skie praktiki // Novaya lokal'naya istoriya. Sb. nauchnykh statei. Vyp. 3. Stavropol', 2006. S. 7-18.
7. Mokhnacheva M.I. Provintsial'naya istoriografiya i istoricheskoe kraevedenie: predmetnye polya i distsiplinarnye polnomochiya // Novaya lokal'naya istoriya. Sb. nauchnykh statei. Vyp. 3. Stavropol', 2006. S. 202-215.
8. Rumyantseva M.F. Novaya lokal'naya istoriya i sovremennoe gumanitarnoe znanie // Novaya lokal'naya istoriya. Sb. nauchnykh statei. Vyp. 3. Stavropol', 2006. S. 271-275.
9. Leont'eva O.B., Repina L.P. Obrazy proshlogo, memorial'naya paradigma i «istoriografiya pamyati» v sovremennoi Rossii // Istorya: elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal. №9 (42), 2015.
10. Kuleshov A. Sergei Aksakov — kompozitor, pravnuk pisatelya // Bel'skie prostory: obshchestvenno-politicheskii i literaturno-khudozhestvennyi zhurnal. №9, 2006. S. 118-123.
11. Kabanova E.A. Slovo o shkole // Taryane: literaturno-kraevedcheskii al'manakh: vyp. IX. Omsk: Amfora, 2020. S. 61-63.
12. Sumina I.N. Podvizhnik kul'tury // Taryane: literaturno-kraevedcheskii al'manakh: vyp. №5, 2017. S. 84-89.

Nina Nikolaevna Belova and ancient city studies at the Ural University

Kapsalykova Karina Ramazanova

PhD in History

Associated Professor, Foreign Studies Department, Ural Federal University

623280, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Lenina av, 51.

Abstract. Interest in biography is steadily growing in modern Russian society. Mythologized concepts, stamps and "dark spots" are increasingly discredited by archival data. The article is devoted to the scientific biography of the candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of General History N. N. Belova (1917-2012). The author reconstructs the course of work of the Soviet epigraphist on the problems of dialectical continuity based on archival materials. In the second half of the 1960s, N. N. Belova worked on a set of problems concerning the Gallo-Roman villa as an economic unit connected with the city. N. N. Belova considered the history of the late Roman Republic and the Gallia of the principate era as the history of the relationship between Rome and Italians, i.e., the struggle of Italian communities against Roman-Italian slavery. The author used a biobibliographic method, as well as developments in the field of everyday history. The article presents for the first time a letter from M. Ja. Sjuzjumov to N. N. Belova. The materials presented in this article allow us to highlight an important aspect of the scientific work of the outstanding Soviet historian M. Ja. Sjuzjumov (1893-1982) - the study of the genesis of the ancient city. The most important result of the work was the formation of the most important milestones of the scientific biography of N. N. Belova, a historian who is part of the "inner circle" of M. Ja. Sjuzjumov.

Keywords: USSR, scientific biography, dialectical continuity, Sjuzjumov, Belova, epigraphic studies, epistolography, source studies, historiography, Ural University

References (transliterated)

1. Kolerov M. A. «Arkhivnaya revolyutsiya» i «opportunisty» ot istorii // Rodina. 2011. № 11. S. 130–134.
2. Kamynin V. D. Sozdanie istochnikovoi bazy o deyatel'nosti istorikov URGU im. A. M. Gor'kogo (na primere M. Ya. Syuzumova) // Dokumental'noe nasledie i istoricheskaya nauka: Materialy Ural'skogo istoriko-arkhivnogo foruma, posvyashchennogo 50-letiyu istoriko-arkhivnoi spetsial'nosti v Ural'skom universitete (Ekaterinburg, 11-12 sentyabrya 2020 g.). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2020. S. 634–641.
3. Levinskaya Ya. V. K metodologii M. Ya. Syuzumova: istoriograficheskii aspekt // Evropa v Srednie veka i Novoe vremya: obshchestvo, vlast', kul'tura: materialy VIII Vserossiiskoi, s mezhdunarodnym uchastiem, nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh, Izhevsk, 24-25 noyabrya 2020 g. / otv. red. i sost. D. V. Puzanov. Izhevsk: ITs «Udmurtskii universitet», 2021. S. 18–24.
4. Price D. Little Science, Big Science. Columbia University Press, 1965. 118 r.
5. Mokhov A. S., Kapsalykova K. R. «On vezde i vsyudu proyavlyal sebya kak neutomimyi truzhenik»: nauchnaya biografiya Evgeniya Georgievicha Surova (1912–1975) // Nauka. Obshchestvo. Obrona. 2020. № 8 (3). S. 25–25.
6. Chernoukhov A. G. Istoricheskoe otdelenie istoriko-filologicheskogo fakul'teta Ural'skogo universiteta (1945–1956). 180 s.
7. Pikhoya R. G. Zapiski arkheografa. M.: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2016. 496 s.
8. Kapsalykova K. R. «Dni raboty soveshchaniya schitayu «chernymi dnyami» dlya istoricheskoi nauki»: M. Ya. Syuzumov o Vsesoyuznom soveshchanii istorikov 1962 g.// Partiinyye arkhivy. Problemy i perspektivy razvitiya: materialy V mezhregion. nauch.-prakt. konf. Nizhnii Tagil, 14-16 maya 2019 g. Ekaterinburg: Al'fa-Print, 2019. S. 294–303. S. 295–296.

9. Zaitseva L. A. Genezis prisuzhdeniya uchenykh stepenei v Rossii // Lex Russica Russkii zakon. 2006. T. 65. № 3. S. 601–617.
10. Belova N. N., Danilenko V. N., Surov E. G. Izuchenie drevnei istorii v Ural'skom gosudarstvennom universitete. S. 206–212.
11. Belova N. N., P'yankov I. V. Rets. na kn.: A. G. Bokshchanin. Parfiya i Rim. Vozniknovenie sistemy politicheskogo dualizma v Perednei Azii // Vestnik drevnei istorii. 1962. № 3 (81). S. 159–163.
12. Bessmertnaya legenda Khersonesa : neopublikovannoe nasledie Inny Anatol'evny Antonovoi / sost. T. A. Prokhorova, T. V. Dianova. Sevastopol' : Gosudarstvennyi muzei-zapovednik «Khersones Tavricheskii», 2022. 794 s.
13. Kronin A. Tsitadel'. M.: Inostranka, Azbuka-Attikus, 2017. 512 s.

The health care system of colonial Kenya

Karpov Grigory □

Doctor of History

Senior Researcher, Institute of Africa, Russian Academy of Sciences

123001, Russia, Moskovskaya oblast', g. Moscow, ul. Spiridonovka, 30/1

✉ gkarpov86@mail.ru

Abstract. The object of research of the presented article is the health care system of colonial Kenya (1890-1950-ies). The subject of study is the state of health of the bulk of the native population, the principles of the colony's medical service, the management of hospitals and first aid stations, sanitary and preventive measures. The author reviewed the spread of various kinds of infections and tropical diseases, as well as ways to combat them. Special attention is paid to the contribution of South Asians to the development of rural and private medicine. The methodological basis of the work is the concrete historical and problem-chronological approaches combined with synthesis and comparative analysis. The British authorities have made significant progress in this area, although in conditions of limited resources, priority was given to caring for European settlers. By the turn of the 1950s and 1960s, plague, smallpox, cholera, onchocerciasis, yellow fever and recurrent typhus were almost completely eradicated, malaria and sleeping sickness were localized. Vaccination has become the norm for the indigenous population, the risks of neonatal tetanus and polio have been reduced. The process of training indigenous personnel has been established in specialized training centers. The accumulated basis was subsequently used by the leadership of independent Kenya for the further development of this sphere.

Keywords: segregation, self-government, colonialism, healthcare, infections, diseases, medicine, migration, Great Britain, Kenya

References (transliterated)

1. Greenwood A., Topiwala H. Indian Doctors in Kenya, 1895–1940. The Forgotten History. London, 2015. 266 p.
2. Chaiken M.S. Primary Health Care Initiatives in Colonial Kenya // World Development, 1998. Vol. 26. № 9. P. 1701–1717.
3. Dawson M.H. The 1920s Anti-Yaws Campaigns and Colonial Medical Policy in Kenya // The International Journal of African Historical Studies, 1987. Vol. 20. № 3. P. 417–435.

4. Brantley C. Kikuyu-Maasai Nutrition and Colonial Science: The Orr and Gilks Study in Late 1920s Kenya Revisited // International Journal of African Historical Studies, 1997. Vol. 30. № 1. P. 49–86.
5. Kanogo T. African womanhood in colonial Kenya, 1900-50. Oxford: James Currey; Athens, Ohio: Ohio University Press, 2005. 268 p.
6. Mufaka K. Scottish Mission and the Circumcision controversy in Kenya 1900–1960 // International Review of Scottish Studies, 2003. Vol. 3. P. 47–58.
7. Kiragu S. Conceptualising children as sexual beings: pre-colonial sexuality education among the Gĩkũyũ of Kenya // Sex Education: Sexuality, Society and Learning, 2013. Vol. 13. № 5. P. 585–596.
8. Anderson D., Carrier N. Khat in Colonial Kenya: a History of Prohibition and Control // The Journal of African History, 2009. Vol. 50. Issue 3. P. 377–397.
9. Shadle B.L. Cruelty and Empathy, Animals and Race, in Colonial Kenya // Journal of Social History, 2012. Vol. 45. № 4. P. 1097–1116.
10. Waller R. 'Clean' and 'Dirty': Cattle Disease and Control Policy in Colonial Kenya, 1900–40 // Journal of African History, 2004. Vol. 45. № 1. P. 45–80.
11. Campbell Ch. Race and Empire: Eugenics in Colonial Kenya. Manchester University Press, 2007. 214 p.

Myths about the world creation from an egg of Baltic-Finnish peoples in comparison with cosmogonomic myths of Mari and Udmurts

Ilikaev Aleksandr □

PhD in Politics

Associate Professor, Faculty of Philosophy and Sociology, Ufa University of Science and Technology

450076, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi str., 32

✉ jumo@bk.ru

Abstract. The subject of this study is the motives of the myth of creation from an egg among Mari and Udmurts. Until now, the myth of the world creation from an egg (MCE) has been noted in the tradition of the Baltic-Finnish peoples, as well as the Mordvins and Komi. An analysis of Mari cosmogonic myths and folk songs reveals two mythological motives related to MCE: 1) a cuckoo builds a nest on an oak tree with six branches; 2) a duck (goose) breeds five, six, seven, twelve chicks right on the water (the top of the grass growing in the river middle).

The main conclusions of the study are the following provisions. The image of a duck of the Eastern Mari is not so popular and is replaced by the images of a cuckoo and a swan. A wagtail and an ermine are also mentioned in the Mari folklore which finds parallels in Ainu and Nenets myths. Udmurt variants of folk songs include the mythologem of a duck (goose) with ducklings. The myth of a creator eagle and two ducks was perhaps characteristic not only of the Finns, Hungarians and North American Indians but also of the Mari. The Udmurt myth of creation is characterized by the presence, in addition to Inmar and Shaitan, of a cancer which finds a parallel in the Buryat cosmogonic myth. The motif of primordial ice and frozen primordial earth was probably widespread in the traditions of Izhora, Mari, part of the Bashkirs who were descendants of the Finno-Ugric peoples, Nganasan. And, thus, this motif was apparently present in the Proto-Uralic mythology.

Keywords: swan, the cuckoo bird, goose, duck, Udmurts, myth of a bird, Mari, Baltic-Finnish peoples, creation from an egg, eagle

References (transliterated)

1. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo / Gl. red. N.T. Zaripov; per. s bashk. T. 8: Pesni (dooktyabr'skii period) = Иржар (oktyabrgə tiklemge osor). Ufa: Kitap, 1995. 401 s.
2. Berezkin Yu.E., Duvakin E.N. Kosmicheskoe yaitso. Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (data obrashcheniya: 14.01.2023)
3. Bol'shakov M. Kombo den ludo // Onchyko. 1954. № 2. S. 108.
4. Veselovskii A.N. Narodnye predstavleniya slavyan. M.: AST MOSKVA, 2006. 667 s.
5. Vladykin V.E. Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov. Izhevsk: Udmurtiya, 2018. 400 s.
6. Vladykina T.G. Udmurtskii fol'klornyи mirotekst: obraz, simvol, ritual / UIIYaL UdmFITs UrO RAN. Izhevsk: Izdatel'stvo «MonPorazhen», 2018. 298 s.
7. Ilikaev A.S. Bashkirskie i mariiskie mify o sotvorenii mira: sravnitel'nyi analiz // Mnogonatsional'nyi region: sotsial'nye tekhnologii ustochivogo razvitiya. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhunarodnym uchastiem. Akademiya nauk Respubliki Bashkortostan. Ufa: Aeterna, 2022. S. 111-120.
8. Ilikaev A.S. Finno-ugorskie i mariiskie mify o sotvorenii mira: sravnitel'nyi analiz // Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi Godu kul'turnogo naslediya narodov Rossii. Ioshkar-Ola: Gosudarstvennoe byudzhetnoe nauchnoe uchrezhdenie pri Pravitel'stve Respubliki Marii El «Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii im. V.M. Vasil'eva», 2022. S. 113-133. doi: 10.51254/978-5-94950-120-7_2022_05
9. Ilikaev A.S. Matriarkhal'nye proyavleniya rannikh form religii v kosmogonicheskikh mifakh narodov Uralo-Povolzh'ya: bashkiry, mariitsy, russkie. Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, 2022. 336 s.
10. Kalevala / perevod s finskogo L. Bel'skogo; Vstop. stat'ya M. Shaginyan. Moskva: Khudozh. lit., 1977. 574 s. (Biblioteka vsemirnoi literatury. Seriya pervaya. T. 12).
11. Kaliev Yu.A. Mify mariiskogo naroda. Ioshkar-Ola: Izdatel'skii dom «Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo», 2019. 447 s.
12. Kaliev Yu.A. Ob astral'nykh predstavleniyakh mariitsev // Sovremennye problemy razvitiya mariiskogo fol'klora i iskusstva. Ioshkar-Ola, 1994. S. 18-26.
13. Kuzeev R.G. Istoricheskaya etnografiya bashkirskogo naroda. Ufa: Kitap, 2009. 296 s.
14. Mariiskie narodnye skazki. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 352 s.
15. Napol'skikh V.V. Drevneishie etapy proiskhozhdeniya narodov ural'skoi yazykovoi sem'i: dannye mifologicheskoi rekonstruktsii (praural'skii kosmogonicheskii mif). M.: Institut etnologii i antropologii AN SSSR, 1991. 190 s.
16. Napol'skikh V.V. Kak Vukuze stal sozdatelem sushi: Udm. mif o sotvorenii zemli i drevneishaya istoriya narodov Evrazii: Nauch.-popul. soch. / AN SSSR, Ural. otd-nie, Udm. in-t istorii, yaz. i lit. Izhevsk: UIIYaL, 1993. 158 s.
17. Nurieva I.M. Pesni zavyatskikh udmurtov. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 2004. Vyp. 2. 332 s. (Udmurtskii fol'klor).
18. Pesni gornykh mari = Kyryk mary khalyk myryvla: svod mariis. fol'klora / Mariis. nauch.-issled. in-t yaz., lit. i istorii im. V. M. Vasil'eva / Sost.: V.A. Aktorin, K.G. Yuadarov. Ioshkar-Ola: MarNIIYaLI, 2005. 510 s.

19. Pesni lugovykh mari. Ch. I. Obryadovye pesni. Svod mariiskogo fol'klora / Sost. N.V. Mushkina. Ioshkar-Ola: MarNIIYaLI, 2011. 592 s.
20. Petrukhin V.Ya. Mify finno-ugrov. M.: Izd-vo AST: Tranzitkniga, 2003. 463 s.
21. PMA. Polevoi material avtora. Informator: Izilyaev Aleksandr Arkad'evich, 1983 g. rozhdeniya, d. Bol'shesukhoyazovo. Beseda provedena 13.02.2023.
22. Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskii put' ot Bagdada do Bulgara [Tekst] = Ibn Fadlan's Journey: Volga route from Baghdad to Bulghar: katalog vystavki / Gosudarstvennyi Ermitazh, Gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik «Kazanskii Kreml'»; Nauch. red. A.I. Torgoev, I.R. Akhmedov. Moskva: Izd. dom Mardzhani, 2016. 559 s.
23. Puteshestvie k vostochnym mari. K 100-letiyu pervogo vserossiiskogo s"ezda mari / Otv. za vypusk Ivanova O.M. Ufa: Izd-vo «Bashkortostan», [bez god. izd.]. 54 s.
24. Pchelovodova I.V., Anisimov N.V. Pesni yuzhnykh udmurtov. Izhevsk: UdmFITs UrO RAN; Tartu: Estonskii literaturnyi muzei, 2020. Vyp. 4. 376 s. (Udmurtskii fol'klor).
25. Sadikov R.R. Traditsionnaya religiya zakamskikh udmurtov (istoriya i sovremennost'). 2-e izd., dop. / In-t etnologicheskikh issledovanii im. R.G. Kuzeeva UFITS RAN. Ufa: Pervaya tipografiya, 2019. 320 s.
26. Sadikov R.R. Finno-ugorskie narody Respubliki Bashkortostan: (istoriya, kul'tura, demografiya). Federal'noe agentstvo nauchnykh organizatsii, Institut etnologicheskikh issledovanii im. R.G. Kuzeeva Ufimskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Ufa: Pervaya tip., 2016. 274 s.
27. Sobranie narodnykh pesen P.V. Kireevskogo / Predisl., poslesl., sostav. V.I. Kalugina. Tula: Priok. kn. izd-vo, 1986. 462 s.
28. Travina I.K. Udmurtskie narodnye pesni. Izhevsk: Iz-vo «Udmurtiya», 1964. 228 s.
29. Khaidu P. Ural'skie yazyki i narody / per. s veng. E.A. Khelimskogo; Pod red. K.E. Maitinskoi; Predisl. B.A. Serebrennikova. Moskva: Progress, 1985. 430 s.
30. ErVel Semen (Novikov S.S.) Vostochnye mariitsy. Filosofiya, istoriya, lyudi. Ioshkar-Ola: GUP «Gazeta «Marii El», 2007. 316 s.
31. Yurasov M.K., Matuzova V.I. «Deyaniya vengrov» Magistra P., kotorogo nazyvayut anonimom // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2007. № 1 (2). S. 87-98.
32. Paasonen H. Tscheremissische Texte. Suomalais-ugrilainen Seura. Helsinki, 1939. 252 s.

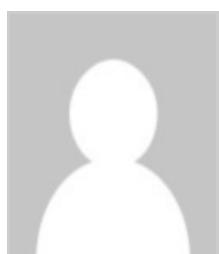
The Polish Uprising of 1863-1864 and the Rebels through the Eyes of Russian Military and Officials.

Starikova Elena Vital'evna

Postgraduate at the Department of the History of Russia of the 19th – early 20th century, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow region, Moscow, Lomonosovsky Prospekt str. 27, building 4

 e.starikova1403@list.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of perception by Russian officers and officials of the participants of the Polish uprising of 1863-1864 in the Kingdom of Poland and the Western Region. Russian-Polish Uprising of 1863-1864 is the most important milestone in the history of Russian-Polish relations and the formation of the image of the Pole in Russian society. In the inner provinces, most people received information about the uprising

mainly from the periodical press, thanks to which the image of a tough enemy was superimposed on the already existing idea of the Poles. But there were also those among the Russians who were in the thick of things during the uprising. These were the military and officials sent to the Kingdom of Poland and the Western Region. Thanks to the personal experience of the participants of the events, a much more multifaceted image was formed. The topic of mutual perception of Poles and Russians has been of scientific interest to Russian and Polish researchers for many years. There is a large body of scientific works in historiography devoted to the study of images and mutual stereotypes of Poles and Russians. The relevance of the article lies in the absence of comprehensive studies in which the subject of study would be the personal perception of Russian officers and officials of the participants of the uprising. In the course of the study, the memories of direct participants in the events who took part in the suppression of the uprising and the reform of the administration of the Western Region were studied. The article attempts to show the Polish rebels as they were seen by the Russian military and officials. In addition, their perception of such aspects of the uprising as the degree of its preparedness, the reasons for the victories and defeats of the rebels is also of interest. The result of the study was the construction of the image of the rebel, as well as the identification of factors that influenced the formation of this image.

Keywords: perception, the image of the rebel, memories, the image of the enemy, the image of a pole, Western Region, poles, Kingdom of Poland, Polish uprising, suppression of the uprising

References (transliterated)

1. Andrzej Kepiński. Lach i Moskal : Z dziejów stereotypu. Warszawa. 1990.
2. Polyaki i russkie: Vzaimoponimanie i vzaimoneponimanie / Sost. A. V. Lipatov, I. O. Shaitanov. M., 2000.
3. Rossiya – Pol'sha. Obrazy i stereotipy v literature i kul'ture / Otv. redaktor V. A. Khorev. M.: Indrik, 2002.
4. Polyaki i russkie v glazakh drug druga / Otv. red. V. A. Khorev. M.: Izd-vo "Indrik", 2000.
5. Gorizontov L. E. Polyaki i nigliizm v Rossii. Spory o natsional'noi prirode «razrushitel'nykh sil». // Avtoportret slavyanina. M.: Izd-vo "Indrik", 1999.
6. Fal'kovich S. M. Osnovnye cherty pol'skogo natsional'nogo kharaktera v predstavleniyakh russkikh. (Evolyutsiya stereotipa) // Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków: zbiór studiów. Polyaki glazami russkikh – russkie glazami polyakov. Warszawa. 2000.
7. Fal'kovich S. M. Vliyanie kul'turnogo i politicheskogo faktorov na formirovanie v russkom obshchestve predstavlenii o polyakakh // Kul'turnye svyazi Rossii i Pol'shi XI–XX vv. M.: URSS, 1998.
8. Tartakovskii A. G. 1812 god i russkaya memuaristika (Opyt istochnikovedcheskogo izucheniya). M.: Nauka, 1980.
9. Drake L. L. Perezhitoe. (Otryvochnye vospominaniya za 25 let sluzhby) // Russkaya starina. 1907. № 6. S. 552–570; № 7. S. 105–110; № 8. S. 336–342; № 9. S. 537–548; № 10. S. 117–127; № 11. S. 389–394.
10. Vitmer A. N. Iz pol'skogo vosstaniya 1863 goda // Istoricheskii vestnik. 1909. № 9. S. 855–881.
11. Vyazmitinov A. Poslednyaya pol'skaya smuta. Epizody usmireniya myatezha. 1863 g. //

- Russkaya starina. 1886. № 8. S. 401–420.
12. Ponomarev I.N. Vospominaniya o pol'skom myatezhe 1863 goda // Istoricheskii vestnik. 1897. № 9. S. 726–750; № 10. S. 140–164.
13. Potto V. A. Pokhodnye zapiski o kampanii 1863 g. protiv pol'skikh myatezhnikov // Voenyi sbornik. 1867. № 8. S. 289–312; № 9. S. 169–190; № 10. S. 365–393; № 11. S. 131–166; 1868. № 3. S. 107–144; № 11. S. 153–188; № 12. S. 401–434; 1869. № 6. S. 183–220; № 7. S. 131–164; № 8. S. 305–341; 1870. № 1. S. 179–219; № 3. S. 187–230.
14. Anuchin D. G. Dvadtsat' dnei v lesu. (Rasskaz ochevidtsa) // Voenyi sbornik. 1863. № 8. S. 505–549.
15. Shcherbovich-Vechora V. Vospominaniya o pol'skom vosstanii 1860–1864 godov // Istoricheskii vestnik. 1894. № 4. S. 184–202; № 5. S. 478–498; № 6. S. 725–751.
16. Mezhetskii M.P. Vospominaniya iz bespokoinogo vremeni na Litve v 1861–1863 godakh // Istoricheskii vestnik. 1898. № 9. S. 825–858.
17. Nostits I.G. Iz vospominanii grafa I.G. Nostitsa o pol'skom vosstanii 1863 goda // Russkii arkhiv. 1900. Vyp. 8. S. 559–571.
18. Butkovskii Ya.N. Iz moikh vospominanii // Istoricheskii vestnik. 1883. № 10. S. 78–105; № 11. S. 325–365.
19. Lyubarskii I.V. V myatezhnom krae. (Iz vospominanii) // Istoricheskii vestnik. 1895. № 3. C. 813–839; № 4. S. 156–176; № 5. S. 445–464.

P. F. Unterberger's Policy and Views on Korean Migrants in the Far East of the Russian Empire

Burdin Evgenii Sergeevich

Far-East Institute of Management, Branch of RANEPA

680000, Russia, Khabarovsk Krai, Khabarovsk, Muravyov-Amursky str., 33

✉ burdin-1955@mail.ru

Abstract. The object of the study is the migration policy of the Russian Empire in the Far East. The subject is the views and approach of the military Governor of the Primorsky Region (1888–1897) and the Governor-General of the Amur Region (1905–1910) P. F. Unterberger to the resettlement from Korea and the economic activities of Koreans in the Amur Region. The purpose of the study is to analyze P. F. Unterberger's policy on the settlement of the Korean issue in the Russian Far East. The author examines in detail the assessments of the regional administrator regarding the degree of assimilation of Korean immigrants with the Russian population, reveals his approach to the acceptance of Koreans into Russian citizenship. Special attention is paid to the negative aspects of the economic detail of Koreans in the Russian Far East and the political risks associated with their stay in Russia, which P. F. Unterberger highlighted in his essays. The scientific novelty of the study consists in the conclusion about the key role of the official in the development of measures of the Far Eastern administration to formalize the legal status of Koreans in Russia. The main reasons for the administrator's negative attitude towards immigrants from Korea are identified. The main principles that guided the official in carrying out the policy on the settlement of the Korean problem are formulated. The author stressed that the views expressed by P. F. Unterberger in his works contradict the basic principles of the national policy of the Russian Federation. Individual formulations of an official by modern standards are politically incorrect and cannot

be used either in official documents or in scientific or journalistic materials.

Keywords: korean question, Far Eastern administration, Amur region, citizenship, Koreans, colonization, governor, assimilation, aliens, oath

References (transliterated)

1. Unterberger P. F. Primorskaya oblast' 1856–1898 gg.: Ocherk. SPb. Tipografiya V. F. Kirshbauma, 1900. VIII, 324 s.
2. Unterberger P. F. Priamurskii krai 1906–1910 gg.: Ocherk. SPb.: Tipografiya V. F. Kirshbauma, 1912. 497 s.
3. Grave V. V. Kitaitsy, koreitsy i yapontsy v Priamur'e: otchet upolnomochennogo M-va in. del V. V. Grave. SPb., 1912. 489 s.
4. Anosov S. D. Koreitsy v Ussuriiskom krae. Vladivostok: Knizhnoe delo, 1928. 86 s.
5. Kim G.N. Istorya immigratsii koreitsev. Vtoraya polovina KhIX v. –1945 g.-Kn. 1. Almaty: Daik-press, 1999. 424 s.
6. Li E. L. «Zheltaya ugroza» ili «zheltyi vopros» v trudakh Amurskoi Ekspeditsii 1910 g. // Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2010. № 3(14). S. 29–40.
7. Shlikevich S. P. Kolonizatsionnoe znachenie zemledeliya v Priamur'e. TAE. Vyp. 5. SPb. 1911. 142 s.
8. Pesotskii V. D. Koreiskii vopros v Priamur'e. Khabarovsk: Tipografiya Kantselyarii Priamurskogo General-Gubernatora, 1913. 188 s.
9. Pak B. D. Koreitsy v Rossiiskoi imperii / Izdanie vtoroe, ispravленное: Monografiya. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1994. 238 s.
10. Sorokina T. N. Rossiiskie chinovniki o kitaiskoi i koreiskoi identichnosti v Priamurskom krae v nachale KhKh V.: k postanovke problemy // Chelovek v menyayushchemsya mire. Problemy identichnosti i sotsial'noi adaptatsii v istorii i sovremennosti: metodologiya, metodika i praktiki issledovaniya: Programma i tezisy. materialy mezdunarod. nauch. konf., Tomsk, 14–15 oktyabrya 2014 g. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2014. S. 69–70.
11. Averin M. B. Sovet ministrov Rossiiskoi imperii i zakon 1910 G. "ob ustanovlenii v predelakh Priamurskogo general-gubernatorstva i Zabaikal'skoi oblasti, Irkutskogo general-gubernatorstva nekotorykh ogranicenii dlya lits, sostoyashchikh v inostrannom poddanstve" / M. B. Averin, V. V. Romanov // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. – 2021. – № 4(60). – S. 16–24.
12. Nadarov I. P. Vtoroi Khabarovskii s"ezd [gubernatorov i drugikh predstavitelei] 1886 g. Vladivostok: tip. Shtaba portov Vost. okeana, 1886. 79 s.
13. Petrov A. I. Koreiskaya diaspora na Dal'nem Vostoke Rossii. 60–90-e gody XIX veka. Vladivostok: DVO RAN, 2000. 304 s.
14. Kim Syn Khva Ocherki po istorii sovetskikh koreitsev. Alma-Ata: Nauka, 1965. 251 s.
15. Dubinina N. I. Priamurskii general-gubernator P. F. Unterberger. Dokumental'no-istoricheskoe povestvovanie. Khabarovsk: Riotip, 2008. 400 s.
16. Son Zh. G. Koreitsy: migratsiya po puti dlinoi v polveka (1864–1918) // Migratsiya koreitsev na russkii Dal'nii Vostok: rossiisko-koreiskie otnosheniya. 1821–1918 gg. Dokumental'naya istoriya. M., 2017. 722 s.
17. Koreitsy na rossiiskom Dal'nem Vostoke (vt. pol. XIX – nach. XX vv.): dokumenty i materialy v 2-kh kn. Kniga 1. Vladivostok: RGIA DV, 2004. 404 s.